

РАЙ БРАДБЕРИ

Кошкина пижама

ЭКСМО

RAY BRADBURY

The Cat's Pajamas

РЭЙ БРАДБЕРИ

Кошкина пижама

Москва

ЭКСМО

Санкт-Петербург

ДОМИНО

2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 87

Copyright © 2004 by Ray Bradbury

Оформление *Сергея Шикина*

Брэдбери Р.

Б 87 Кошкина пижама / Рэй Брэдбери. — М.: Эксмо;
СПб.: Домино, 2006. — 304 с.

ISBN 5-699-16978-4

Пьяные сенаторы проигрывают в индейском казино один штат за другим, пока не спускают всю страну.

Величайшим художником современности оказывается уличный хулиган, мастер граффити и аэрозольного баллончика.

«Мафиозная Бетономешалка» помогает Фрэнсису Скотту Фицджеральду дописать неоконченный роман о золотом веке Голливуда.

От современного классика американской литературы — двадцать публикующихся впервые рассказов. И маленькая поэма в качестве эпилога.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. О. Акимова, 2006
© ООО «Издательство «Эксмо»,
2006
© ООО «ИД «Домино», 2006
© Оформление. ООО «ИД «Домино»,
2006

ISBN 5-699-16978-4

*Посвящается Мэгги
Пижама для кошки, навсегда.*

*Памяти Скипа — нежного брата,
доброго друга, который разделил со
мной те прекрасные юные годы в Грин-
тауне, штат Иллинойс.*

*Выражаю благодарность Донну Ол-
брайту за то, что перерыл мои под-
валы и нашел рассказы, о которых я
давным-давно позабыл. Ты по-прежне-
му мой «золотистый ретривер».*

В с т у п л е н и е

ЖИВ, ЗДОРОВ, ПИШУ

Что можно сказать о моем сокровенном «я», о моем подсознании, о моем творческом демоне, который пишет за меня все эти рассказы?

Постараюсь найти какой-нибудь свежий способ, чтобы проникнуть в этот процесс, который вот уже семьдесят лет заставляет меня жить, двигаться и писать.

Двумя наглядными примерами того, как я работал начиная с сороковых годов и до сегодняшнего времени, являются мои рассказы «Куколка» и «Собираатель». (Прим.: «Куколка»* в этом

* В русских изданиях рассказ 1946 года «Chrysalis», о котором идет речь, назывался «Куколка» (пер. Н. Гончар) и «Превращение» (пер. Норы Галь). В данном сборнике рассказ «Chrysalis» называется «Куколка», чтобы избежать путаницы с другим рассказом этого же сборника «Превращение» («The Transformation»). (Прим. переводчика.)

сборнике отличается от одноименного рассказа, опубликованного в 1946 году в журнале «Эмейзинг сториз» и позднее включенного в сборник «"К" значит космос» («S is for Space»). Просто мне так понравилось это название, что я использовал его дважды.)

Когда-то, в сороковые, мы с братом долгими летними днями проводили все свое свободное время на пляже. Он был настоящим серфингистом, а я плавал без доски и время от времени слонялся у причала Санта-Моники и перезнакомился со всеми волейбольными игроками и силачами, поднимавшими тяжести. Среди приобретенных друзей было и несколько цветных (в те времена все говорили «цветной»; термины «черный» и «афроамериканец» появились многими годами позже).

Меня заинтересовала идея о том, что цветные в самом деле способны сгореть на солнце; раньше такая мысль никогда не приходила мне в голову. Метафора налицо, я написал рассказ «Куколка», и вот теперь он впервые увидел свет. Я написал этот рассказ и отложил в стол задолго до начала движения за права человека; это продукт своей эпохи, и я надеюсь, он выдержит проверку временем.

«Будем самими собой» — это результат того, что я вырос в доме своей бабушки и отчасти был воспитан чернокожей няней по имени Сью-

зен. Это была удивительная женщина, и все свое детство один раз в неделю я с нетерпением ждал ее прихода.

Когда в 1934 году моя семья переехала на запад, я потерял связь с большинством своих друзей в Уокегане, включая и Сьюзен. Она написала мне вдогонку, спрашивая, не может ли она поехать с нами и быть служанкой в нашей семье. Увы, это был разгар Великой депрессии, мой отец потерял работу, а брат поступил в Гражданский корпус охраны природных ресурсов, чтобы не быть обузой для нашей семьи. Мы были бедны, как церковные мыши, и сами едва держались на плаву. Мне пришлось написать Сьюзен, поблагодарить ее за доброту и пожелать ей счастья в будущем. Это навело меня на мысль когда-нибудь приехать в Уокеган, навестить друзей и повидаться с Сьюзен. Этого так и не произошло, но рассказ стал следствием того, как я воображал себе будущее, и того, что я оказался совсем не таким человеком, каким мне хотелось быть. Я получил известия о Сьюзен много лет спустя: она благополучно пережила весь оставшийся период Великой депрессии.

«Собиратель» — это уже совсем другой рассказ. Много лет назад, во время путешествия через Атлантику, мы с моей женой Мэгги встретили одного удивительного собирателя книг и основателя библиотек. Мы провели несколько

часов в его обществе, и нас страшно заинтересовали невероятные истории, которые он рассказывал о своей жизни.

В конце нашей встречи мы оба, я и моя жена, были поражены одним неожиданным поворотом, о котором вы прочтете в рассказе.

Двадцать лет я хранил память об этом путешествии и о том джентльмене, но так и не использовал подаренную им метафору.

Но за прошедшие шесть недель со мной произошло нечто странное и удивительное. В начале ноября моя жена заболела, ее увезли в больницу, и она умерла как раз накануне дня Благодарения. Во время ее болезни и после, впервые за семьдесят лет, мой демон смиренно сидел внутри меня. Не стало моей музыки, моей Мэгги, и демон не знал, что ему делать.

Прошли дни, потом недели, и я начал уже спрашивать себя, буду ли я когда-нибудь снова писать; мне было непривычно проснуться утром и не слышать пьесы, которую мои мысли разыгрывали в моей голове на подмостках моего собственного театра.

Но в одно прекрасное утро, несколько дней назад, я проснулся и увидел того джентльмена, «Собиранителя», который в ожидании сидел на краешке моей постели и который сказал: «В конце-то концов, напиши мою историю».

Обрадованный, впервые за полтора месяца я позвал свою дочь Александру и надиктовал ей этот рассказ.

Надеюсь, что, сравнив рассказы «Куколка» и «Собираатель», вы поймете: несмотря на разделяющее их время, моя способность распознать метафору не изменилась.

Разумеется, мои писательские способности, когда я писал «Куколку», были гораздо примитивнее, однако сама идея была сильная и достойная внимания.

Рассказ «Дело вкуса» стал следствием того, что в течение долгого времени в моей жизни мне приходилось сталкиваться с пауками: то в колонии, когда я жил в Тусоне, или по дороге в Мехико, когда мы увидели такого огромного паука, что даже вышли из машины, чтобы рассмотреть его поближе. Он был крупнее моей ладони, ужасно красивый и мохнатый. Вернувшись в Калифорнию, я перво-наперво столкнулся с тем, что в каждом гараже в Лос-Анджелесе прячутся несколько дюжин пауков «черная вдова», так что надо быть осторожным, чтобы тебя не укусили эти ядовитые создания. А потом ты начинаешь думать: интересно, каково это, когда у тебя скелет снаружи, а не внутри,— так что я развернул эту идею в рассказе «Дело вкуса», где нарисовал мир живущих на далекой планете пауков, которые гораздо умнее, чем приле-

тевшие к ним инопланетные астронавты. Этот рассказ стал началом замысла киносценария, озаглавленного «Пришелец из космоса» («It Came from Outer Space»), который я написал для студии «Юниверсал» несколько месяцев спустя. Так благодаря истории, захватившей мое воображение, я стал работать на студии и сделал неплохой фильм.

Что касается других рассказов этого сборника, большинство из них родились в моей голове практически мгновенно, и я едва успевал их записывать.

Однажды, полгода назад, я подписывал книги вместе с одним из своих молодых друзей, и мы стали с ним болтать об индейских казино, разбросанных по всем Соединенным Штатам. Неожиданно я сказал своему молодому приятелю: «А что, если кучка пьяных сенаторов проиграет Штаты владельцу какого-нибудь индейского казино»?

Не успел я это сказать, как тут же закричал: «Дай мне карандаш и бумагу», — набросал идею, а несколько часов спустя закончил писать рассказ.

Полгода назад, просматривая «Нью-Йоркер», я наткнулся на серию фотографий бедных оклахомцев, сделанных как будто в тридцатые годы, когда они подались на запад по шоссе 66. Прочтя дальше, я обнаружил, что это были вов-

се не оклахомцы, а нью-йоркские модели, наряженные в старые одежды и позировавшие в Нью-Йорке не ранее чем год назад. Это открытие настолько поразило и разгневало меня — как такая трагическая страница нашей истории могла стать темой для модного показа?! — что я написал рассказ «Шестьдесят шесть».

Эта книга также исполнена привязанности к моим любимым писателям. Никогда в жизни я не испытывал ревности или зависти к таким почитаемым мною авторам, как Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Мелвилл, Эдгар По, Оскар Уайльд и другие. Мне бы только хотелось, чтобы мои книги стояли на полках библиотек рядом с их книгами.

Потому-то я настолько беспокоился о состоянии ума и творческих способностях Фицджеральда, что часто выдумывал всякие машины времени, чтобы вернуться в прошлое и спасти его от самого себя; конечно, это была невыполнимая задача, но этого требовала моя любовь.

В данном сборнике вы найдете меня в роли защитника веры, помогающего Скотти завершить труд, который он должен был завершить, и без конца увещающего: не поклоняйся деньгам, держись подальше от киностудий.

Несколько лет назад, проезжая по автостраде в сторону Пасадены, я увидел потрясающие граффити, изображенные на бетонных стенах и на

пролетах мостов: чтобы творить эту удивительную настенную живопись, неизвестным художникам приходилось висеть вниз головой. Эта мысль так меня захватила, что к концу дня я написал рассказ «*Où, Ороско! Сикейрос, si!*».

Рассказ о погребальном поезде Линкольна «Траурный поезд имени Джона Уилкса Бута/Уорнер Бразерс/MGM/NBC» кажется вполне понятным, поскольку мы живем в такое время, когда реклама стала своеобразным стилем жизни, подлинная сущность истории забывается и прославляются не герои, а преступники.

«Все мои враги мертвы» — также вполне прозрачная история. По мере старения мы обнаруживаем, что не только наши друзья растворяются в потоке времени, но и враги, которые не давали нам прохода в начальной, а потом в средней школе, исчезают, и мы вдруг понимаем, что в нас не осталось никаких враждебных воспоминаний! Я довел эту мысль до ее логического конца.

«"Восточный экспресс" в Вечность для Р. Б., Г. К. Ч. и Дж. Б. Ш.» — уже не рассказ как таковой, а скорее рассказ-поэма, в котором прекрасно воплотилась моя беззаветная любовь к книгам и их авторам начиная с того времени, когда мне было восемь лет. Я не обучался в университете, поэтому библиотека стала для меня местом встречи с такими людьми, как Г. К. Честер-

тон, Бернард Шоу и все остальные из той удивительной компании, что населяла книжные полки. Я мечтал, что однажды приду в библиотеку и увижу одну из моих книг прислоненной к одной из их книг. Я никогда не ревновал моих героев, никогда не завидовал им, мне лишь хотелось, как верному псу, бежать вслед их славе. Поэма родилась за один день, одним непрерывным потоком, так что я тихонько, как мышка, незаметно мог скользить по ней, слушая их фантастические беседы. Если в чем-то и выразилась моя жизненная цель на протяжении некоего периода, то в этой поэме — вот почему я решил включить ее в этот сборник.

В общем, большинство этих рассказов захватывали меня в различные моменты моей жизни и не отпускали до тех пор, пока я не закреплял их на бумаге.

Это говорит мой демон. Надеюсь, вы его слушаете.

КУКОЛКА

1946—1947

Далеко за полночь он вставал, оглядывал вынутые из коробок новехонькие флаконы, протянув руки, ощупывал их, потихоньку чиркал спичкой, чтобы прочесть эти белые этикетки, пока все его семейство безмятежно спало в соседней комнате. К подножию холма, на котором стоял их дом, подкатывало море, и, пока он шептал про себя волшебные названия лосьонов, до него доносилось шипение волн, омывающих скалы и песок. Эти названия слетали с его языка, как песня: *МЕМФИССКОЕ БЕЛОЕ МАСЛО, результат гарантирован, Мягкий Бальзам Теннесси... ОТБЕЛИВАЮЩЕЕ МЫЛО, СНЕЖНАЯ БЕЛИЗНА ХИГГЕН* — они были, словно солнечный луч, выжигающий тьму, словно вода, добела отмывающая белье. И тогда он откупоривал их, капал немного на руки, растирал и, подставив

ладонь под свет спички, ждал, когда же наконец его руки станут белыми, как хлопковые перчатки. Но ничего не происходило, и он утешал себя тем, что, может быть, это произойдет завтра ночью или послезавтра, а возвратившись в постель, все лежал, не сводя глаз со стеклянных бутылок, громоздившихся над ним, как гигантские зеленые жуки, поблескивающие в слабом отсвете уличных фонарей.

«Зачем я это делаю? — думал он. — Зачем?»

— Уолтер? — издали доносился негромкий голос матери.

— Да, ма?

— Ты не спишь, Уолтер?

— Нет, ма.

— Давай-ка лучше спи, — говорила она.

Утром он спустился с холма, чтобы в первый раз вблизи увидеть равномерно накатывающее море. Оно для него было каким-то чудом, поскольку никогда раньше он такого не видел. Они приехали из маленького городка в Алабаме, пыльного и душного, где были лишь пересохшие ручьи да грязные ямы: поблизости ни реки, ни озера, если только далеко ехать, — и это была их первая в жизни поездка, когда они на помятом «фордике», что-то негромко напевая, отправились в Калифорнию. Как раз накануне поездки Уолтер набрал нужную сумму, накопленную

за год, и отослал деньги за двенадцать бутылок волшебного лосьона, которые пришли всего за день до отъезда. Так что ему пришлось упаковать их в коробки и тащить через долины и пустыни Америки, потихоньку пробуя то один, то другой лосьон в захудалых мотелях и уборных по дороге. В машине он садился на переднее сиденье, запрокинув голову, закрыв глаза, подставляя солнцу намазанное лосьоном лицо и ожидая, когда же оно станет молочно-белым. «Я уже вижу,— говорил он себе каждый вечер.— Я стал чуть-чуть белее».

— Уолтер,— говорила мать.— Что это за запах? Что это у тебя на лице?

— Ничего, мам, ничего.

Ничего? Он прошел по песку, остановился у зеленой воды, вынул из кармана один из флаконов, вылил тонкое колечко белесоватого вещества в ладонь и размазал его по лицу и рукам. Он мог бы, как ворон, лежать сегодня у моря весь день, чтобы солнце вытравливало добела его темную кожу. Может, ему нырнуть в волны, чтобы они хорошенько перелопатили его, как стиральная машина перелопачивает какую-нибудь темную тряпку, а потом выкинули бы его, задыхающегося, на песок сохнуть и жариться на солнце, пока на песке не останется один тонкий скелет, словно остов какого-то доисториче-

ского животного — белый, как мел, свежий и чистый.

«Результат *ГАРАНТИРОВАН*», — гласили красные буквы на этикетке. Это слово пылало в его мозгу. *ГАРАНТИРОВАН!*

— Уолтер, — опешив, скажет мать. — Что с тобой случилось? Ты ли это, сынок? Господи, ты белый, как молоко, сынок, белый, как снег!

Было жарко. Уолтер приостановился у дощатой дорожки и снял ботинки. За его спиной от ларька с хот-догами доносились волны разогретого воздуха, запахи лука, горячих булочек и франкфуртских сосисок. Из окошка выглянул человек с изрытым оспинами потливым лицом и посмотрел на Уолтера; Уолтер, отводя взгляд, смущенно кивнул. Через минуту дверца ларька хлопнула, и Уолтер услышал звук решительно приближающихся шагов. Человек остановился, глядя в упор на Уолтера: в одной руке у него была серебряная лопаточка, на голове — засаленный и серый поварской колпак.

— Шел бы ты отсюда, — сказал он.

— Простите, сэр?

— Я сказал, пляж для ниггеров вон там. — Человек кивнул в том направлении, не сводя при этом глаз с Уолтера. — Я не хочу, чтобы ты тут ошивался.

Уолтер удивленно смотрел на этого человека.

— Но это же Калифорния, — возразил он.

— Ты что, препираться со мной вздумал? — спросил тот.

— Нет, сэр, просто я сказал, что мы не на Юге, сэр.

— Где я, там и Юг, — отрезал человек и пошел назад к своему ларьку, там он шлепнул несколько бургеров на решетку и яростно припечатал их своей лопаткой, сверля Уолтера огненным взглядом.

Уолтер неторопливо повернул свое длинное тело и зашагал к северу. Диковинность и необычайность этого пляжа нахлынула на него волной прибоя и мелкого текучего песка. Дойдя до самого конца дощатой дорожки, он остановился и осторожно посмотрел на лежащего человека.

На белом песке в свободно изогнутой позе растянулся белый парнишка.

В огромных глазах Уолтера блеснул огонек удивления. Белые вообще все странные, но этот был страннее их всех, вместе взятых и завернутых в один кулек. Не сводя с него глаз, Уолтер похлопал одной коричневой ногой о другую. Похоже, белый парнишка чего-то ждал здесь, лежа на песке.

Он то и дело бросал нахмуренный взгляд на свои руки, поглаживал их, заглядывал себе через плечо, осматривая спину, пристально смотрел на свой живот и крепкие, стройные ноги.

Обеспокоенный, Уолтер сошел вниз с дощатой дорожки. Он сделал несколько осторожных шагов по песку и, с надеждой и тревогой облизнув пересохшие губы, встал над белым парнишкой, отбрасывая на него свою тень.

Белый мальчик лежал, безвольно раскинувшись, как марионетка без своих веревочек, совершенно расслабленный. Длинная тень легла на его руки, и он поднял на Уолтера спокойный взгляд, затем посмотрел в сторону, затем снова на Уолтера.

Уолтер подошел поближе, застенчиво улыбнулся и уставился куда-то вдаль, словно белый мальчишка смотрел вовсе не на него.

Паренек усмехнулся:

— Привет.

— Здорово, — очень тихо отозвался Уолтер.

— Отличный денек.

— Похоже на то, — улыбаясь, сказал Уолтер.

Но с места не сдвинулся. Он стоял, держа свои длинные, тонкие пальцы на боках и предоставив ветру гулять в убористых рядах своих черных волос, пока наконец белый паренек не сказал:

— Плюхайся рядом!

— Спасибо, — ответил Уолтер, немедленно повинувшись.

Паренек окинул взглядом все вокруг.

— Сегодня здесь маловато ребят.

— Лето кончилось,— осторожно заметил Уолтер.

— Да. Уроки начались неделю назад.

Они помолчали.

— Ты уже закончил школу? — спросил Уолтер.

— Да, в июне. Все лето работал, не было даже времени сходить на пляж.

— А теперь наверстываешь упущенное?

— М-да. Только вот не знаю, удастся ли загореть за две недели. В начале октября мне надо ехать в Чикаго.

— А-а-а,— понимающе кивнул Уолтер.— А я-то каждый день смотрел на тебя и думал, что ты тут делаешь.

Паренек вздохнул, лениво откинув голову на скрещенные руки.

— Что может быть лучше пляжа. Тебя как зовут? Меня — Билл.

— А я Уолтер. Привет, Билл.

— Здорово, Уолт.

На берег набежала тихая, сверкающая волна.

— Значит, тебе нравится пляж? — спросил Уолтер.

— Конечно, видел бы ты меня позапрошлым летом!

— Готов поспорить, ты тогда весь сгорел,— сказал Уолтер.

— Черта с два, я *никогда* не стораю. Я только чернею и чернею. Становлюсь черным, как ниг...— Белый парнишка запнулся и умолк. На лице вспыхнул розовый румянец.— Я становлюсь совершенно черным,— неуверенно закончил он, от смущения не глядя на Уолтера.

Тряхнув головой, Уолтер тихонько, почти грустно рассмеялся, показывая, что не обратил внимания на обидные слова.

Билл с удивлением посмотрел на него:

— Что тут смешного?

— Ничего,— ответил Уолтер, глядя на бледные длинные руки, едва загорелые ноги и белый живот паренька.— Абсолютно ничего.

Билл растянулся, словно белый кот, стараясь вобрать в себя побольше солнца, чтобы оно прогрело каждую его расслабленную косточку.

— Сними рубашку, Уолт. Погрейся на солнышке.

— Нет, не могу,— сказал Уолтер.

— Почему?

— Я обгорю,— ответил Уолтер.

— Ха! — воскликнул белый паренек. И тут же, спохватившись, быстро отвернулся, заткнув себе рот ладонью. Он потупил взгляд, потом снова поднял глаза.— Прости, я думал, ты шутишь.

Уолтер опустил голову, моргая своими длинными красивыми ресницами.

— Все в порядке,— сказал он.— Я знал, что ты так подумаешь.

Билл посмотрел на Уолтера, как будто видел его в первый раз. Не зная, куда деваться от смущения, Уолтер подсунул свои голые пятки под ягодицы, потому что они показались ему вдруг поразительно похожими на коричневые галоши. Коричневые галоши, потрепанные бурей, которая будто так и не началась толком.

Билл смутился.

— Я никогда об этом не задумывался. Я не знал.

— Да-да, мы тоже обгораем,— сказал Уолтер.— Стоит мне только скинуть рубашку, и — бац! — я уже весь в волдырях! Честное слово, мы обгораем.

— Черт бы меня побрал,— сказал Билл.— Черт меня дери. Я *должен* был это знать. Похоже, мы не слишком задумываемся о таких вещах.

Уолтер просеял песок в ладонь.

— Нет,— медленно произнес он,— похоже, не слишком.

Он поднялся.

— Ладно, пойду-ка я лучше обратно в гостиницу. Надо помочь матери на кухне.

— Увидимся, Уолт.

— Конечно. Завтра и послезавтра.

— О'кей. Пока.

Уолтер помахал рукой и стал быстро взбираться на прибрежный холм. На вершине он оглянулся. Билл по-прежнему лежал на песке, чего-то ожидая.

Уолтер закусил губу и встряхнул пальцами.

— Господи, — сказал он вслух, — этот парень просто чокнутый!

Когда Уолтер был совсем маленьким, он уже тогда пытался изменить порядок вещей. Как-то учительница в школе сказала, указывая на рисунок с рыбой:

— Обратите внимание, как обесцветилась и побелела эта рыба из-за того, что многие поколения ее предков плавали глубоко в Мамонтовой Пещере. Она слепа, ей не нужны зрительные органы, и...

В тот же день, много лет назад, Уолтер во весь дух примчался из школы домой и в нетерпении укрылся наверху, в чердачной каморке мистера Хэмпдена, дворника. Снаружи вовсю палило горячее алабамское солнце. Уолтер свернулся клубочком в этой нафталиновой темноте, слушая, как барабанно стучит его сердце. По пыльным доскам прошуршала мышь.

Он все понял. Белый человек, работающий на солнце, становится черным. Черный мальчик, прячущийся в темноте, становится белым. Ну конечно! Логично? Логично! Если что-то проис-

ходит одним образом, то другое должно происходить другим образом, верно?

Он лежал на этом чердаке, пока голод не заставил его спуститься вниз.

Уже стемнело. Зажглись звезды.

Он внимательно посмотрел на свои руки.

Они были по-прежнему коричневыми.

Ничего, подождем до утра! Это не считается! В темноте разницы не увидишь, нет, сэр! Подождем, подождем! Вдохнув полной грудью, остаток пути вниз по лестнице этого старого дома он проделал бегом, помчался скорей через рощицу в мамину хибарку и, не вынимая рук из карманов и не открывая глаз, скользнул в кровать. Он много думал, прежде чем заснуть.

Утром он проснулся в клетке из солнечных лучей, проникших сквозь единственное тесное окошко.

Его руки лежали поверх рваного лоскутного одеяла все такие же черные-пречерные.

Испустив тяжкий вздох, он зарылся лицом в подушку.

Каждый день после полудня Уолтера снова и снова тянуло на набережную, и каждый раз он делал огромный крюк, аккуратно обходя стороной торговца хот-догами и его тележку.

Происходит что-то очень-очень важное, думал Уолтер. Что-то меняется, эволюционирует.

Он всматривался в мельчайшие детали умирающего лета, и это наводило его на глубокие раздумья. Все время до самого конца этого лета он пытался вникнуть в его суть. А осень уже вставала прибрежной волной, нависала над его головой и парила, вот-вот готовая обрушиться.

Каждый день Билл и Уолтер болтали вдвоем, так шел час за часом, а их руки, лежавшие рядом, начинали походить друг на друга, что до странности радовало Уолтера, который заворуженно наблюдал, как происходит это превращение, которое Билл заранее планировал и ради которого так терпеливо тратил свое время.

Билл чертил на песке рисунки бледной рукой, которая день ото дня становилась все чернее. Солнце окрасило каждый ее палец.

По субботам и воскресеньям приходили и другие белые парни. Уолтер хотел было пройти мимо, но Билл окликнул его и сказал, чтобы он оставался, черт побери! И Уолтер играл вместе с ними в волейбол.

Лето купало их в горячем пламени песка и зеленом пламени волны, пока не выполоскало их и не отлакировало дочерна. Впервые в своей жизни Уолтер чувствовал себя частью людской общности. Людей, которые по своему выбору влезли в его кожу и приплясывали, становясь всё черней, по обе стороны от высокой волейбольной сетки, перебрасывая через нее мяч и

заливистый смех, в шутку боролись с Уолтером, подначивали его и сталкивали в море.

Наконец однажды Билл похлопал Уолтера по запястью и вскричал:

— Смотри, Уолтер!

Уолтер посмотрел.

— Я чернее тебя, Уолт! — с удивлением воскликнул Билл.

— Черт возьми, черт меня побери, — бормотал Уолтер, переводя взгляд с одного запястья на другое. — М-м-м, хм, хм. Да, сэр, ты чернее меня, Билл. *Точно*, чернее.

Пальцы Билла задержались на запястье Уолтера, лицо вдруг приняло какое-то ошеломленное, слегка нахмуренное выражение, нижняя губа отвисла, а мысли лихорадочно замелькали в глазах. С резким смехом он отдернул руку и перевел взгляд на море.

— Вечером надену белую спортивную рубашку. Она будет шикарно смотреться. Белая рубашка с моим загаром — просто класс!

— Клянусь, это будет красиво, — сказал Уолтер, стараясь рассмотреть, на что же так уставился Билл. — Многие цветные носят черное и рубашки винного цвета, чтобы их лица казались белее.

— Это правда, Уолт? Я не знал.

Казалось, Билл почувствовал себя неловко, как будто подумал о чем-то для него невыно-

симом. И вдруг, словно его осенило, он сказал Уолтеру:

— Эй, вот деньги. Пойди купи нам с тобой парочку хот-догов.

Уолтер благодарно улыбнулся.

— Этот продавец хот-догов меня недолюбливает.

— Все равно, возьми деньги и иди. Наплюй на него.

— Ладно,— с неохотой сказал Уолтер.— Тебе всего положить?

— Полный набор!

Уолтер вприпрыжку помчался по горячему песку. Запрыгнув на дорожку, он вошел под ароматный навес палатки и остановился перед прилавком, насвистывая,— высокий, осанистый.

— Два полных хот-дога с собой, пожалуйста,— сказал он.

Человек за прилавком застыл с лопаткой в руке. Он просто стоял, рассматривая Уолтера дюйм за дюймом, во всех подробностях, вертя в своих тощих пальцах лопатку. Молча.

Когда Уолтеру надоело стоять так, он повернулся и пошел прочь.

Уолтер шел, не торопясь, позвякивая монетами в своей большой ладони и делая вид, будто ему наплевать. Звяканье прекратилось, когда Билл схватил его за плечи.

— Что случилось, Уолт?

— Этот тип все смотрел и смотрел на меня, вот и все.

Билл повернул его обратно.

— Давай! Мы получим эти чертовы хот-доги, или не знаю, что я сделаю!

Уолтер отступил.

— Я не хочу неприятностей.

— Ладно. Черт. Я сам куплю хот-доги. Жди здесь.

Билл подбежал к затененному прилавку и встал, облокотившись.

Уолтер ясно видел и слышал все, что произошло в следующие десять секунд.

Продавец хот-догов вскинул голову и бросил на Билла огненный взгляд.

— Проклятье, черномазый, опять ты здесь! — закричал он.

Наступило молчание.

Билл еще больше склонился над прилавком, ожидая.

Продавец хот-догов вдруг суетливо рассмеялся.

— Черт бы меня побрал. Привет, Билл! От воды слепит... ты выглядел точно как... Что желаешь?

Билл поймал продавца за локоть.

— Что-то не пойму. Я ведь чернее его. Так что же ты лижешь мой зад?

Лавочник не знал, что ответить.

— Но, Билл, ты стоял против света...

— А пошел ты!

Билл вышел под яркие лучи солнца, побледневший под своим загаром, взял Уолтера за локоть и зашагал прочь.

— Пошли, Уолт. Я не голоден.

— Странно,— отозвался Уолтер.— Я тоже.

Две недели закончились. Пришла осень. Два дня стоял холодный соленый туман, и Уолтер подумал было, что никогда больше не увидит Билла. Он бродил один вдоль набережной. Здесь было так тихо. Смолкли гудки. Деревянная обшивка последней из оставшихся палаток с хот-догами сорвана и наспех прибита гвоздями, а по серому песку остывающего пляжа носился буйный одинокий ветер.

Во вторник на короткий миг выглянуло солнце, и, конечно, появился Билл, одиноко раскинувшийся на пустынном пляже.

— Думаю, это последний раз, что я пришел сюда,— сказал он, когда Уолт присел рядом.— Так что мы больше не увидимся.

— Едешь в Чикаго?

— Да. Все равно здесь уже нет солнца; во всяком случае, такого солнца, как я люблю. Так что лучше двигать на восток.

— Пожалуй, ты прав,— поддержал Уолтер.

— Мы неплохо провели эти две недели,— сказал Билл.

Уолтер кивнул.

— Мы *отлично* провели эти две недели.

— И я неплохо загорел.

— Очень неплохо.

— Правда, загар уже начинает сходить,— с сожалением продолжал Билл.— Жаль, что нет времени загореть так, чтоб держалось.

Он заглянул через плечо на свою спину и, согнув руки в локтях, пальцами стал проводить какие-то хватательные манипуляции.

— Смотри, Уолт, эта чертова кожа уже слезает, да к тому же чешется. Тебя не затруднит немного посдирать ее с меня?

— Не затруднит,— ответил Уолтер.— Повернись.

Билл молча повернулся, и Уолтер, с сияющими глазами, протянул руку и осторожно оторвал полоску кожи.

Кусочек за кусочком, чешуйка за чешуйкой, полоска за полоской он снимал темную кожу с мускулистой спины Билла, с его крепких плеч, шеи и позвоночника, обнажая бело-розовую подстежку.

Когда он закончил, Билл выглядел раздетым, одиноким и жалким, и Уолтер понял, что он что-то сотворил с Биллом, но Билл принимает это

философски, совершенно не беспокоясь, и тогда — впервые за все лето! — в голове Уолтера сверкнула яркая вспышка.

Он сотворил с Биллом нечто, что было правильно и естественно, чего нельзя избежать, от чего нельзя уклониться: так есть и так должно быть. Билл все лето ждал этого и думал, будто что-то обрел, но на самом деле этого не было. Ему лишь казалось, что оно есть.

Ветер унес прочь обрывки кожи.

— Ради этого ты пролежал здесь весь июль и август, — медленно проговорил Уолтер. Он выпустил из пальцев кусочек кожицы. — И все исчезло. А я терпел всю свою жизнь, и вот оно тоже уходит.

Он с гордостью повернулся спиной к Биллу и, то ли с грустью, то ли с облегчением, но спокойно, сказал:

— А теперь попробуй-ка содрать ее с меня!

ОСТРОВ

1952

Зимняя ночь белыми клочьями носилась за освещенными окнами. Снежная вереница то выступала размеренным шагом, то взвивалась и закручивалась вихрем. Но непрестанно сыпала и ложилась белая крупа, бесконечно заполняя тишиной глубокую бездну.

Дом был заперт, заткнуты все щели, все окна, все двери и створы. В каждой комнате мягко светили лампы. Задержав дыхание, дом погрузился в теплую дрему. Вздыхали батареи. Тихо жужжал холодильник. В библиотеке, под зеленым, цвета лайма, абажуром керосиновой лампы, двигалась белая рука, скрипело перо, лицо склонилось над чернилами, высыхающими на этом искусственно-летнем воздухе.

На верхнем этаже в кровати лежала старая женщина и читала. Напротив, через гостиную,

ее дочь раскладывала белье в гардеробной. Еще выше, в мансарде, ее сын, лет двадцати пяти, изящно стучал на пишущей машинке и бросал очередной комок бумаги в растущую на ковре кучу.

Внизу кухарка закончила мыть винные бокалы после ужина, под мелодичный звон убрала их на полки, вытерла руки, поправила волосы и протянула руку к выключателю.

И в этот самый момент все пятеро обитателей заснеженного ночного дома слышали необычный звук.

Звук разбивающегося окна.

Он напоминал треск лунно-белого льда на полночном пруду.

Старая женщина села в своей кровати. Ее младшая дочь перестала раскладывать белье. Сын, собиравшийся было скомкать отпечатанную страницу, застыл, сжимая в кулаке бумагу.

Вторая дочь, в библиотеке, затаила дыхание, дав темным чернилам с почти различным шипением беспрепятственно высохнуть на полпути к странице.

Кухарка остановилась, держа руку на выключателе.

Ни звука.

Тишина.

Только шелест холодного ветра, залетевшего в какое-то дальнее разбитое окно и гуляющего по комнатам.

Все головы, каждая в своей комнате, повернулись, посмотрели сперва на едва заметное шевеление коврового ворса, ласкаемого дыханием ветра, проскользнувшего под каждую дверь. Потом их взгляды метнулись к медным ручкам дверей.

Каждая дверь имела свою оборону, у каждой была система защиты — щеколда, цепочка, засовы, ключи. Мать за те годы, когда ее странности развивались, раскручиваясь как юла, пока не дошли до полного абсурда, носилась с этими дверями так, будто каждая из них была драгоценным, удивительным и новым живым существом.

Пока болезнь бесцеремонно не уложила ее в постель, она годами твердила всем, что боится всякой комнаты, которая не может *мгновенно* превратиться в крепость! Дом, где живут женщины (сын Роберт редко спускался со своей верхотуры), требовал средств быстрой защиты от слепой алчности, зависти и насилия этого мира, чья лихорадочная похоть лишь немного умерялась зимой.

Такова была ее теория.

— На что нам столько замков! — возмущалась Элис много лет назад.

— Настанет день, — отвечала ей мать, — и ты возблаговаришь Бога за один-единственный крепкий замок.

— Но грабителю,— говорила Элис,— достаточно всего лишь разбить окно, открыть эти глупые замки и...

— Разбить окно! И тем самым *предупредить* нас? Чепуха!

— Все было бы гораздо проще, если бы мы попросту держали деньги в *банке*.

— Опять чепуха! В двадцать девятом я хорошо узнала, что значит отнять у бедняка последнюю монету! У меня пистолет под подушкой, а деньги под кроватью! Я сама — Первый национальный банк Оук-Грин-Айленда!

— Банк с капиталом в сорок тысяч долларов?

— Замолчи! Почему бы тебе не выйти на улицу и не покричать об этом на всех углах? Кроме того, злодеи могут прийти не только за деньгами. А за тобой, за Мэделин... за мной!

— Мама, мама! Мы же старые девы, будем смотреть правде в глаза.

— Мы женщины, не забывай, *женщины*. А где остальные пистолеты?

— По одному в каждой комнате, мама.

И вот так, из года в год, вся эта домашняя артиллерия заряжалась и приводилась в боевую готовность, люки задраивались и отдраивались в зависимости от времени года. Вверх и вниз по проводам бежал сигнал внутреннего телефо-

на, работающего от батарей. Дочери, хотя и не без улыбки, согласились на установку этих телефонов: по крайней мере, это избавит от необходимости кричать с этажа на этаж.

— А почему бы одновременно, — предложила Элис, — не обрезать внешний телефон? Вот уже давно никто из города из-за озера не звонил ни мне, ни Мэделин.

— К черту этот телефон! — подхватила Мэделин. — Каждый месяц он стоит нам кучу денег! Ну кому *мы* можем туда звонить?

— Мужланы, — отозвался Роберт, направляясь на свой чердак. — Все они мужланы.

И вот сейчас, глубокой зимней ночью, слышался один-единственный, одинокий звук. Звук разбивающегося оконного стекла, словно тонкий звон лопнувшего винного бокала, словно пробуждение от долгого и уютного зимнего сна.

Все пятеро обитателей этого дома-острова превратились в белые статуи.

Если бы кто-то заглянул в окна каждой комнаты, он бы подумал, что это музей восковых фигур. Каждый его обитатель, застывший от ужаса, был представлен в последнее мгновение работы мысли: когда пришло осознание. В каждом из остекленевших глаз виднелась та же самая искра, которая мелькает и навсегда запечатлевается в памяти, когда на залитой солнцем по-

ляне застывший в испуге олень медленно поворачивает голову, чтобы заглянуть в длинное, холодное дуло стального ружья.

Внимание каждого из пятерых было приковано к двери.

Каждый увидел, что от этой ожидающей, готовой замкнуться двери его кровать или кресло отделяет целый континент. Расстояние — незначительное для тела. Но психологически непреодолимое для разума. А вдруг, пока они будут делать этот бросок, этот длинный бросок, чтобы задвинуть засовы, повернуть ключи, *нечто* из холла прыжком преодолеет такое же расстояние и вломится в еще не запертую дверь?!

Эта мысль пронеслась в каждой голове со скоростью машинки для стрижки волос. Она пригвоздила их к месту. И не отпускала.

За ней пришла другая, успокаивающая мысль.

Ничего страшного, говорила она. Ветер разбил окно. Какая-нибудь ветка упала, конечно! Или снежок, брошенный каким-нибудь маленьким зимним шалунишкой, неслышно подкравшимся в ночи и неведомо куда направляющимся...

Все пятеро обитателей дома одновременно встали.

Коридоры сотрясались от ветра. Бледность хлопьями оседала на лицах семейства, засыпа-

ла снегом их воспаленные глаза. Все уже приготовились было схватиться за ручки своих личных дверей, распахнуть их, выглянуть наружу и крикнуть: «Это всего лишь упавшая ветка дерева, да!» — но тут послышался еще один звук.

Лязг металла.

А потом где-то, словно неумолимое лезвие огромной гильотины, начала подниматься рама окна.

Она ползла в своих проржавевших пазах. Она раззявила свой огромный рот, впуская в дом зимний холод.

Все двери в доме заколотились и заныли всеми своими петлями и порогами.

Порыв ветра задул лампы в каждой комнате.

— Никакого электричества! — когда-то, много лет назад, заявила мать. — Никаких подачек от города! Наш козырь — самодостаточность! Ничего не давать, ничего не брать.

Ее голос, затихая, канул в прошлое.

Не успели масляные лампы потухнуть, как в каждой комнате ярче, чем дрова в камине, вспыхнул и разгорелся страх.

Элис чувствовала, как он призрачным светом пылает на ее щеках. При свете этого ужаса, горевшего на ее челе, она могла бы читать книги.

По всей видимости, оставалось только одно.

Четверо людей, все вместе, каждый в своей комнате, одинаково бросились к своим дверям

и начали ковыряться в замках, задвигать щеколды, накидывать цепочки, поворачивать ключи!

— Я в безопасности! — кричали они. — Я заперся, я в безопасности!

Так поступили все, кроме одного человека — кухарки. Она проводила в этом варварском доме каждый день лишь несколько часов, дикие паники и страхи матери ее не касались. Жизнь в городе за широким травяным рвом, забором и стеной с годами сделала ее практичной, и она размышляла всего мгновение. После чего совершила то, что должно было быть жестом спасения, но стало жестом отчаяния.

Рванув на себя дверь кухни, она распахнула ее и кинулась в большую гостиную при входе. Откуда-то издалека во тьме дул ветер, словно из ледяной глотки дракона.

«Сейчас выйдут остальные!» — подумала она.

Она быстро выкрикнула их имена.

— Мисс Мэделин, мисс Элис, миссис Бен-тон, мистер Роберт!

Затем, повернувшись, она бросилась через холл, в сторону завывающей тьмы открытого окна.

— Мисс Мэделин!

Мэделин, как Христос пригвожденная к двери своей гардеробной, еще раз повернула ключ в замке.

— Мисс Элис!

В библиотеке, где бледные листы бумаги плясали в темноте, как пьяные мотыльки, Элис отпрянула от своей закрытой двери, нащарила спички и зажгла керосинку. В голове у нее стучало, будто внутри билось живое сердце, выдавливая глаза из орбит, не давая сомкнуться задыхающимся губам, закладывая уши, так что ничего не было слышно, кроме дикой пульсации и глухого, всасывающего дыхания.

— Миссис Бентон!

Старуха беспокойно заерзала на своей кровати, провела руками по лицу, стараясь придать его растаявшей плоти наиболее подходящее сейчас выражение потрясения. Затем ее пальцы простерлись в сторону незапертой двери.

— Идиоты! Чертовы идиоты! Кто-нибудь, запирийте мою дверь! Элис, Роберт, Мэделин!

— Элис, Роберт, Мэделин! — эхом разносилось по темным коридорам.

— Мистер Роберт! — призывал его спуститься с чердака дрожащий голос кухарки.

Затем каждый из них по отдельности услышал крик кухарки. Один испуганный и осуждающий вскрик.

А затем — мягкий звук падающего на крышу снега.

Они все застыли на месте, осознавая, что значит это молчание. Они ждали какого-нибудь нового звука.

Кто-то, ступая неслышно, как в ночном кошмаре, будто босиком, медленно бродил по коридорам. Они чувствовали, как какая-то масса движется по дому, появляясь то тут, то там, то где-то вдалеке.

На дальнем столе библиотеки стояли два телефонных аппарата. Элис схватила один из них, задребезжала рычажком и прокричала:

— Барышня! Полицию!

Но тут она вспомнила: *«Теперь никто больше не позвонит ни мне, ни Мэделин. Скажите в компании "Белл", чтобы сняли наш телефон. Мы никого не знаем в городе».*

«Будь практичной, — сказала тогда мать. — Оставь сам телефон здесь на случай, если мы когда-нибудь решим снова подключиться».

— Барышня!

Она бросила трубку и удивленно уставилась на нее, словно это было какое-то упрямое животное, которое она попросила исполнить простейший трюк. Она перевела взгляд на окно. Открой его, высунься наружу, кричи! Ах, ведь соседи-то сидят по домам в тепле, в своем отдельном далеком мирке, и ветер к тому же завывает, а вокруг — зима, ночь. Все равно что кричать на погосте.

— Роберт, Элис, Мэделин, Роберт, Элис, Мэделин!

Это мать кричит, вот тупица.

— Заприте мою дверь! Роберт, Элис, Мэделин!

«Я слышу,— думала Элис.— Мы все слышим. И *он* тоже ее услышит».

Она схватила второй телефон и трижды резко нажала на кнопку.

— Мэделин, Элис, Роберт! — разносился по коридорам голос матери.

— Мама! — закричала Элис в трубку.— Не кричи, не сообщай ему, где ты *находишься*, не сообщай ему о том, чего он не знает!

Элис снова застучала по кнопке.

— Роберт, Элис, Мэделин!

— Возьми трубку, мама, пожалуйста, возьми...

Клик.

— Алло, барышня,— раздался хриплый крик матери.— Спасите меня! Заприте дверь!

— Мама, это Элис! Тише, я тебя слышу!

— О господи! Элис, господи, дверь! Я не могу встать с постели! Как глупо, ужасно, столько замков — и не могу до них *добраться!*

— Погаси лампу!

— Помоги мне, Элис!

— Я помогаю! Послушай! Найди свой пистолет. Выключи свет. Спрячься под кроватью! *Давай!*

— О Господи! Элис, приди, запри мою дверь!

— Мама, послушай!

— Элис, Элис! — послышался голос Мэделин. — Что происходит? Мне страшно!

И еще один голос:

— Элис!

— Роберт!

Они кричали, едва ли не визжали.

— Нет, — сказала Элис. — Замолчите, все замолчите! Пока не поздно. Все до единого. Слышите? Возьмите свои пистолеты, откройте двери, выйдите в коридор. Мы все, все вместе против него одного. Понятно?

Роберт зарыдал.

Мэделин скорбно застонала.

— Элис, Мэделин, дети, спасите вашу мамочку!

— Мама, заткнись! — приказала Элис и монотонно повторила: — Откройте двери. Все разом. Мы можем это сделать! *Сейчас!*

— Он убьет меня! — кричала Мэделин.

— Нет, нет, — вторил ей Роберт. — Это бесполезно, бесполезно!

— Дверь, моя дверь... не заперта, — плакала мать.

— Послушайте, все!

— Моя дверь! — причитала мать. — О боже! Она открывается!

Из коридора донесся вопль, и тот же вопль раздался в телефоне.

Остальные в ошеломлении смотрели на трубки в своих пальцах, ощущавших лишь биение их сердец.

Выше этажом хлопнула дверь.

Крик оборвался.

— Мама!

«Если б она не кричала,— думала Элис.— Если б она не выдала себя».

— Мэделин, Роберт! Пистолеты! Я считаю до пяти, и мы все разом выскакиваем! Раз, два, три...

Роберт застонал.

— Роберт!

Он упал на пол, сжимая в руке телефонную трубку. Его дверь по-прежнему была заперта. Его сердце остановилось.

— Роберт! — надрывалась трубка в его руке.

Он лежал неподвижно.

— Он у моей двери! — где-то наверху в за-
снеженном доме сказала Мэделин.

— Стреляй через дверь! Стреляй!

— *Меня он не получит, нет, он до меня не до-
берется!*

— Мэделин, послушай! Стреляй через дверь!

— Он копается в замке, он сейчас войдет!

— Мэделин!

Раздался выстрел.

Один-единственный выстрел.

Элис стояла одна в библиотеке, глядя на холодную трубку телефона в своей руке. В трубке царило гробовое молчание.

Внезапно наверху, за дверью, в холле она увидела в темноте этого незнакомца, который, улыбаясь, тихо скребся в дверное полотно.

Выстрел!

Незнакомец во тьме удивленно посмотрел вниз. Из-под закрытой двери медленно потекла тоненькая струйка крови. Кровь текла так спокойно, такой тонкой, блестящей струйкой. Все это Элис видела. И все это она знала: она слышала, как наверху, в темном холле, что-то движется, словно кто-то ходит от одной двери к другой, пробуя открыть двери и находя за ними лишь тишину.

— Мэделин,— в оцепенении произнесла она в трубку.— Роберт! — Тщетно выкрикивала она их имена.— Мама!

Она закрыла глаза. «Почему вы меня не послушали? Если бы мы все сразу... выбежали...»

Тишина.

Снег, тихо кружась, сыпал, как из рога изобилия, щедро укрывая лужайку безмолвными сугробами. Элис осталась совсем одна.

Покачиваясь, она подошла к окну, открыла щеколду, с трудом подняла раму, откинула крючок ставней и распахнула их. Затем, перекинув ногу через подоконник, она уселась между теп-

лым молчаливым уютом дома и заснеженной ночью. Она долго сидела так, неотрывно глядя на запертую дверь библиотеки. Медная ручка единжды повернулась.

Элис заворуженно смотрела, как она поворачивается. Будто блестящий глаз, глядящий на нее в упор.

Ей даже захотелось подойти к двери, отпереть замок и, приветливо кивнув, поманить рукой из мрака эту ужасную тень, чтобы посмотреть в лицо тому, кто одним легким ударом развеял в прах эту островную крепость. Элис обнаружила, что ее рука все еще сжимает пистолет, она подняла его и, дрожа, направила на дверь.

Медная ручка поворачивалась вправо-влево. Во тьме за дверью слышалось тяжелое дыхание тьмы. Вправо-влево. С невидимой улыбкой.

Закрыв глаза, Элис трижды нажала на курок!

Когда глаза ее открылись, она увидела, что все выстрелы прошли мимо. Одна пуля попала в стену, другая в нижнюю часть двери, третья — в верхнюю. Какое-то мгновение Элис удивленно смотрела на свою неуклюжую руку, а затем отшвырнула пистолет.

Дверная ручка дергалась туда-сюда. Это было последнее, что увидела Элис. Блестящая дверная ручка, сверкающая, как глаз.

Перегнувшись через подоконник, она упала в снег.

Вернувшись несколько часов спустя вместе с полицейскими, она увидела на снегу следы своих ног, убегавших от тишины.

Она, шериф и его люди стояли под оголенными деревьями, вглядываясь в дом.

Казалось, в нем опять тепло и уютно, он снова был ярко освещен: сияющий и приветливый мирок посреди унылого пейзажа. Входная дверь была широко распахнута навстречу вьюгам.

— Господи,— сказал шериф.— Должно быть, он вот так запросто открыл входную дверь и ушел, черт возьми, не заботясь, что *кто-то* может его увидеть! Надо же, вот это *выдержка!*

Элис шевельнулась. Тысячи белых мотыльков спорхнули с ее глаз. Она заморгала, а затем ее взгляд изумленно остановился. И тут в горле ее сперва тихий, медленно нарастая, затрепетал какой-то звук.

Она разразилась хохотом, переходящим в задушенное рыдание.

— Смотрите! — вскричала она.— Только *посмотрите!*

Они посмотрели и увидели вторую, тянувшуюся от ступеней крыльца, цепочку следов, которые четко отпечатались на снежном белом бархате. Можно было видеть, как эти следы размеренно и даже как-то безмятежно пересекли двор перед домом и, уверенно и глубоко вдавливаясь в снег, направились дальше, скрывшись в холодной ночи и заснеженном городе.

— *Его следы!* — Элис наклонилась и вытянула руку вперед. Измерив их, она попыталась накрыть их, ткнув в снег ладонь с негнущимися пальцами. И расплакалась.

— *Его следы!* Господи, какой маленький человечек! Вы видите, какого они размера, *видите?* Господи, какой *маленький* человечек!

И в тот момент, когда она, встав на колени и ладони, рыдая, припала к земле, снег, ветер и ночь сжалились над ней. Прямо на ее глазах падавший вокруг снег начал заметать эти следы, сглаживая, заполняя и стирая их до тех пор, пока наконец не оставил ни намека, ни воспоминания об их маленьких размерах.

И тогда, только тогда она перестала плакать.

КАК-ТО ПЕРЕД РАССВЕТОМ

1950

Глубокой ночью слышался плач, может даже истерика, потом горячие рыдания, а когда они немного утихали, перейдя во всхлипывание, я слышал сквозь стену мужской голос.

— Ничего, ничего,— говорил он,— ничего, ничего.

Я ложился на спину в своей ночной постели, слушал и терялся в догадках, а календарь на стене показывал август 2002 года. А этот человек и его жена — оба молодые, около тридцати, светловолосые и голубоглазые, со свежими лицами, если не считать глубоких скорбных складок у губ,— только недавно поселились в меблированных комнатах, где я столовался, работая сторожем в городской библиотеке.

И каждую ночь, каждую ночь за моей стеной повторялось одно и то же: она плакала, а он ус-

покаивал ее своим мягким голосом. Я вслушивался, стараясь понять, отчего она плачет, но мне это никак не удавалось. Не потому, что он что-то сказал, — в этом я был уверен, — и не потому, что он что-то сделал. Вообще-то, я почти не сомневался, что это начиналось просто так, поздно ночью, около двух часов. Она просыпалась, предполагал я, и тут до меня доносился первый испуганный вопль, а затем долгие рыдания. Они сводили меня с ума. Хотя я и стар, но не выношу, когда плачет женщина.

Я помню тот первый августовский вечер, когда месяц назад они приехали сюда, в этот глухой городишко в Иллинойсе, где в домах не зажигают свет, а все сидят на верандах, полизывая эскимо. Помню, как я прошел через кухню на нижнем этаже и остановился в окружении древних запахов готовящейся еды, слушая, как собака, которую я не видел, лакает воду из миски под плитой, — ночные звуки капающей пещеры. А потом я прошел дальше, в темноту гостиной, где мистер Фиске, домовладелец, с расpalенным от напряжения лицом яростно тряс кондиционер, который, скотина такая, никак не хотел работать. Наконец он вышел в душную ночь на комариную веранду — для комаров только и построенную, как утверждал мистер Фиске, но все равно туда выходил.

Я тоже вышел на веранду, сел и развернул сигару, чтобы отгонять от себя моих собственных комаров, а вокруг уже сидели бабушка Фиске, Элис Фиске, Генри Фиске, Джозеф Фиске, Билл Фиске и еще шестеро других квартирантов и постояльцев, и все разворачивали эскимо на палочках.

В этот самый момент, будто выскочив из-под темной, влажной травы у подножия ведущей на веранду лестницы, появился этот человек со своей женой, и они уставились на нас, словно зрители в цирке летней ночи. У них не было багажа. Я навсегда это запомнил. У них не было багажа. И одежда, казалось, была им не по размеру.

— Есть ли здесь еда и ночлег? — нерешительно спросил мужчина.

Все вздрогнули от неожиданности. Наверное, я был единственным, кто заметил их первым. Затем миссис Фиске улыбнулась, поднялась со своего плетеного кресла и вышла вперед.

— Да, у нас есть комнаты.

— Сколько денег это стоит? — спросил человек из жаркой темноты.

— Двадцать долларов в день с едой.

Они как будто не поняли и переглянулись между собой.

— Двадцать долларов, — повторила бабушка.

— Мы остаемся здесь, — сказал мужчина.

— Не хотите ли прежде взглянуть? — спросила миссис Фиске.

Они поднялись на веранду, беспрестанно оглядываясь, словно кто-то за ними гнался.

Это была первая ночь, когда я услышал плач.

Завтрак подавали каждое утро, в полвосьмого: большие горы оладьев, огромные кувшины с сиропами, целые острова сливочного масла, тосты, множество кружек с кофе и кукурузные хлопья по желанию. Я как раз расправлялся со своими хлопьями, когда новоприбывшая чета медленным шагом спустилась с лестницы. Они не сразу вошли в столовую, но у меня возникло ощущение, что они просто осматривают все вокруг. Поскольку миссис Фиске была занята, я подошел к ним, чтобы пригласить к завтраку: они оба, муж и жена, стояли как вкопанные и просто смотрели в окно, смотрели и смотрели на зеленую траву, на огромные вязы и голубое небо. Как будто никогда их не видели.

— Доброе утро, — сказал я.

Их пальцы прикоснулись к салфеткам на столах, пробежали сквозь струи бамбуковой занавески, висевшей в проеме двери, ведущей в гостиную. А один раз, мне показалось, они оба таинственно улыбнулись чему-то радостной, широкой улыбкой. Я спросил, как их зовут. Сна-

чала они были озадачены этим вопросом, а затем сказали:

— Смит.

Я по очереди представил их всем, кто был за завтраком, потом они уселись, долго смотрели на еду и наконец начали есть.

Разговаривали они очень мало, и то когда к ним обращались, так что у меня была возможность заметить красоту их лиц: тонкие и изящные линии подбородка, скул и лба, благородный прямой нос, светлые глаза, только вот эти усталые складки вокруг рта.

Где-то посредине завтрака произошло одно событие, на которое я должен обратить особое внимание. Мистер Бриц, гаражный механик, сказал:

— Что ж, судя по газетам, сегодня президент снова собирал деньги на свою кампанию.

— Этот ужасный человек! Я всегда ненавижу Вестеркотта, — рассерженно фыркнул новоприбывший, мистер Смит.

Все посмотрели на него. Я тоже перестал есть.

Миссис Смит сердито взглянула на мужа. Тот негромко кашлянул и снова принялся за еду.

Мистер Бриц на мгновение нахмурился, а затем все мы закончили завтрак, однако я запомнил. Мистер Смит сказал тогда: «Этот ужасный человек! Я всегда ненавижу Вестеркотта».

Никогда не забуду.

В ту ночь она снова кричала, словно заблудилась в каком-то лесу, а я еще целый час не мог заснуть, размышляя.

У меня вдруг накопилось к ним столько вопросов. Однако встретиться с ними было практически невозможно, поскольку они постоянно сидели в своей комнате взаперти.

Впрочем, на следующий день была суббота. Я на мгновение повстречался с ними в саду, где они оба смотрели на розы: просто стояли и смотрели на них, не трогая,— и крикнул им:

— Отличный денек!

— Изумительный, изумительный день! — воскликнули они оба почти в унисон и сконфуженно засмеялись.

— Ну, не настолько уж он хорош,— улыбнулся я.

— Вы даже не представляете, насколько он хорош, насколько он изумителен... вы даже подумать не можете,— сказала женщина, и отчего-то слезы вдруг навернулись у нее на глаза.

Я остановился в недоумении.

— Простите,— сказал я.— С вами все в порядке?

— Да, да.

Она высморкалась и отошла немного подальше, чтобы сорвать несколько цветов. Я стоял, глядя на яблоню, увешанную красными плода-

ми, и наконец, собравшись с духом, спросил напрямик:

— Позвольте узнать, мистер Смит, откуда вы?

— Из Соединенных Штатов,— медленно произнес он, словно нанизывая слова одно на другое.

— Ах, а мне сперва показалось, что...

— Что мы из другой страны?

— Да.

— Мы из Соединенных Штатов.

— А чем вы занимаетесь, мистер Смит?

— Я *размышляю*.

— Понимаю,— сказал я, ибо все эти ответы были менее чем удовлетворительны.— А кстати, как зовут мистера Вестеркотта?

— Лайонел,— ответил мистер Смит и испытующе посмотрел на меня.

Лицо его побледнело. Его охватила тревога.

— Прошу вас,— негромко воскликнул он.— Зачем вы задаете эти вопросы?

И они поспешно ушли в дом, прежде чем я успел извиниться. На лестнице они выглянули в окно, посмотрев на меня, словно я был каким-то местным соглядатаем. Я почувствовал стыд и презрение к самому себе.

В воскресенье утром я помогал убирать в доме. Я постучал в дверь Смитов, но ответа не последовало. Впервые в жизни приложив ухо к

двери, я услышал тиканье: негромкое щелканье и бормотанье множества часов, мерно постукивающих в комнате. Я застыл в ошеломлении. Тик-так-тик-так-тик-так! Два, нет, *три* часовых механизма! Когда я открыл дверь, чтобы вынести мусорную корзину, то увидел часы, рядами стоящие на письменном столе, на подоконнике и у ночного столика: большие и маленькие часы, показывающие один и тот же предполуденный час и тикающие, словно комната была полна цикад.

Столько часов! Но зачем? Я терялся в догадках. Мистер Смит сказал, что он *мыслитель*.

Я понес корзину вниз, к мусоросжигателю. Выгружая мусор, я нашел в корзине носовой платок миссис Смит. Я погладил его, вдыхая цветочный аромат. А затем бросил в огонь.

Платок не загорелся.

Я потыкал его кочергой и засунул поглубже в топку.

Но платок никак не хотел гореть.

Вернувшись к себе в комнату, я достал зажигалку, от которой прикуривал сигары, и поднес ее к платку. Но он упорно не желал гореть, и я не смог даже разорвать его.

А потом я вспомнил их одежду. И понял, почему она показалась мне странной. Мужской и женский покррой был обычен для этого времени

года, но ни на одном пиджаке, рубашке, платье или туфлях не было ни единого, черт побери, шва, нигде!

Позднее в тот же день они снова вышли погулять по саду. Выглядывая украдкой из своего окна наверху, я видел, как они стоят вдвоем, держась за руки, и о чем-то горячо разговаривают.

И тут произошло нечто ужасное.

В небе раздался гул. Женщина посмотрела на небо, вскрикнула, закрыла лицо руками и повалилась на землю. Лицо мужчины побледнело, он растерянно поглядел на солнце, затем упал на колени подле жены, уговаривая ее подняться, но она продолжала лежать, истерически рыдая.

Пока я спускался по лестнице, спеша на помощь, они уже исчезли. Очевидно, обежали вокруг дома с другой стороны, пока я огибал дом с этой. На небе ничего не было, гул постепенно затих.

«Почему,— думал я,— простой и обычный звук самолета, летящего где-то высоко в небе, вызвал у них такой ужас?»

Через минуту самолет возвратился, и на его крыльях я прочел:

ОКРУЖНАЯ ЯРМАРКА!
НЕ ПРОПУСТИТЕ!
СКАЧКИ! РАЗВЛЕЧЕНИЯ!

«Решительно *ничего* страшного», — подумал я.

В половине десятого я проходил мимо их комнаты: дверь была открыта. На стенах я увидел висящие в ряд три календаря, на каждом из которых была ярко обведена дата: 18 августа 2035 года.

— Добрый вечер, — поздоровался я. — Надо же, сколько у вас тут отличных календарей. Весьма полезная и удобная штука.

— Да, — ответили они.

Я прошел дальше в свою комнату и остановился там в темноте, пока, наконец, не зажег свет, размышляя, зачем им понадобились три календаря, да еще и на 2035 год. Безумие. Но *они* были не безумцы. Все, что касалось их, было чистым безумием, кроме них самих: они были нормальными, здравомыслящими людьми с красивыми лицами; но у меня в голове стало кое-что складываться: настольные часы и еще те, что они носили на руке, — по тысяче долларов каждые, если я хоть что-то понимаю в часах, — и сами они беспрестанно проверяют время. Я вспомнил платок, который не горит, и бесшовную одежду, и фразу: «Я всегда ненавидел Вестеркотта».

Я всегда ненавидел Вестеркотта.

Лайонел Вестеркотт. Во всем мире не найдется двух людей с таким необычным именем. Лайонел Вестеркотт. Стоя в летней мгле, я тихо

повторил это самому себе. Был теплый вечер, мо-
тыльки тихо кружили, шлепая бархатными кры-
льями о противомоскитную сетку на моей две-
ри. Я уснул прерывистым сном, думая о своей
неплохо оплачиваемой работе, об этом милом го-
родке, где все спокойно, все счастливы, и об этих
двух людях, которые, похоже, не были счастли-
вы в этом городе и вообще в этом мире. Их ус-
талые складки вокруг рта не давали мне покоя.
И еще эти порой усталые глаза, слишком уста-
лые для таких молодых людей.

Должно быть, я все-таки немного вздремнул,
потому что в два ночи, как обычно, меня разбу-
дил ее плач, но на сей раз она кричала: «Где мы,
где мы, как мы сюда попали, где мы?» А затем
его голос: «Тише, тише, замолчи, пожалуйста», —
и он успокаивал ее.

— Мы в безопасности, в безопасности, в бе-
зопасности?

— Да, да, дорогая, да.

И снова рыдания.

Наверное, я мог бы подумать черт знает что.
Большинство приняли бы этих людей за убийц,
скрывающихся от правосудия. Но мне такое да-
же в голову не пришло. Вместо этого я лежал в
темноте, слушая, как она плачет, и от ее плача у
меня разрывалось сердце и кровь стучала в гру-
ди и в висках; мне было так невыносимо жаль

ее за эту печаль и одиночество, что я встал с постели, оделся и вышел из дома. Я зашагал по улице и, прежде чем осознал, куда иду, очутился на холме над озером, где возвышалось темное и огромное здание библиотеки, а в руке у меня был мой ключ сторожа. Не раздумывая, зачем я это делаю, в два часа пополудни я вошел в огромный пустынный холл, прошел через безлюдные залы и флигели, зажег несколько ламп. Затем я вынул с полки пару больших книг и начал просматривать параграф за параграфом, строчка за строчкой, страница за страницей, и так провел я около часа в это раннее-раннее, темное утро. Я подвинул себе кресло и уселся. Потом взял еще несколько книг. И снова мои глаза устремились на поиски. Я начал уже уставать. Наконец моя рука остановилась на имени: «Уильям Вестеркотт, политик, г. Нью-Йорк. Женился на Эмми Ральф в январе 1998 года. Сын, Лайонел, родился в феврале 2000 года».

Я захлопнул книгу, вышел из библиотеки, запер дверь и зашагал домой сквозь прохладное летнее утро, под яркими звездами в черном небе.

Остановившись перед спящим домом, я постоял немного, глядя на безлюдную веранду и колыхающиеся от теплого августовского ветерка занавески в каждом из окон, держа в руке сигару, но так и не закурил. Я прислушался: над

моей головой, словно крик ночной птицы, слышался одинокий плач женщины. «Ей снова приснился кошмар, а ведь кошмары, — думал я, — это воспоминания, они основаны на каких-то воспоминаниях, живых, очень страшных и невероятно подробных воспоминаниях, и вот ей опять приснился кошмар, ей страшно».

Я окинул взглядом город вокруг, маленькие домики, в которых живут люди, расстилающиеся за ними на десять тысяч миль вдаль поля, луга, фермы, реки, озера, шоссе, дороги, холмы, большие и маленькие города, так мирно спящие в этот предрассветный час, и уличные фонари, уже гаснущие за ненадобностью в это ночное время. И еще я подумал обо всех людях на всей земле, обо всех грядущих годах, обо всех нас, у кого в этом году есть хорошая работа, обо всех, кто счастлив в этом году.

Потом я поднялся наверх, прошел мимо их комнаты, лег в кровать и прислушался: там, за стеной, женщина тихо повторяла снова и снова: «Мне страшно, мне страшно» — и плакала.

И в своей постели мне было так холодно, как будто под одеялом у меня лежал кусок древнего льда, я дрожал, и, хотя я ничего не знал, я знал всё, ибо я знал теперь, откуда были эти путешественники, и о чем были ее кошмары, и чего она боялась, и от чего они спасались бегством.

Я представлял себе это перед тем, как погрузиться в сон, и женский плач постепенно затихал в моих ушах. «Лайонел Вестеркотт,— думал я,— в 2035 году ему будет достаточно лет, чтобы стать президентом Соединенных Штатов».

И мне почему-то расхотелось, чтобы утром встало солнце.

СЛАВА ВОЖДЮ!

2003—2004

— Как-как, еще раз?

Молчание.

— Не могли бы вы повторить?

Молчание и отрывочное бормотание в трубке.

— Что-то с телефоном. Не могу поверить своим ушам! Повторите-ка еще раз.

Правительственный чиновник медленно встал со своего кресла, придавив к уху телефонную трубку. Не спеша выглянул в окно, посмотрел на потолок, на стены. Затем снова медленно сел.

— Повторите, что вы сказали.

В трубке раздалось шуршание.

— Сенатор Хэмфритт, говорите? Минутку. Я сейчас вам перезвоню.

Чиновник повесил трубку, повернулся на кресле и посмотрел на Белый дом по ту сторону лужайки.

Затем протянул руку и нажал кнопку интеркома.

Когда его секретарша появилась в дверях, он сказал:

— Садитесь, вы должны это слышать.

Он взял трубку, настучал на клавиатуре номер и нажал громкую связь.

Когда голос на том конце ответил, чиновник сказал:

— Говорит Элиот. Это вы звонили несколько минут назад? Вы. Так, давайте вернемся подробнее к нашему разговору. Как вы сказали, сенатор Хэмфритт? Индейское казино? В Северной Дакоте? Хорошо. Сколько было сенаторов? Тринадцать? И они были там вчера вечером? Вы точно уверены? А он не был пьян? *Бы*? Ладно, сейчас уже поздно, но я все-таки позвоню президенту.

Чиновник положил трубку и медленно повернулся к секретарше.

— Вы знаете этого идиота Хэмфритта?

Она кивнула.

— А знаете, что этот чертов придурок натворил?

— Не терпится узнать.

— Несколько часов назад он отправился вместе с двенадцатью другими сенаторами в индейскую резервацию в Северной Дакоте. Сказал,

что собирается провести маркетинговые исследования на их территории.

Секретарша слушала молча.

— Потом он сел играть в рулетку с главой самого большого племени, Вождем Железное Облако. Они поставили на кон Нью-Йорк и проиграли.

Секретарша подалась вперед.

— Потом они начали ставить на кон штаты... и проиграли! К двум утра, выпивая с индейским вождем, они умудрились проиграть все Соединенные Штаты Америки.

— Вот дерьмо,— произнесла секретарша.

— Наверное, мне придется покончить с собой, но сначала... кто позвонит в Белый дом и скажет об этом президенту?

— Только не я,— ответила секретарша.

Президент Соединенных Штатов бежал по бетонной полосе аэропорта.

— Господин президент! — крикнул один из атташе.— Вы не одеты!

Президент бросил взгляд на пижамные штаны, выглядывающие из-под пальто.

— Переоденусь в самолете. Куда мы, черт возьми, летим?

Атташе повернулся к пилоту:

— Куда мы, черт возьми, летим?

Пилот заглянул в план полета и сказал:

— «Покахонтас-Биг-Ред-Казино», Оджибвей, штат Северная Дакота.

— Где это, черт возьми?

— У канадской границы,— ответил атташе.— Место безопасное. На выборы ходят одни олени. В прошлом году мы одержали там полную победу.

— А аэропорт достаточно большой, чтобы принять борт номер один? — спросил президент.

— Едва-едва.

— Который час?

— Три утра.

— Господи, чего только не сделаешь, руководя страной,— вздохнул президент.

В самолете, пока разливали напитки, президент сел и попросил:

— Доложите мне подробности.

— Так вот, господин президент, все обстоит следующим образом. В Северной Дакоте проходила встреча сенаторов от Демократической партии. Тринадцать из них отправились в «Покахонтас-Биг-Ред-Казино» и всю ночь там кутили.

— Расскажите мне еще раз, как это было,— произнес президент Соединенных Штатов.

— Так вот, потихоньку, помаленьку, кончилось тем, что они профукали всю страну.

— За одну ставку?

— Нет, насколько мне известно, по одному штату за раз.

— Боже мой.

— Если быть точным, сэр, сначала они проиграли Нью-Йорк-сити, а первым потерянным *штатом* была Флорида.

— Логично.

— Потом они продули большинство южных штатов. Это как-то связано с Гражданской войной.

— То есть?

— Я не знаю. Все это пока весьма туманно. Но память о Гражданской войне не стерлась и по сей день, и, похоже, демократы из южных штатов решили вернуть их обратно краснокожим.

— Так, а дальше?

— Ну а потом они спустили штат за штатом, кончая Аризоной, и в результате, как вы уже знаете, последнего хода вся Красотка Америка от моря до моря перешла в собственность Железного Облака.

— Индейского вождя?

— Да. Он владелец казино.

Президент задумался, а затем произнес:

— Раз они пьют, выпью-ка и я. Налейте мне еще.

Президент Соединенных Штатов решительным шагом вошел в «Покахонтас-Биг-Ред-Казино» и огненным взглядом окинул зал.

— Где это логово заговорщиков?

Атташе указал пальцем.

— А где эти прогневившие олухи, эти чертовы идиоты сенаторы?

— В логове, разумеется.

Президент с грохотом распахнул дверь, и перед ним предстали тринадцать насмерть перепуганных сенаторов, потупивших взоры.

— Всем сесть! — взревел президент. — Нет, всем стоять, пока я вас не отпинаю как следует! Теперь слушайте. Все трезвые?

Они кивнули.

— Тогда нам всем надо выпить!

Смит, атташе, бросился вон из комнаты. Через несколько мгновений принесли водку.

— О'кей, давайте выпьем и решим, как нам разгрести это дело.

Он бросил на них сердитый взгляд и сказал:

— Господи, да что вы прямо как на похоронах!

Долгое молчание.

— Кто ответственный? Сенатор Хэмфат?

— Хэмфритт, — шепнул один из сенаторов.

— Хэмфритт. Так, продолжай. Кстати, Смит, агентства новостей в курсе?

— Пока нет, сэр.

— Боже, если пресса пронюхает, нас порвут на части.

— Час назад звонили из Си-эн-эн, интересовались, что происходит...

— Пошлите кого-нибудь, чтоб заткнули им рот.

— Мы не можем, господин президент.

— Постарайтесь.

Президент снова повернулся к тринадцати сенаторам.

— Ладно, расскажите-ка мне, как это вам удалось профукать все наши великолепные пурпурные горы и фруктовые долины.

— Не сразу, не одним махом, — ответил один из сенаторов. — Это происходило по частям.

— По частям! — взревел президент.

— Мы начали с малого, потом все больше и больше. Сначала мы сели играть в покер, но вошли в раж и перешли на блэк-джек, а затем нам приглянулась рулетка.

— Ну конечно, рулетка. На ней быстро можно все спустить.

— Быстро, — согласились, кивая, сенаторы.

— В общем, вы же знаете, как это бывает: когда проигрываете, вы удваиваете ставки. Ну и мы удвоили ставки, предложили индейцам Северную и Южную Каролину и, ей-богу, опять продули. Потом мы еще немного выпили, вошли

в раж и предложили им Северную и Южную Дакоту — и проиграли!

— Продолжай,— сказал президент.

— Затем мы поставили на кон Калифорнию.

— В качестве *двойной* ставки?

— Да, сэр, на самом деле Калифорния идет за четыре штата: Север, Юг, Голливуд и Лос-Анджелес.

— Вот как,— произнес президент.

— Короче, через несколько часов мы проиграли почти всё, и тут у кого-то возникла идея позвонить в Вашингтон.

— Рад, что такая мысль пришла вам в голову,— сказал президент.— Смит, вся эта чепуха имеет какую-нибудь юридическую силу?

— Только если вы принимаете во внимание реакцию Франции, Германии, России, Японии и Китая, господин президент.

— Отлично. А в этом чертовом казино есть какие-нибудь юристы?

— Конечно,— сказал атташе.— Две сотни юристов как раз играют в покер наверху. Позвать кого-нибудь из них?

— Ты что, придурок?! — произнес президент.— Да мы тогда через час окажемся по уши в дерьме!

Президент опустил в кресло и долго сидел, закрыв глаза, как будто безоглядно несясь на-

встречу глухой стене, обхватив колени ладонями, так что косточки побелели.

Полдюжины раз он облизывал пересохшие губы, но лишь когда он сильнее стиснул колени, из его рта со свистом и шипением стали вырываться проклятия:

— Глупцы, тупицы, придурки, недоумки безмозглые...

— Да, сэр,— сказал один из сенаторов.

— Я не закончил! — взревел президент.

— Да, сэр.

— Чертовы недоумки, ничтожества...

Президент замолк.

— Скоты безмозглые,— подсказал кто-то.

— Пропойцы, недоделанные ублюдки!

Все закивали.

— Дебилы, кретины, дегенераты, жалкие идиоты! Господи Иисусе! Боже всемогущий!

Президент открыл глаза.

— Вы хоть понимаете, что на нашем фоне ООН будет выглядеть как сборище ангелов? Скопище Эйнштейнов! Собрание Отцов, Сыновей и Святых Духов!

Молчание.

— Господин президент, сядьте, у вас лицо красное.

— Я думал, оно должно быть багровым,— сказал президент.— В Конституции есть статья, которая дает президенту право зверски убить, за-

резать, повесить, казнить на электрическом стуле или четвертовать этих тупоголовых сенаторов?

— В Конституции нет, господин президент, — ответил Смит.

— На следующем заседании Конгресса пусть включат.

Наконец он немного успокоился и расправил сжатые в кулаки пальцы. Он по очереди вгляделся в каждую из ладоней, словно на них было начертано решение. Слезы закапали с его ресниц.

— Что же нам делать? — простонал он. — Что же нам делать?

— Господин президент.

— Что же нам делать? — тихо повторил он.

— Сэр.

Президент поднял глаза.

Перед ним стоял представитель коренного североамериканского населения в высокой шляпе. Он был необычайно приземист и смахивал на скво.

Этот коротенький индейский джентльмен произнес:

— Вы позволите мне один совет, сэр? Вождь Совета племен ирокезов и чиппеуа города Уокеша и владелец этого казино, а теперь и хозяин Соединенных Штатов Америки интересуется, не желаете ли вы получить у него аудиенцию.

Президент Соединенных Штатов попытался встать.

— Сидите.

Коротышка в высокой черной шляпе повернулся, открыл дверь, и в комнату торжественно проскользнула огромная темная фигура.

Этот человек со стальными глазами вошел неслышной, мягкой походкой дикой рыси: тень, скользнувшая во тьму. Он был едва ли не семи футов ростом, а этот взгляд на невозмутимом лице был взглядом в Вечность; словно умершие президенты и безвестные индейские воины сурово смотрели сквозь бездонные глаза этого необычного посетителя.

Кто-то, — быть может, маленький женоподобный провожатый, — похоже, начал вполголоса напевать какую-то торжественную мелодию, что-то про славного вождя, какие-то приветствия.

Могучий голос владельца многочисленных казино загудел приглушенными раскатами грома.

Женоподобный слуга-коротышка перевел:

— Он спрашивает, в чем дело, похоже, у вас проблемы?

Тут у сенаторов разом возникло непреодолимое желание броситься к выходу, но что-то заставило их замереть на месте: тихое пощелкивание лопающихся сосудов на лбу президента Соединенных Штатов.

Президент потер голову, чтобы как-то успокоить взбесившиеся вены, и прошипел:

— Вы украли нашу страну.

Голос сверху вновь заговорил, а снизу последовал перевод:

— Всего лишь один штат за раз.

Из заоблачной высоты на коротышку-индейца обрушился шепот, тот закивал.

— А теперь он предлагает вам, — сказал коротышка, — сыграть еще один, последний раз. Вождь, как хороший игрок, желает рискнуть и, возможно даже, проиграть страну.

Сенаторы вздрогнули, словно от мощного толчка землетрясения. Улыбки задрожали на их губах. Президент почувствовал, что вот-вот упадет в обморок, но удержался.

— Сыграть последний раз? — простонал он. — А если мы опять проиграем? Да и что мы можем поставить?

Коротышка-индеец прочирикал что-то наверх, к вершине исполинской плоти цвета красного дерева, и получил оттуда ответ:

— Вы отдадите нам Францию и Германию.

— Но мы не можем этого сделать! — вскричал президент.

— Нет? — произнес могучий, как вихрь, голос.

Президент в своем пиджаке мгновенно похудел на два размера.

— Тогда,— промелькнула над ним, словно снежная буря, неслышная тень.

— Что тогда? — пискнул вдруг бывший президент Соединенных Штатов.

— Условия таковы,— начал излагать коротышка-переводчик.— Если вы проиграете, мы останемся хозяевами Соединенных Штатов, а вы постройте казино во всех пятидесяти штатах, плюс начальные, средние школы и университеты на всех индейских территориях. Согласны?

Президент Соединенных Штатов кивнул.

— А если вы выиграете,— продолжал коротышка,— вы получите обратно штаты, но сделаете все то же самое: постройте школы и казино на всех территориях, несмотря на свой выигрыш.

— Это неслыханно! — вскричал президент.— Вы не можете ставить одни и те же условия для выигрыша и для проигрыша!

Темные фигуры пошептались.

— Так устроен мир.

Президент принял это молча и наконец сказал:

— Что ж, начнем.

Огромная, как экскаваторный ковш, рука владельца «Биг-Ред-Казино» и всех пятидесяти штатов взмыла вверх. Ее толстые пальцы сжимали колоду карт.

— Сдавайте,— эхом прокатилось по городам и весям.

Президент вдруг почувствовал, что не может двинуть ни рукой, ни ногой.

— Блэк-джек, — шепнул коротышка-помощник. — Каждому по две карты.

Наконец, медленно, президент Соединенных Штатов выложил свои карты рубашкой вверх.

Над головами снова загремел голос.

Коротышка перевел:

— Сначала вы.

Президент взял карты, и широкая улыбка расплылась на его лице. Тщетно он старался спрятать ее, но не мог удержаться.

Он поднял глаза на громадного индейского вождя и сказал:

— Теперь вы.

Над головами прокатились громовые раскаты.

— Откройтесь, — сказал переводчик.

Президент Соединенных Штатов перевернул карты. В сумме они давали девятнадцать.

— Теперь вы, — прошептал президент.

Снова раздались раскаты грома, и коротышка-индеец сказал:

— Вы выиграли.

— Откуда вы знаете, — спросил президент, — вы ведь не видели свои карты? Может, у вас двадцать или двадцать одно?

Под потолком вновь прошла какая-то туча, и маленький индеец произнес:

— Вы выиграли. Страна — ваша. Осталось уладить только один последний вопрос.

Он протянул президенту лист бумаги.

На нем было написано: «Двадцать шесть долларов девяносто центов».

— Это,— пояснил коротышка-индеец,— та самая сумма, которая была заплачена за Манхэттен много лун назад.

Президент достал свой бумажник.

С высоты вновь прогремел голос.

— Он говорит: только мелкими купюрами,— сказал переводчик.

Президент протянул деньги; огромная рука, словно выточенная из красного дерева, протянулась навстречу и взяла деньги.

Где-то под потолком снова загромыхало.

— Что еще? — спросил президент.

Коротышка перевел.

— Он выражает надежду, что вы постройте много-много кораблей, и он придет в гавань попрощаться, когда вы будете отплывать туда, откуда приехали.

— Он так и сказал?

Президент Соединенных Штатов поглядел на карты, по-прежнему лежавшие на столе.

— Могу ли я посмотреть и убедиться, что я не надул вас?

Маленький индеец отрицательно покачал головой.

Президент подошел к двери, обернулся и спросил:

— А что это вы там говорили насчет кораблей? Я никуда не собираюсь плыть.

С небес прошелестел удивленный голос:

— Разве нет?

И президент Соединенных Штатов тихо выскользнул из комнаты, а за ним и все его сенаторы.

БУДЕМ САМИМИ СОБОЙ

1948—1949

Было около семи вечера. Сьюзен то и дело вставала, подходила к входной двери и глядела сквозь стекло на железнодорожные пути внизу под холмом, на бегущие по ним поезда и поднимающиеся клубы паровозного дыма. Красные и зеленые огни отражались в ее больших карих глазах. В темноте ее пухлая рука казалась чернее самой ночи. Она сжимала губы и поминутно смотрела на часы.

— Часы старые, наверное спешат, — сказала она. — Жестяная развалина.

— Никакая это не развалина, — возразила из угла Линда, небрежно перебирая в своих черных руках пачку грампластинок. Выбрав одну, она придирчиво оглядела ее, поставила на патефон «Графанола» и завела музыку. — Может, все-таки присядешь и успокоишься, ма?

— У меня еще вполне здоровые ноги,— ответила Сьюзен.— Не такая уж я старуха.

— Да приедет он, приедет. А не приедет, так не приедет,— сказала Линда.— Ты не можешь заставить этот поезд ехать быстрее или давать ему всюду зеленый свет. Во сколько, он сказал, приедет?

— Сказал: поезд семь-пятнадцать, здесь стоит полчаса, потом — в Нью-Йорк, сказал, как приедет, сразу возьмет такси, сказал, чтобы не вздумали встречать его на вокзале.

— Вот оно что, ему стыдно,— усмехнулась Линда.

— Заткнись или отправляйся домой! — сказала Сьюзен дочери.— Он добрый человек. Я работала в их семье, когда он был еще совсем крошечкой. Бывало, таскала его на плечах по городу. Нет, ему не стыдно!

— Так то было давно, пятнадцать лет назад; сейчас-то он *взрослый*.

— Но он же прислал мне свою книгу, так? — возмущенно вскричала Сьюзен.

Она протянула руку к обшарпанному креслу, взяла оттуда книгу, открыла ее и прочла надпись на титульном листе: «Моей дорогой няне Сьюзен с любовью от Ричарда Бордена». Она захлопнула книгу.

— Вот!

— Это ничего не значит, простая надпись, кто угодно может так написать.

— Ты слышала, что я тебе сказала.

— Да у него теперь сто тыщ долларов в год выходит, чего ему с тобой возиться, чего ему сюда заезжать?

— Да потому что я помню его мать с отцом, деда с бабушкой, потому что я работала у них — тридцать лет я у них работала, — вот чего; что с того, что он писатель, он что, не может захотеть повидаться со мной, рассказать про свое житье-бытье?

— Не знаю, — Линда с сомнением покачала головой. — Не спрашивай меня.

— Он приедет поездом семь-пятнадцать, вот увидишь.

«Графанола» заиграла «Милашку» в исполнении Никербокер-квартета.

— Выключи ты эту штуковину, — сказала Сьюзен.

— Она никому не мешает.

— Мешает мне слушать.

— Тебе не надо слушать, глаза-то у тебя есть, увидишь, как он придет.

Сьюзен подошла и смахнула иглу с пластинки. Голоса затихли. Воцарилось невыносимо тягостное молчание.

— Вот, — сказала Сьюзен, глядя на дочь. — Теперь я могу спокойно подумать.

— Ну и что ты собираешься с ним делать, когда он явится? — спросила Линда, поднимая на нее озорной взгляд белеющих в темноте глаз.

— О чем ты? — осторожно переспросила Сьюзен.

— Поцелуешь его, обнимешь?

— Не знаю, я как-то об этом не думала.

Линда рассмеялась.

— Советую подумать. А то он уже большой мальчик. Уже не ребенок. Может, ему не захочется, чтоб его обнимали и целовали.

— Как сделаю, так и сделаю, когда придет час, — ответила Сьюзен, отворачиваясь. Лоб ее слегка нахмурился. Ей захотелось отшлепать Линду. — Перестань лезть ко мне со своими идеями. Мы будем самими собой, как обычно.

— Спорим, он просто пожмет нам руки и сядет скромно на краешек стула.

— Ничего подобного. Он всегда был такой хохотун.

— А спорим, он не станет называть тебя нянюшкой. Спорим, он будет звать тебя миссис Джонс.

— Он всегда звал меня тетя Джемайма, говорил, я похожа на нее, и непременно просил, чтобы я настряпала ему блинчиков*. Он был та-

* «Тетя Джемайма» — смесь для блинчиков быстрого приготовления, бренд существует с 1893 г.

кой очаровательный мальчуган, каких больше не встретишь.

— Он и сейчас ничего, судя по фотографиям, которые я видела.

Сьюзен закрыла глаза и долго стояла так, не говоря ни слова. Затем произнесла:

— Промыть бы тебе хорошенько рот с мылом.

Она прикоснулась к занавеске на окне, снова устремляя свой взгляд вдаль, высматривая на горизонте паровозный дым. Вдруг Сьюзен вскрикнула:

— Вот он! Едет! Я знала, я знала!

Она лихорадочно взглянула на часы.

— Точно вовремя! Иди сюда, посмотри!

— Что я, поездов не видела?

— Вот же он едет, смотри, как дымит!

— Этих дымов я навиделась на всю оставшуюся жизнь.

Под скрежет, звон колокольчика и грозное шипение поезд, гудя, подкатил к станции.

— Теперь уже скоро, — сказала Сьюзен, обнажая в улыбке золотой зуб.

— Дыши ровно.

— Что хочешь говори, а я чувствую себя великолепно; просто *отлично!*

Поезд уже остановился, и из него начали выходить люди. Она видела, как крохотные фигурки копошатся, снуют по бетонной платформе у

подножия склона. Она думала о нем, о том, каким он теперь стал и каким был когда-то. Ей вспомнилось, как однажды, когда ему было семь лет, он пришел из школы и не успел попрощаться с ней. А она тогда жила у себя дома, на другом конце города. И каждый вечер в четыре часа садилась на троллейбус. И он не успел проводить ее до троллейбуса. С плачем он кинулся вслед за ней по улице. И догнал как раз вовремя, рыдая, обхватил ее колени, пока она ласково гладила и трепала его по голове, утешая.

— Вот *ты* этого никогда не делала, — сердито произнесла вслух Сьюзен.

— Чего не делала? — удивленно спросила Линда.

— Не важно.

Сьюзен снова погрузилась в свои воспоминания. На сей раз она перенеслась в то время, когда ему было тринадцать и он вернулся после двух лет, проведенных в Калифорнии, нашел ее на кухне в доме его бабушки и, смеясь и обнимая ее, закружил Сьюзен в вихре радости. Она улыбнулась при этом воспоминании. Это было хорошее воспоминание. И вот, пятнадцать лет спустя, он, большой голливудский писатель, едет на премьеру своей пьесы в Нью-Йорк. А полгода назад по почте прислал свою первую изданную книгу, а вчера пришло письмо, в котором

он пишет, что заедет по пути повидаться с ней. Прошлой ночью ей не спалось.

— Ни один белый не стоит всего этого,— сказала Линда.— Я уйду домой.

— Сядь,— приказала Сьюзен.

— Да не хочу я быть свидетельницей того, как он не приедет,— ответила Линда.— Я потом тебе позвоню.

Она подошла к двери и уже открыла ее.

— Вернись и сядь,— сказала Сьюзен.— Он будет здесь с минуты на минуту.

Линда остановилась перед полуоткрытой дверью. Затем закрыла ее и с минуту стояла, тихо прислонившись к двери, покачивая головой.

— Желтое такси едет вверх по холму,— крикнула Сьюзен, прильнув к холодному оконному стеклу.— Держу пари, это он!

— Что с тобой будет к утру.

Они замолчали в ожидании.

— О,— произнесла Сьюзен, закрывая глаза.

— Что там?

— Это дурацкое такси повернуло в другую сторону.

— Держу пари, он сидит в вагоне и попивает себе. Наверняка он в компании других мужчин и не может уйти, он боится рассказать им, что намерен делать в этом городишке: взять такси и приехать сюда, чтобы повидаться с какой-то черной теткой, якобы его приятельницей.

— Ничего подобного он не делает. Он едет в такси. Я знаю.

Прошло десять минут, пятнадцать.

— Он уже должен бы здесь быть,— сказала Сьюзен.

— Но его нет.

— Может, это не тот поезд; может, часы сломались.

— Хочешь, позвоню в службу точного времени?

— Отойди от телефона! — закричала Сьюзен.

— Ладно, ладно, я только подумала.

— Только подумала, только подумала! Отойди! Она замахнулась, и лицо ее исказилось.

Они снова замолчали. Слышалось, как тикают часы.

— Знаешь, что бы я сделала на твоём месте? — произнесла Линда. — Я бы пошла прямо к поезду, подошла бы и спросила: «Где тут мистер Борден?» — и искала его, пока бы не нашла, а он, могу поспорить, сидел бы, попивая, со всеми своими приятелями в вагоне-люкс, а я бы подошла к нему и сказала: «Гляньте-ка на меня, Ричард Борден, я же вас с мокрых пеленок знала! Вы ж сказали, что приедете со мной повидаться! Что ж это не приехали?» Вот, что бы я сказала прямо перед этими его друзьями!

Сьюзен ничего не ответила. На часах — семь тридцать пять. Через десять минут поезд отправится дальше. Он задерживается, — думала она. Он должен приехать. Он не такой.

— Ладно, мам, я иду домой. Потом позвоню.

На этот раз она не попыталась остановить Линду. Хлопнула дверь. Шаги дочери затихли в коридоре.

Когда Линда ушла, Сьюзен почувствовала себя лучше. Ей казалось, что вот теперь, когда дочь унесла с собой свое дурное влияние, Ричард Борден непременно приедет. Он только и *жг*ал, чтобы Линда ушла, чтобы они остались наедине!

Он где-то там, думала она, в этом поезде. У нее защемило сердце. А что, если он и правда сидит в вагоне-ресторане и выпивает, как говорит Линда? Нет! Может быть, он забыл, может, он даже не *знает*, что находится в родном городе! Может, проводник по ошибке забыл предупредить или еще что-нибудь. Она нервно сплела руки. Сидит себе в теплом вагоне и попивает. Вот так, прошло пятнадцать лет, и он сидит себе там, в ночи. И все эти яркие желтые огни в окнах поезда, медленно поднимающийся пар. Ну, давай же, Ричард! Если не приедешь ко мне, пожалуюсь твоей маме! Сьюзен глубоко и тяжело дышала. Она почувствовала себя такой старой. Если через минуту не явишься, я сделаю так,

как сказала Линда: пойду и сама поговорю с тобой!

Нет. Она не может так поступить. Поставить Ричарда в неловкое положение перед его друзьями. Только не это. Ладно, пускай уж сидит там. В любом случае, все это какое-то недоразумение. Часы спятили.

Поезд издал предупреждающий гудок.

Нет, подумала она. *Не может быть*, чтобы они собрались уезжать.

Она видела, как пассажиры возвращаются в вагоны. Наверное, он болен, думала Сьюзен. Его вообще нет в этом поезде. Может, он заболел в Чикаго. Точно. А если он все-таки *там*, в поезде, прямо *сейчас*, выходил ли он из вагона, попытался ли он хотя бы поймать такси? Может, ему не досталось такси? Может, он бродил по станции или по городу, или даже поднял глаза и взглянул на этот дом, где она живет? Позвонит ли он ей завтра из Нью-Йорка? Или вообще когда-нибудь, чтобы объясниться? Нет, никогда; то есть, если он действительно был в этом поезде. После этого он уже никогда не напишет ей больше.

Снова раздался свисток поезда. Огромный столб пара поднялся в ночное небо.

Затем, раскачиваясь, поезд тронулся, набрал скорость и скрылся из вида.

Сьюзен по-прежнему стояла у окна. В доме было тихо. Она смотрела на западный горизонт. Должно быть, это был не тот поезд. Через минуту придет другой. Сьюзен подняла с пола будильник. Он тихо звякнул в ее руке.

— Глупая старая хреновина, не умеешь показывать время! — крикнула она и выбросила будильник в мусорное ведро.

Она снова подошла к окну.

Прозвонил телефон. Она не обернулась. Телефон зазвонил снова, очень настойчиво. Сьюзен по-прежнему смотрела на горизонт. Телефон прозвонил еще шесть раз — и переставать не собирался.

Наконец она повернулась и подошла к телефону. На какое-то время ее рука задержалась на трубке, прежде чем поднять ее. Затем все же взяла ее и приложила к уху.

— Алло, мам?

Это была Линда.

— Мам, приходи, переночуешь у меня. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, — раздался ее голос.

— Что ты имеешь в виду? — сердито закричала Сьюзен в трубку. — Он только что был здесь!

— Что?

— Да, высокий и красивый, приехал на желтом такси, заскочил всего на минутку, и знаешь

что я сделала? Я крепко-крепко обняла его, расцеловала и закружила по комнате!

— Да что ты, мама!

— А он со мной разговаривал, смеялся, был со мной очень мил и подарил мне десять долларов, а потом мы вспомнили старые добрые времена, всё и всех, вот так, а потом он снова сел в желтое такси, вернулся на поезд и уехал. Он настоящий джентльмен!

— Мама, я так рада!

— Так-то! — сказала Сюэзен, глядя в окно, не выпуская из дрожащей руки телефонную трубку. — Настоящий *джентльмен!*

OLÈ, ОРОСКО! СИКЕЙРОС, SÍ!

2003—2004

Сэм Уолтер ворвался в мой кабинет, пристально оглядел все коллекционные постеры на моих стенах и спросил:

— Каких ты знаешь знаменитых мексиканских художников?

— Ривера,— ответил я.— Мартинес. Дельгадо.

— А как насчет этого?

Сэм швырнул мне на стол яркую папку.

— Прочти-ка!

Я прочел то, что было написано большими красными буквами.

— Сикейрос, *sí*, Ороско, *olè*.— И дальше.— Галерея «Гамбит». Бойл-Хайтс. У них на том берегу что, выставка Ороско—Сикейроса?

— Читай то, что мелким шрифтом,— Сэм ткнул пальцем в брошюру.

— Выставка, посвященная памяти великого художника Себастьяна Родригеса, наследника величайшего искусства Сикейроса и Ороско.

— Беру тебя с собой,— сказал Сэм.— Посмотри на дату.

— Двадцатое апреля. Черт, это ж сегодня, в два. Черт, через час начало! Я не могу...

— Можешь. Ты ведь эксперт по живописи, верно? Это не открытие, а закрытие. Похороны.

— Похороны?!

— Художник, Себастьян Родригес, будет присутствовать, но только мертвый.

— Ты хочешь сказать, что?..

— Это поминки. Там будут его мать с отцом. Придут братья и сестры. Кардинал Махони заскочит.

— Боже правый, неужто он был таким талантливым художником? Какие люди!

— Изначально предполагалось устроить вечеринку, но он упал и расшибся насмерть. И вместо того чтобы все отменить, они притащили туда тело. Так что теперь это будет что-то вроде заупокойной мессы со свечами и хористами в кружевах.

— Боже мой! — произнес я.

— Вот именно, можешь повторить это еще раз.

— Боже мой. Заупокойная месса по неизвестному художнику в третьеразрядной галерее где-

то в мексикано-испано-еврейском районе Бойл-Хайтс?

— Листай дальше. Ты увидишь на этих страницах дух Ороско и Сикейроса.

Я перевернул несколько страниц и ахнул:

— Ничего себе!

— Вот именно,— сказал Сэм.

Мчась по автостраде, ведущей к еврейско-испанскому району Бойл-Хайтс, я постоянно твердил себе:

— Этот парень гений! Где ты его откопал?

— В полиции,— ответил Сэм, ведя машину.

— *Где?*

— У копов. Он нарушил закон. Провел несколько часов в КПЗ.

— Несколько часов? А что он натворил?

— Что-то ужасное. Невероятное. Но не настолько, чтобы засадить его в кутузку. С одной стороны, ужас, с другой — ничего особенного. Посмотри наверх!

Я поднял глаза.

— Видишь этот пролет наверху?

— Мост? Но мы его уже проехали! А что?

— Вот оттуда он и упал.

— Спрыгнул?

— Нет, упал.— Сэм нажал на газ.— Больше ты ничего не заметил?

— Где?

- На том пролете. На мосту.
 - А что я должен был заметить? Ты ехал слишком быстро.
 - На обратном пути. Увидишь.
 - Место, где он погиб?
 - Место, где он пережил свой звездный час.
- А *потом* погиб.
- Место, где в него вселились духи Ороско и Сикейроса?
 - Ты попал в самую точку!
- Сэм свернул с автострады.
- Приехали!

Это была не художественная галерея.

Это была церковь.

На всех стенах развешаны яркие картины, каждая из которых была настолько потрясающая в своем радужном великолепии, что казалось, они взвиваются в небо языками пламени. Но они уступали место другому пламени. Две или три сотни свечей горели огромным кольцом вокруг просторной галереи. Они горели так уже несколько часов, и от их пламени веяло таким летним зноем, что вы сразу забывали о том, что только что пришли с апрельского холода.

Сам художник тоже находился там, но был занят своим новым делом: наполнял вечность тишиной.

Он лежал не в тесном гробу, а на облачном возвышении, покрытом белоснежной тканью,

которое, казалось, парит вместе с ним среди созвездий огней, всколыхнувшихся от дуновения из боковой двери, в которую только что вошел служитель церкви.

Я сразу узнал его лицо. Карлос Хесус Монтойя, пастырь огромного овечьего стада латиносов, по ту и другую стороны от пересохшего русла обмелевшей реки Лос-Анджелес-Ривер. Священник, поэт, искатель приключений в тропических лесах, разбивший сердца десяти тысяч женщин, герой журнальных заголовков, мистик, а ныне критик в «Арт ньюс квотерли», он стоял, словно капитан на носу утопающего в огне корабля, окидывая взором стены, на которых были развешаны еще никому не известные фантазии Себастьяна Родригеса.

Я взглянул туда, куда смотрел он, и тихо присвистнул.

— Что такое? — шепнул Сэм.

— Эти картины, — сказал я, повышая голос, — вовсе не живопись. Это цветные фотографии!

— Тс-с-с! — прошипел кто-то.

— Замолчи, — прошептал Сэм.

— Но...

— Так и задумано. — Сэм нервно оглянулся по сторонам. — Сначала фотографии, чтобы возбудить любопытство зрителей. Потом настоящие картины. Двойная премьера выставки.

— Однако, — сказал я. — Как фотографии они просто великолепны!

— Тс-с-с,— прошипел кто-то еще громче.
Великий Монтойя уставился на меня через море знойного огня.

— Блестящие фотографии,— прошептал я.
Монтойя прочитал это по моим губам и величественно кивнул, как тореро перед корридой в Севилье.

— Постой! — сказал я, что-то смутно припоминая.— Эти картины. Я их уже где-то видел!

Карлос Хесус Монтойя снова устремил взгляд на стены.

— Уходим,— прошипел Сэм, подталкивая меня к двери.

— Подожди! — сказал я.— Не сбивай меня с мысли.

— Идиот,— чуть не закричал Сэм,— тебя же убьют!

Монтойя прочитал это по его губам и подтвердил едва заметным кивком.

— За что меня убивать? — спросил я.

— Ты слишком много знаешь!

— Я ничего не знаю!

— Знаешь! *Andale! Vamoose!**

И мы уже собрались выйти из знойного лета в апрельский холод, но в дверях нас смыло в сторону волной плача, за которым последовали и плакальщицы: темная толпа рыдающих женщин в черных платках.

* Давай! Поспеши! (исп.)

— Родственники так не убиваются,— заметил Сэм.— Это бывшие любовницы.

Я прислушался.

— Точно.

Послышался другой плач. Вошли другие женщины, менее изящные и более толстые, а за ними — важный джентльмен, спокойный и благородный, как знаменосец.

— Родственники,— сказал Сэм.

— Так мы уходим или нет?

— Это кульминация. Я хотел, чтобы ты ничего не пропустил и увидел все как сторонний наблюдатель, непредвзято, прежде чем поймешь, как все обстоит на самом деле.

— И сколько ты просишь за весь этот мешок с дерьмом?

— Это не дерьмо. Всего лишь кровь художника, его фантазии и вероятные отклики критиков — хорошие или плохие.

— Дай мешок. Я накидаю тебе этого добра.

— Нет. Зайди еще раз внутрь. Взгляни в последний раз на убитого гения и на истину, что вскоре будет извращена.

— Такие слова от тебя обычно слышишь поздним субботним вечером, когда ты сидишь, не раздеваясь, за пустой бутылкой.

— Сегодня не суббота. А бутылка — вот. Выпей. Сделай последний глоток, брось последний взгляд.

Я пил, стоя в проеме двери, через которую чувствовалось знойное дыхание страдного лета, пахнущего горячим свечным воском.

Где-то там, в глубине, Себастьян тихо плыл на своем белоснежном корабле. Где-то вдали слышалось щебетание хора мальчиков.

Когда мы мчались по автостраде, я догадался:

— Я знаю, куда мы едем!

— Тс-с-с,— сказал Сэм.

— Туда, откуда прыгнул Себастьян Родригес.

— *Упал!*

— *Упал* и разбился насмерть.

— Смотри в оба. Мы почти на месте.

— Точно! Езжай помедленнее. Господи. Вот же они!

Сэм сбавил скорость.

— Подними голову,— сказал я.— Боже, я, наверное, сошел с ума. Смотри!

— *Смотрю!*

Они действительно были там, на стене мостового пролета над дорогой.

— Это же картины Себастьяна, которые мы видели в галерее!

— То были фотографии. А это — настоящие.

Они действительно были настоящие: более яркие, более масштабные, необыкновенные, потрясающие, бунтарские.

— Граффити,— наконец выдохнул я.

— Но какие граффити,— заметил Сэм, завороченно глядя вверх, словно на витраж собора.

— Почему ты не показал мне их сначала?

— Ты и так их видел, но периферическим зрением и на скорости шестьдесят миль в час. А сейчас разглядел их по-настоящему.

— Но почему только сейчас?

— Мне не хотелось, чтобы в эту фантастическую тайну вклинилась обыденная реальность. Я хотел дать тебе ответы, чтобы ты мог домыслить все безумные вопросы.

— Фотографии в галерее или граффити там, на пролете моста. Что первично: курица или яйцо?

— Наполовину курица, наполовину яйцо. Месяц назад отец Монтойя ехал на большой скорости и заметил эти чудесные творения, он был так поражен, что потерял управление и чуть не попал в аварию.

— И он стал первым коллекционером придорожных благовещений и божественных откровений Себастьяна? — догадался я.

— Совершенно верно! Наглядевшись на все эти латиноамериканские красоты, он развернулся и бросился домой за фотоаппаратом. Полученные снимки были настолько потрясающими, настолько притягивающими взгляд и берущими за душу, что у Монтойи родился гениальный проект. Поскольку большинство людей с пренебре-

жением относятся к любым придорожным граффити, почему бы не развесить пламенеющие фантазии Себастьяна на стенах галереи, чтобы распалить желания и кошельки? А потом, когда отказаться, передумать или потребовать назад свои деньги будет уже слишком поздно, устроить великое разоблачение: «Если вы думаете, что все эти галерейные моргалки — дары божьи, — завоет Монтойя, — откройте глаза, когда будете проезжать по автостраде сто один, под мостом восемьдесят девять». Итак, Монтойя повесил фотографии, эти окна с видом на бурлящую жизнь, и приготовился огорошить голой правдой критиков, когда те, ни о чём не догадываясь, будут все сидеть в этой лодке. Проблема была лишь в том, что...

— Себастьян упал с моста прежде, чем начался спектакль?

— Упал и подмочил свою репутацию.

— А я думал, смерть увеличивает шансы художника на известность.

— Иногда да, а иногда нет. С Себастьяном вышел особый случай. Сложный случай. Когда Себастьян упал...

— А кстати, как его угораздило?

— Он висел вниз головой, перекинувшись через перила моста, и рисовал, пока какой-то приятель держал его за ноги, но тут приятель чихнул и... да-да, он чихнул и выпустил Себастьяна из рук.

— Боже мой!

— Никто не хотел рассказывать правду ни его родственникам, ни кому-либо другому. Надо же так! Висеть вверх тормашками, рисуя противозаконные граффити, и разбиться, упав в поток машин. Происшествие зарегистрировали как аварию мотоцикла, хотя никакого мотоцикла так и не нашли. Преступную краску с его рук смыли еще до прибытия коронера. Так что Монтойя остался...

— ...в галерее, полной никому не нужных фотографий.

— Нет! В галерее, полной бесценных свидетельств жизни и творчества художника-маргинала, умершего слишком рано, но зато, слава богу, остались эти вдохновенные фотографии, за которые можно будет просить фантастическую цену! Кардинал Махони дал официальное разрешение на публикацию, и цены вообще взлетели до небес.

— Так что же, никто до сих пор не рассказал, где находятся оригиналы?

— Никто и не расскажет. Родные предупреждали своего мальчика: не играй на шоссе, — а смотри, как вышло! Вероятно, яркое торжество в честь Себастьяна на выставке его фотографий они еще переживут, но вот мост восемьдесят девять на автостраде сто один... после его смерти он стал для них слишком печальным зрелищем

и чересчур коммерческим. И тогда Монтойя придумал зажечь тысячу свечей и создать церковь Святого Себастьяна.

— Сколько людей знают эту историю?

— Монтойя, владелец галереи, может быть, пара тетушек-дядюшек. Ну и мы с тобой. Никто не выпустит кошку из мешка, чтобы она перебежала шоссе. Так мама говорила. Протяни-ка руку на заднее сиденье. Пощупай. Ну, что?

Я протянул руку назад и пощупал.

— Похоже на три ведра.

— А еще?

Я снова пошарил рукой.

— Большая кисточка!

— Значит что?

— Три ведра с краской!

— Верно!

— Но зачем?

— Чтобы закрасить придорожные шедевры Себастьяна Родригеса.

— Закрасить все эти бесценные фрески? Для чего?

— Если мы их оставим, кто-нибудь случайно обратит на них внимание, сравнит с фотографиями в галерее, и наша песенка спета!

— Весь мир узнает, что он был всего лишь безбашенным смельчаком, рисовавшим граффити на шоссе?

— Или начнет гоняться за его гениальными произведениями, и на дороге возникнут аварии

или пробки из-за толпы зевак. Ни то, ни другое не приемлемо.

Я долго смотрел на ярко разрисованный пролет моста.

— А кто будет закрашивать всю эту живопись?

— Я! — ответил Сэм.

— И как же ты будешь это делать?

— Ты будешь держать меня за ноги вниз головой, а я буду замазывать. Только сперва выморкайся. Никаких чиханий.

— Сикейрос, *nada**, Ороско, *no***?

— Точно. Можешь повторить это еще раз.

Я повторил эти слова трижды. Но про себя.

* Ничто (*исп.*).

** Нет (*исп.*).

Это был фантастический, безумный, старый дом, дико глядящий на город немигающими глазами. Под его высокими сводами птицы свили гнезда, так что сам дом уже скорее походил на тощую старуху-привидение с растрепанной шевелюрой.

Холодным осенним вечером они поднимались по длинному склону холма — Мэгги и Уильям, — и вот, увидев дом, она поставила на землю чемодан, купленный в фешенебельном магазине «Сакс» на Пятой авеню, и произнесла:

— О нет!

— Да! — Уильям бодро тащил свой потрепанный старый баул. — Разве это не жемчужина? Посмотри на него, это просто сокровище!

— И ты заплатил две тысячи долларов вот за *это*? — вскричала она.

— Да он стоил тридцать тысяч долларов... пятьдесят лет назад, — с гордостью заявил он. — И теперь он весь наш! Черт возьми!

Мэгги подождала, пока ее сердце забилося ровнее. Ей было не по себе. Она переводила взгляд то на Уильяма, то на дом.

— Он... он несколько смахивает на дом Чарльза Аддамса, не правда ли? Знаешь, того, который рисует комиксы про вампиров для «Нью-Йоркера»?

Но Уильям уже подошел к дому. Она осторожно ступила вслед за ним на скрипящие ступени крыльца.

Дом, казалось, взмывал ввысь со всеми своими тремя мансардами, колоннами с каннелюрами и лестничными пролетами в стиле рококо, башнями, шпилями и эркерами с зияющими в них выбитыми стеклами; и на всем этом — тонкий налет никотиновой желтизны от времени. Внутри дома царил покой бесшумно летающей моли, неподвижно висящих оконных штор и задрапированных диванов, похожих на невысокие белые надгробия.

И снова она почувствовала, как все опускается у нее внутри. Если ты всю свою жизнь провела на широкой и тихой улице в большом, опрятном доме, в котором слуги незаметно поддерживали порядок, в котором всегда, где бы

ты ни находилась, под рукой был телефон, а ванна была огромной, как бассейн, и единственное усилие, которое тебе приходилось прикладывать, это поднять невероятно тяжелый бокал с сухим martini,— что ты должна подумать, оказавшись в замшелой пещере, в подземелье с привидениями, перед мрачными стенами и полнейшим хаосом? «Господи,— думала она,— что, если американцы дойдут до такой жизни: домов не хватает, цены бешеные. Зачем людям вообще жениться?»

Она с трудом сохраняла на лице спокойствие и невозмутимость, поскольку Уильям кричал, то взбегая, то спускаясь по лестнице вниз, быстро и важно шагая по комнатам, гордый, словно он сам построил этот дом.

— Я призрак отца Гамлета,— произнес Уильям, спускаясь по темным ступеням.

— ...отца Гамлета,— повторило эхо с высоты лестничного колодца.

Уильям улыбнулся и поднял указательный палец.

— Слышала? Там, наверху, живет Слухач. Мой старинный приятель. Он слышит все, что ты говоришь. Только вчера я говорил ему: «Я люблю Мэгги!»

— «Я люблю Мэгги»,— повторил Слухач откуда-то с высоты.

— А у него есть вкус, у этого Слухача,— заметил Билл. Он подошел к Мэгги и взял ее за плечи.— Ну, разве этот дом не *прелесть*?

— Он большой, тут я с тобой согласна. И грязный — тут я тоже с тобой согласна. И уж точно *старый*.

Она смотрела ему в лицо, их глаза встретились. И по тому, как медленно изменяется выражение его лица, она поняла, что ее собственное лицо совсем не отражает должного стремления полюбить этот необъятный дом. Проходя через дверь, она порвала о гвоздь нейлоновый чулок. На дорогой твидовой юбке, которую она привезла из Сан-Франциско, уже виднелось грязное пятно, и еще...

Уильям снял руки с ее плеч. Он посмотрел на ее губы.

— Он тебе совсем не нравится, правда?

— Ну, не то чтобы...

— Может, стоило лучше купить автоприцеп?

— Нет, что ты, не говори глупостей. Просто мне надо привыкнуть. Кому захочется жить в этой тесной коробке на колесах? А здесь — *простор*.

— Или подождать еще годик с женитьбой, пока не накопим денег?

— Да может, мы и не задержимся здесь долго,— сказала она, стараясь казаться веселой.

Зря она так сказала. Он не хотел никуда отсюда уезжать, никогда. Это был дом, который он любил и в котором хотел остаться на всю жизнь. Уильям смотрел на него как на свое постоянное жилище.

— Здесь, наверху — спальня.

Остановившись на первой лестничной площадке, где тускло горела лампочка, он открыл дверь. За ней оказалась комната, в которой стояла кровать с пологом на четырех столбиках. Уильям собственноручно отскреб и отчистил эту комнату и поставил сюда кровать, чтобы сделать для Мэгги сюрприз. На стенах, оклеенных новенькими желтыми обоями, висели яркие картины.

— Симпатично,— все еще с трудом проговорила она.

— Рад, что тебе понравилось,— не глядя на нее, пробормотал он.

На следующее утро, после завтрака, полный сил и идей, он летал по всему дому вверх-вниз, насвистывая и напевая. Мэгги слышала, как он срывает старые шторы, подметает холл, выбивает осколки старого стекла из разбитого окна в кухне. Она лежала в кровати. Теплое желтое солнце вливалось через южное окно, касаясь ее руки, лениво покоящейся на одеяле. Мэгги лежала, не имея никакой охоты двигаться, с изум-

лением слушая, как ее жизнерадостный муж носится из комнаты в комнату в порыве мгновенного вдохновения. *Жизнерадостный* — вот точное слово. Сегодня ты делаешь ему больно или разочаровываешь, а завтра все забыто. Он снова полон сил. Вряд ли она могла сказать о себе то же самое. Он был словно фейерверк, летающий и взрывающийся по всему гулкому дому.

Она соскользнула с кровати. «Что ж, попробуем внести свою лепту, — подумала она. — Сделаем правильное лицо. — Она посмотрела в зеркало. — Интересно, можно ли как-то *нарисовать* на нем улыбку?»

После мимолетного подгоревшего завтрака Уильям наградил ее шваброй и поцелуем.

— Вперед, все выше и выше! — прокричал он. — Ты хоть знаешь, что цель человека не в любви или сексе и не в том, чтобы достичь успеха или быть не хуже людей? Не слава и богатство! Нет, мадам, самую долгую битву человечество ведет против стихии грязи. Она проникает во все щели и закоулки дома! О, если бы мы все год просидели, просто качаясь в креслах, мы заросли бы в грязи по уши, города пришли бы в упадок, сады превратились в пустыни, а гостиные — в помойки! Боже, так вот и приподнял бы весь этот дом и вытряхнул бы его хорошенько!

Они принялись за работу.

Но она быстро устала. Сперва она жаловалась на спину, потом на «головную боль». Он принес ей аспирин. Наконец, она просто была измотана этим нескончаемым количеством комнат. Она потеряла им счет. А пылинкам в комнатах? Их число вообще зашкаливало за квинтиллионы! Ходя по дому, Мэгги начала чихать и сморкаться, уткнув свой маленький носик в платок, вся горя от смущения.

— Лучше тебе посидеть,— сказал Уильям.

— Ничего, все в порядке,— ответила она.

— Тебе лучше пойти отдохнуть,— без улыбки произнес он.

— Со мной все будет отлично. До обеда еще далеко.

Это было неприятной неожиданностью. Только первое утро, а она уже устала. И Мэгги чувствовала, как щеки заливает стыдливая краска. Потому что это была странная усталость, усталость от ненужных переживаний, лишних движений и напряжения. До сих пор ты обманывала себя, но это предел. Да, она устала, но не от работы, а от самого этого места. Не прошло и двадцати часов, проведенных здесь, а она уже устала от этого дома, ей плохо от него. И Уильям видел, что ей плохо. Что-то неуловимое в ее лице говорило об этом. Что именно, она сама не знала. Это как проколотая шина: ты не сможешь найти, где прокол, пока не погрузишь ее в воду,

и тогда из воды поднимутся пузырьки. Мэгги не хотелось, чтобы он видел, как ей плохо. Но то и дело думала, как ее друзья приедут к ней в гости и что они будут говорить потом между собой дома за чаем: «Что случилось с Мэгги Клинтон?», «О, вы не слышали? Она вышла за того писателя, и теперь они живут на Банкер-Хилле. Представляете, на Банкер-Хилле? В старом доме с привидениями или что-то в этом роде!», «Надо будет как-нибудь ее навестить», «О да, это ужасно забавно. Дом — такая развалина, просто развалина. Бедная Мэг!»

— Раньше ты могла каждый день утром и после полудня сыграть я-не-знаю-сколько теннисных сетов подряд, а в перерыв еще и партию в гольф,— заметил он.

— Со мной все будет нормально,— ответила она, не зная, что еще сказать.

Они стояли на лестничной площадке. Лучи утреннего солнца падали сквозь разноцветные витражи высокого окна. Тут были и маленькие розовые стеклышки, и синие, и красные, и желтые, и фиолетовые, и оранжевые. Многоцветные блики светились на ее лице и на балясинах перил.

Несколько мгновений он неотрывно смотрел на эти разноцветные стеклышки. Потом перевел взгляд на нее.

— Прости за мелодраматичность,— сказал он,— но когда я был маленьким, совсем мальчишкой, я кое-что узнал. У моей бабушки в доме был холл с лестницей, и наверху — окно с такими же вот разноцветными стеклышками. Я часто поднимался туда и смотрел сквозь эти цветные стеклышки, и...— Он вдруг швырнул на пол пыльную тряпку.— Да что там. Тебе не понять.

И он пошел прочь от нее вниз по лестнице.

Мэгги стояла и смотрела ему вслед. Она взглянула на разноцветные стекла. Что же он хотел такое сказать, что-нибудь до смешного банальное, а потом передумал? Она подошла к окну.

Сквозь розовое стекло мир внизу стал радостным и теплым. Запустелая округа из убогих домишек, сгрудившихся на краю пропасти, окрасилась в розовые закатные тона.

Мэг посмотрела сквозь желтое стекло. И мир наполнился солнечным светом, ярким, сверкающим и чистым.

Она посмотрела сквозь фиолетовое стекло. И мир закрыла туча, он стал болезненно-тоскливым, и люди в нем выглядели прокаженными, падшими духом и покинутыми. Дома казались почерневшими и безобразными. Как будто все покрылось синяками.

Она снова посмотрела сквозь желтое стекло. И вновь засветило солнце. Любая дворняжка ка-

залась умным и милым псом. Самый грязный мальчишка казался чистюлей. Обветшавшие дома как будто засверкали новенькой краской.

Мэг взглянула на Уильяма, который, стоя внизу у лестницы, спокойно, с бесстрастным выражением лица, набирал номер телефона. Затем она снова перевела взгляд на цветные стеклышки и вдруг поняла, что он имел в виду. Ты можешь выбрать, сквозь какое стекло смотреть на мир. Сквозь темное или светлое.

Она почувствовала, что все потеряно. Она чувствовала, что уже слишком поздно. Иногда, даже если еще не поздно, чувствуешь, что все потеряно. Надо что-то сказать, произнести одно слово. Одно-единственное слово. Но она была не готова. Сама эта мысль была слишком нова для нее. Сейчас у нее не нашлось бы нужных слов, чтобы выразить, о чем она думает. Эта мысль просочилась внутрь нее. Она почувствовала лишь первое слабое волнение, но задушила его своим страхом и ненавистью к самой себе. А затем она почувствовала быстрые уколы ненависти к этому дому и к Уильяму за то, что они заставили ее ненавидеть саму себя. И в конце концов это вылилось в обычное раздражение, раздражение лишь против собственной слепоты.

Уильям разговаривал по телефону. Его голос разносился по великолепным лестничным маршам. Он звонил агенту по недвижимости.

— Мистер Вульф? Я по поводу дома, который вы мне продали на прошлой неделе. Послушайте, как вы думаете, могу ли я продать его? Быть может, с *маленькой* прибылью?

Тишина. Мэгги слышала, как учащенно забилося ее сердце.

Уильям положил телефонную трубку.

— Он может продать его,— сказал он, не глядя на Мэг.— С *небольшой* выгодой.

— С *небольшой* выгодой,— повторил Слухач в высотах дома.

Они молча обедали, когда кто-то громко постучал во входную дверь. Уильям, с несвойственным для него молчанием, пошел открывать.

— Чертов звонок не работает! — раздался в холле крикливый женский голос.

— Бесс! — воскликнул Уильям.

— Билл, старый сукин... эй, а местечко-то ничего!

— Тебе нравится?

— *Нравится* ли мне? Повяжи-ка мне платок на голову и дай в руки швабру!

Они начали о чем-то весело болтать. На кухне Мэгги отложила нож для масла и стала слушать, холодея от тревоги.

— Господи, что бы я только не отдала за такое местечко! — кричала Бесс Олдердайс, с топотом бегая по всему дому.— Ты только взгля-

ни на эти перила ручной резки. Хейсус, как говорят испанцы; ты только посмотри на эту хрустальную люстру! Кто ж тебе такое сокровище втюхал, а, Билл?

— Нам повезло, что его выставили на продажу,— ответил Билл из прихожей.

— Я много лет назад положила глаз на этот дом! И вот ты, ты, проклятый везунчик, ты выхватил его прямо из цепких чумазных лапок добрейшей Бесс Олдердайс.

— Давай мой свои цепкие чумазные лапки и иди на кухню, пообедай.

— Обед, черт, когда ж мы будем работать? Я хочу приложить к этому руку!

Мэгги вышла в холл.

— Мэгги! — закричала ей Бесс Олдердайс в своем строгом габардиновом пальто и туфлях на плоской подошве.— Как я тебе *завидую!*

— Привет, Бесс.

— Что-то ты выглядишь какой-то усталой,— продолжала кричать Бесс.— Слушай, ты сядь посиди, а я помогу Биллу. У меня силы хоть отбавляй, потому что я ем хлопья «Уитиз»!

— Мы не будем здесь жить,— спокойно сказал Билл.

— Что? — Бесс посмотрела на него, как на помешанного.— Нынче здесь, завтра там, твое имя что — Фигаро? Ладно, продай его мамочке, мамочка хочет его купить.

— Мы попробуем найти какой-нибудь небольшой бревенчатый домик,— притворно весело сказал Билл.

— Сам знаешь, что такое эти бревенчатые дома,— фыркнула Бесс.— Ладно, раз уж я у тебя покупаю этот дом, Билл, давай хоть помоги мне прибраться у себя! Пособи-ка мне снять эти шторы!

И она подошла к окнам гостиной, чтобы сорвать с них изъеденные молюшью шторы.

Они трудились вдвоем, Бесс и Уильям, до самого вечера.

— Иди-ка ты полежи, дорогуша,— сказала Бесс, похлопывая Мэгги по плечу.— Я помогу и денег не возьму.

Дом гудел эхом голосов и скрипением щеток. То и дело раздавались взрывы хохота. В коридорах бушевали пыльные вихри, а один раз Бесс от смеха чуть не свалилась с лестницы. Слышался стук и скрип выдираемых из стен гвоздей, мелодичное позвякивание задеваемых люстр, шорох срываемых старых обоев.

— Это мы поставим в чайной гостиной, а это — здесь; так, а эту стену мы вообще снесем! — кричала Бесс сквозь облака пыли.

— Верно! — смеялся Уильям.

— А еще я видела недорогой набор старинных стульев, которые как раз сюда подойдут! — говорила Бесс.

— Отличная идея! — вторил ей Билл.

Они что-то живо обсуждали, расхаживая туда-сюда, добираясь до каждого уголка. Уильям рисовал синим мелом какие-то отметины, выбрасывал в окна ненужную мебель, которая с грохотом падала на землю.

— Молодчина! — кричала Бесс. — Как насчет того, чтобы развесить на этой стене красивые баварские тарелочки, а, Билл?

— Здорово! Превосходно!

Мэгги во всем этом не участвовала. Сначала она бесцельно поднялась наверх, в спальню, затем спустилась вниз и вышла из дома на солнышко. Но и здесь до нее доносился счастливый смех Билла. Он строил планы, раздумывал, хохотал, и все это вместе с другой женщиной. Он и думать забыл о продаже дома. Как он поступит, когда вспомнит, что звонил агенту по недвижимости? Уж конечно, ему будет не до смеха.

Мэгги скрестила руки на груди. И что такого в этой Бесс Олдердайс? Уж наверное, не ее плоскогрудое, костлявое, неуклюжее тело и не торчащая во все стороны нечесаная шевелюра или заросшие брови! Как бы то ни было, в ней было воодушевление, свежесть и напор, которых не хватало ей, Мэгги. А *на что* они ей? В конце концов, какое право имела Бесс приезжать сюда? Это ведь не ее дом? Пока что, во всяком случае.

Через открытое окно она услышала голос Бесс:

— Ты хоть знаешь, какая у этого дома история? Он был построен в тысяча восемьсот девяносто девятом году одним адвокатом. Раньше здесь вся округа была такая. Это был благородный дом, он и *сейчас* благородный. Люди гордились тем, что живут здесь. И они *по-прежнему* могут этим гордиться.

Мэгги стояла в холле. Как Бесс удалось все расставить на свои места? Все было наперекосяк, пока не вошла Бесс и не расставила все по местам. Но как? Слова тут ни при чем. Словами вряд ли можно что-то поправить. Тут нечто большее. Это были дела, упорный и долгий труд. И сейчас Бесс нравилась Биллу больше, чем ему когда-либо будет нравиться Мэгги. Почему? Потому что у Бесс были проворные руки и живое лицо, она справлялась с одним делом и переходила к следующему.

Но главное все же — Билл. Ему хоть *раз* в жизни приходилось забить гвоздь или перетаскивать ковер? Нет. Будучи писателем, он всю жизнь до сегодняшнего дня только сидел и сидел. К встрече с этим Домом Ужасов — подходи-налетай, цена — копейка, не скупись-покупай! — он был готов не больше, чем она сама. Как же ему удалось за одну ночь так перемениться, чтобы наброситься на этот дом, вцепиться в него зубами и ногтями? Ответ напрашивался сам со-

бой. Он любит Мэгги. Это будет ее дом. Остановись они на одну ночь в какой-нибудь пещере, он сделал бы то же самое. *В любом месте* хорошо, если Мэгги рядом.

Мэгги закрыла глаза. Все замыкалось на ней самой. Она была катализатором. Без нее он сидел бы на месте и никогда не взялся бы за эту работу. А она сама весь день чувствовала бы себя потерянной. Весь секрет был не в Бесс или Уильяме, а в самой любви. Любовь всегда подвигала на труд, будила энтузиазм. А раз Уильям трудился, чтобы сделать ее счастливой, почему бы и ей не сделать того же для него? Любовь всегда что-то где-то строит. Иначе она утасует. Всю свою совместную жизнь вы строите — строите себя, строите дома, растите детей. Если один останавливается, другой подхватывает импульс. Но тогда получается лишь половина всего строения. В конце концов оно рассыпается, как картонный домик.

Мэгги посмотрела на свои руки. Извиняться теперь перед Биллом было бы неудобно и лишне. Как же тогда все устроить? Так же, как ты все расстроила. Тот же процесс, только наоборот. Все было не так, когда тебе случалось разбить вазу, порвать занавеску или оставить книгу под дождем. Ты исправляла это, склеивая вазу, зашивая занавеску, покупая новую книгу. Это было в порядке вещей. Ее неудачи с этим домом

были из разряда вещей *в беспорядке*: нерасторопность рук, нехотение в глазах, безжизненность в голосе.

Она подмела пыльный ковер, залезла на стремянку, начистила медный канделябр; потом, обу-реваемая переполнявшей ее великой идеей, принялась подметать коридоры. Она представила этот дом законченным. Отчищенные от грязи старинные вещи, роскошный и теплый колорит. Сияющая медь, отполированное дерево, светлые люстры, ковры цвета свежесрезанной розы, сияющее воском пианино, старинные масляные лампы, переделанные в электрические, заново окрашенные резные перила ручной работы и солнце, льющее свет сквозь высокие разноцветные окна. Как в другом веке. Друзья будут танцевать в просторной бальной зале на четвертом этаже, освещенной восемью огромными люстрами. В нем будут старинные музыкальные автоматы, в барах — старое вино, и весь дом будет наполнен мягким теплом, словно ароматом изысканного хереса. Это займет время, у них совсем мало денег, но, может быть, через год...

Люди будут говорить: «Восхитительный дом у Билла и Мэг, будто попадаешь в другой век; так уютно. А снаружи не догадаешься. Как бы мне хотелось, чтобы мы тоже жили в Банкер-Хилле, в одном из этих чудесных старинных особняков!»

Она начала отрывать огромные куски выцветших обоев. И только тогда Билл услышал и в изумлении подошел к дверям холла.

— Мне *показалось*, я слышу какой-то шум. И давно ты работаешь?

— Полчаса.

На сей раз лицо ее осветилось широкой улыбкой.

**ТРАУРНЫЙ ПОЕЗД
ИМЕНИ ДЖОНА УИЛКСА БУТА/
УОРНЕР БРАЗЕРС/MGM/NBC**

2003

Я как раз устраивался, чтобы хорошенько вздремнуть после обеда, когда в мой кабинет ворвался Марти Фелбер.

— Боже мой! — кричал он. — Вы непременно должны это увидеть!

Я лениво откинулся на спинку кресла.

— Увидеть что? — спросил я.

Казалось, Марти вот-вот начнет рвать на себе волосы.

— Вы что, не слышали? Туда, на станцию, прибыл специальный поезд из Вашингтона. Это настоящий паровоз, черт возьми, с настоящим котлом, который вращает колеса. Мы не видели здесь паровоза пятьдесят лет!

— Но я-то видел паровозы.

— Нет, нет, этот особенный. Весь черный, с траурными лентами.

— С траурными лентами? А ну-ка, черт возьми, выйдем посмотрим.

И мы, черт возьми, вышли.

На станции мы принялись всматриваться в пустынный рельсовый путь. Где-то вдали слышался скорбный плач, а над горизонтом показалось облако розового пара, уносимого прочь под заунывные звуки.

Черный поезд выскользнул из сумеречной пелены холодного морозящего дождя.

— В нем есть пассажиры? — спросил я.

— Слышишь, плачут?

— Господи, да. Отойди.

Черный поезд, словно мрачная туча, плыл, окутанный развевающимся позади шлейфом дождя и призрачного пара.

Из локомотива продолжали вырываться клубы дыма, в то время как паровоз тащил за собой печальную вереницу вагонов, выкрашенных в угольно-черный цвет, украшенных пучками траурных ленточек, развевавшихся вдоль крыш, из-под которых слышался шепот белесого пара, а из окон доносился непрерывный плач.

На стенке одного из вагонов было написано: «MGM».

На другом я прочел: «Уорнер Бразерс».

На третьем и четвертом — «Парамаунт» и «RKO».

На пятом — «NBC».

Я похолодел с головы до пят. И обмер.

Наконец мы с Марти двинулись вдоль проходящих мимо вагонов.

Шуршали траурные ленты на крышах, а окна каждого вагона, казалось, были омыты дождем.

Пока мы неслись вдоль поезда, из паровоза снова и снова доносился до нас скорбный плач, и из окон непрерывно слышались печальные стоны.

Наконец мы дошли до последнего, самого мрачного вагона и остановились, завороченно глядя сквозь закапанное дождем большое окно.

Внутри покоился длинный, черный как ночь гроб в окружении белых цветов.

Я стоял, будто сраженный молнией, сердце сжалось, словно стиснутое в неумолимый кулак.

— Боже! — вскричал я. — Ужас! У моей бабушки в большой книге с картинками был точно такой поезд, только без надписей по бокам вроде «MGM» или «Парамаунт».

Дальше я не мог говорить, у меня перехватило дыхание.

— Господи, — изумленно прошептал я. — Гроб в окне. Он там, в гробу. Боже мой, да, это он!

Я закрыл глаза.

— Это траурный поезд Авраама Линкольна!

Откуда-то с другого конца черного как смоль поезда донесся еще один тихий вскрик. Траурные ленты всколыхнулись.

По платформе вприпрыжку бежал какой-то человек, это был мой старый приятель, Элмер Грин, пресс-агент киностудии. Он с размаху налетел на меня и прокричал мне в лицо:

— Эй, ну что, попался на удочку? Я тебе сейчас все покажу. Пойдем.

Но я словно прирос к земле.

— Что-то не так? — спросил Грин.

— Что все это значит?

— Ты не плачешь? — сказал он. — Ну и не надо. Пойдем.

Он снова помчался вдоль черных вагонов, мы с Марти поспешили за ним. Я шел, спотыкаясь, не видя ничего от слез.

Наконец он остановился и сказал:

— Видите вон тот большой красный пульмановский вагон? Который не похож на все остальные? Загляните-ка. Среднее окно.

— Четыре типа в деловых костюмах, в карты играют, курят сигары. А вот этот толстяк, постой-ка, это же...

— Кто?

— Луис Берт Майер, киномагнат из «MGM». Луи-Лев! Что он здесь делает? Он же умер!

— Не совсем, насколько ты видишь. Ладно. Тогда, в тридцатом, Луис со своими подручными сели в этот огромный красный вагон, поезд отправился от студий «MGM» по специальной железной дороге и поехал в Глендейл на пред-

премьерные показы. Потом они снова забрались в этот супернавороченный игрушечный поезд и покатали назад, приветствуя ликованием благожелательные анонсы и разрывая на мелкие кусочки плохие.

— И что же? — уныло спросил я.

— А то, что, когда все поезда такие, и вдруг кто-то появляется вот на таком, поневоле обратишь внимание. А теперь залезай в вагон и посмотри на Луиса Майера, ожившего христиано-иудейского араба, сидящего, как пойманная бабочка, в этой огромной машине времени.

Почти невидящими глазами я уставился на свои ноги.

— Ну надо же! — произнес Грин. — Помогика мне забросить его в вагон.

Марти подхватил меня под локоть с одной стороны, Грин — с другой, и вместе они рывком закинули меня в поезд.

Мы, спотыкаясь, пошли через наполненные дымом вагоны, в которых множество людей тасовали и перетасовывали карты.

— Боже мой! — воскликнул я. — Неужели это Дэррил Занук, глава компании «Двадцатый век Фокс»? А там Гарри Кон, гроза Гауэр-стрит? Какого черта они затесались в этот кошмар?

— Как я уже сказал, они попались в Сеть для Бабочек, которая поворачивает время вспять. Самый гигантский в истории сачок выудил их из

могил, сделав им предложение, от которого они не могли отказаться: участок в шесть футов или билет на Вечный Экспресс имени Джона Уилкса Бута.

— Господи, твоя воля!

— Нет, это все Элмо Уиллс,— прокричал Грин.— На базе студии «MGM» в Лас-Вегасе он соединил несколько компьютеров в совершенно несовместимый агрегат и пришпандорил к нему суперпередвижную бейсбольную перчатку.

Я внимательно вглядывался в наполненный дымом игорный вагон.

— Вот так, значит, нынче попадают на поезд?

— Да,— небрежно ответил Грин.

— Снаружи на каждом вагоне — названия кинокомпаний,— продолжал я.— А внутри — покойные магнаты, живьем.

— Они все вложили деньги в виртуальную Сеть и в Элмо, который говорил: «Величайший паровоз в истории? Поезд, благодаря которому вернулись домой Бобби Кеннеди и Рузвельт? Какой поезд сто лет назад объехал всю страну под всеобщий плач?»

Я почувствовал, как щека моя увлажнилась слезой.

— Похоронный поезд,— тихо ответил я.— Поезд Эйба Линкольна.

— Дай ему сигару.

Поезд дернулся.

— Он что, отправляется?! — закричал я. — Я не желаю, чтобы меня видели среди этой мерзости.

— Останься, — сказал Грин. — Назови свой гонорар.

Я чуть не ударил его по улыбающейся физиономии.

— Будь ты проклят!

— Я уже проклят, — рассмеялся Грин. — Но собираюсь оправдаться.

Поезд снова дернулся и заскрежетал.

Моего приятеля Марти швырнуло вперед, а затем бегом потащило назад.

— Ты должен это видеть! Следующий вагон до отказа набит адвокатами.

— Адвокатами? — Я обернулся к Грину.

— Они строчат судебные иски, — сказал Грин. — За задержки в расписании. В каких городах мы останавливаемся? Какие передачи мы даем в эфир? Какие договоры мы подписываем с авторами книг? На чьей мы стороне: Эн-би-си или Си-эн-эн? И тому подобное.

— И тому подобное! — закричал я и вслед за Марти нырнул головой вперед.

Мы мчались через толпу безумцев, которые все поголовно кричали, показывали на нас пальцем и сыпали проклятиями.

Добравшись до четвертого вагона, я рывком распахнул дверь и погрузился в крошечную тьму, наполненную мерцанием огней; танцующие светлячки невидимых машин.

Повсюду вспыхивали яркие пучки света и призрачные тени компьютерной подсветки.

Эта мрачная пещера сияла лампочками, будто в ней находился пульт управления космического корабля; какой-то человечек, чуть ли не карлик, быстро-быстро бегал по консоли своими паучьими пальцами. Да, это был он, изобретатель невероятного, крамольного Жнеца Бабочек.

Я поднял руки со сжатыми кулаками, и карлик воскликнул:

— Вы намерены побить меня?

— Побить? Нет. Убить! Что вы *натворили*?

— Натворил? — вскричал он. — В моих руках история, передаваемая из уст в уста. Я могу забросить свою Сеть и выловить колесницу Бен-Гура или корабль Клеопатры, посеять смуту и отпустить на волю псов времен.

Он опустил взгляд и погладил руками расцвеченные огнями очертания машины, и продолжал, созерцая минувшие годы и словно обращаясь к самому себе:

— Знаете, я часто думал: если бы в ту ночь, в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, выстрел в театре Форда прогремел чуть раньше,

этого траурного поезда никогда бы не было, и история Америки изменилась бы навсегда.

— Что вы сказали? — переспросил я.

— Выстрел,— повторил Элмо.— В театре Форда.

— Выстрел,— прошептал я и подумал: «Никто не станет кричать "Пожар!" в переполненном театре. А что, если крикнуть это в переполненном паяцами поезде?»

И вдруг я заорал:

— Сукины дети!

Я подскочил к задней двери вагона и распахнул ее настежь.

— Ублюдки!

Три дюжины адвокатов вскочили, услышав мой пронзительный, как гудок паровоза, крик.

— Пожар! — кричал я.— Театр Форда горит! Пожар! — орал я.

Все, кто был в этом проклятом, в этом страшном поезде, услышали мой крик.

Распахнулись настежь старинные двери. С дикими воплями вылетели стекла в старинных окнах.

— Постойте! — вскричал Грин.

— Нет! — ревел я.— Пожар! Пожар!

Я бежал из вагона в вагон, крича, раздувая пламя.

— Пожар!

Все до единого в панике, словно подхваченные ветром, вымелись из поезда.

Платформа кишела несчастными жертвами и обезумевшими адвокатами, наспех записывавшими имена и что-то бормотавшими себе под нос.

— Пожар,— прошептал я в последний раз.

Поезд был пуст, как кабинет стоматолога в неудачный день.

Грин, шатаясь, подошел ко мне; на сей раз это его ноги словно приросли к земле. Лицо его было пепельно-серым, казалось, ему не хватало воздуха.

— Поворачивай поезд обратно,— сказал я.

— Что?

Марти повел меня через груды нетронутых гаванских сигар и игральных карт.

— Назад,— простонал я.— Отправляй его обратно на Вашингтонский вокзал, в апрель тысяча восемьсот шестьдесят пятого года.

— Мы не можем.

— Вы же только что *приехали* оттуда. Назад, о боже, возвращайтесь назад.

— У нас нет обратных билетов. Мы можем ехать только туда.

— Туда? А что, у «MGM» еще остались свои железные дороги, не закатанные в асфальт? Так поезжайте по ним, как в тысяча девятьсот тридцать втором, бросьте Луиса Майера, скажите

ему, что Тальберг* жив и едет в четвертом вагоне, Майера хватит сердечный приступ.

— Луи?

— И Гарри Кона тоже,— добавил я.

— Но «MGM» не его студия.

— Он может вызвать такси или отправиться на попутных, но никто больше не сядет в этот проклятый, дурацкий поезд.

— Никто?

— Если не хотят быть похороненными в театре Форда, когда я и впрямь возьму и подожгу его.

Толпа адвокатов на платформе заволновалась и жалобно зароптала.

— Они готовятся подать в суд,— сказал Грин.

— Моя жизнь застрахована, я уступаю им свою страховку. Давай задний ход.

Поезд вздрогнул, как огромный железный пес.

— Поздно, мне пора идти.

— Господи, конечно. Смотри.

Все несчастные и их адвокаты, толкаясь, ринулись по вагонам, и о придурке, кричавшем «Пожар!», тут же позабыли.

* Ирвинг Тальберг (1899—1936) — знаменитый продюсер, заместитель Л. Майера на студии «MGM»; прообраз главного героя неоконченного романа Ф. С. Фицджеральда «Последний магнат» (см. далее рассказ «Мафиозная Бетономешалка»).

Поезд тронулся с ужасным скрежетом.

— Прощай,— шепнула Грин.

— Выкладывай,— устало сказал я.— Кто на очереди?

— На очереди?

— В этом твоём чертовом, в этом жутком Сачке для Покойников. Кого поймают, задушат и проткнут булавкой?

Грин вытащил смятый листок бумаги.

— Некто по имени Лафайет.

— Некто? Да ты болван, тупица, неуч! Ты что, не знаешь, что Лафайет спас нашу Революцию, когда ему был всего двадцать один год, он поставлял нам оружие, корабли, обмундирование, людей?!

— Здесь ничего такого не сказано.— Грин уставился в свои записи.

— Лафайет был воспитанником Вашингтона. По приезде на родину он назвал своего первого сына Джордж Вашингтон Лафайет.

— Это они упустили,— признал Грин.

— Оглянись назад, в поколение семидесятых, они назовут кряду восемь десятков городов, в которых люди называли улицы, парки, районы его именем. Лафайет, Лафайет, Лафайет.

— Э, постой-ка! — Грин ткнул пальцем в лист.— Точно, Лафайет будет во *втором* прощальном турне.

Поезд издал кровожадный свист, колеса за-скрежетали зубами.

— До встречи в Спрингфилде.— Грин вспрыгнул на подножку последнего вагона.— В апреле.

— А кто это еще с тобой? — прокричал я.

Грин обернулся и крикнул в ответ:

— Бут. Джон Уилкс Бут*. Он читает лекции прямо из окна вон того вагона, впереди.

— Жалкий сукин сын,— пробормотал я.

Грин прочел это по моим губам и повторил:

— Жалкий сукин сын.

И поезд укатил вдаль.

* Актер, убил президента Авраама Линкольна в театре Форда в 1865 г.

СМЕРТЬ ОСТОРОЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

1946

По ночам ты спишь всего четыре часа. Ложишься в одиннадцать, встаешь в три, и все вокруг кристально-прозрачно. Так ты начинаешь день, пьешь кофе, час проводишь за чтением книги, вслушиваешься в доносящиеся издалека невнятные, нездешние голоса и звуки музыки предрассветных радиостанций, иногда ты идешь прогуляться, не забыв прихватить с собой специальное разрешение от полиции. Раньше тебя часто забирали в участок за то, что гуляешь поздно и в неурочный час, и это было ужасно неудобно, так что, в конце концов, ты испросил себе специальное разрешение. Теперь ты можешь, насвистывая, бродить где вздумается, сунув руки в карманы, неторопливо и легко пристукивая каблуками по тротуару.

И все это продолжается с тех пор, как тебе исполнилось шестнадцать. Сейчас тебе двадцать пять, но по-прежнему хватает четырех часов сна.

В твоём доме очень мало стеклянных предметов. Ты бреешься электрической бритвой, потому что безопасной иногда можно порезаться, а ты не можешь себе такого позволить.

Ты гемофилик. Если у тебя начинает течь кровь, ее не остановить. Таким же был твой отец, хотя для тебя он был всего лишь пугающим примером: однажды он порезал палец, порез был довольно глубокий, и отец умер по дороге в больницу от потери крови. В твоём роду по линии матери тоже были гемофилики, именно от них ты и получил эту болезнь.

В правом внутреннем кармане пиджака ты всегда носишь маленький пузырек с коагулянт-ом в таблетках. Если порежешься, то немедленно их глотаешь. Коагулянт разносится по твоей кровеносной системе, снабжает ее необходимым для свертывания веществом, и кровотечение останавливается.

Вот так и живешь. Тебе достаточно четырех часов сна, но при этом ты должен держаться подальше от острых предметов. Каждый день твоей жизни почти в два раза длиннее, чем у обычного человека, но вероятная продолжительность твоей жизни коротка, так что, по иронии, одно уравнивает другое.

До прихода утреннего почтальона еще уйма времени. Поэтому ты садишься за пишущую машинку и настукиваешь четыре тысячи слов. Ровно в девять, когда перед входной дверью щелкает крышка почтового ящика, ты собираешь в стопку отпечатанные листы, соединяешь их скрепкой, проверяешь копию, сделанную под копирку, и кладешь листы в папку под заголовком «РОМАН В РАБОТЕ». Потом, закулив сигарету, выходишь забрать почту.

Вынимаешь из ящика письма. Чек на триста долларов от большого журнала, два отказа из мелких издательств и маленькая картонная коробочка, перевязанная зеленой бечевкой.

Перетасовав еще раз письма, ты обращаешь внимание на коробку, развязываешь ее, открываешь крышку, запускаешь внутрь руку и достаем оттуда какой-то предмет.

— Черт!

Роняешь коробку. Живой ручеек брызжущей крови растекается по пальцам. Что-то блестящее молнией взметнулось в воздух. Металлическая пружина — понимаешь ты со стоном.

Кровь плавно и быстро вытекает из раненой руки. Несколько мгновений ты неотрывно смотришь на нее, потом на острый предмет, лежащий на полу, — маленькую изошренную штучку с бритвой, вделанной в закрученную и сжатую

под крышкой пружину; ты открыл ловушку, и она застигла тебя врасплох!

Весь дрожа, ты торопливо засовываешь руку в карман, пачкая всего себя кровью, досташешь флакон с таблетками и глотаешь несколько штук.

Затем, пока кровь не свернулась, оборачиваешь руку платком, осторожно поднимаешь с пола шутовину и кладешь ее на стол.

Минут с десять ты разглядываешь ее, потом садишься, неловким жестом закуливаешь сигарету, твои веки нервно трепещут, перед глазами то плывут, то вновь обретают форму находящиеся в комнате предметы, и наконец приходит ответ:

...Кому-то я не нравлюсь... Кому-то я очень не нравлюсь...

Звонит телефон. Ты поднимаешь трубку.

— Дуглас слушает.

— Привет, Роб. Это Джерри.

— Привет, Джерри.

— Как дела, Роб?

— Бледен и весь дрожу.

— Что такое?

— Кто-то прислал мне бритву в коробочке.

— Брось шутки.

— Я серьезно. Только тебе это вряд ли будет интересно.

— А как роман, Роб?

— Я его никогда не закончу, если мне будут присылать по почте острые предметы. Боюсь, в следующей посылке я обнаружу граненую шведскую вазу. Или ящик фокусника с огромным складным зеркалом.

— Голос у тебя какой-то странный,— говорит Джерри.

— Не мудрено. Что касается романа, Джеральд, он продвигается семимильными шагами. Я только что выдал на гора еще четыре тысячи слов. В этой сцене я описал страстную любовь Энн Дж. Энтони к мистеру Майклу М. Хорну.

— Нарываешься на неприятности, Роб.

— Минуту назад я пришел к такому же выводу.

Джерри что-то бормочет.

— Майк не сможет мне помешать, Джерри, никак,— продолжаешь ты.— И Энн тоже. В конце концов, мы с ней когда-то были помолвлены. Еще до того, как я узнал, чем они занимались. Про вечеринки, которые они устраивали, про шприцы, полные морфия, которыми они потчевали гостей.

— И все же они могут попытаться как-то помешать выходу книги.

— Ты прав. Уже попытались. Эта коробка, присланная по почте. Ну, может, это и не они сделали, а кто-то другой из тех, кого я упоминаю в романе, возможно, они что-то прознали.

— Ты в последнее время говорил с Энн? — спрашивает Джерри.

— Да, — отвечаешь ты.

— И она по-прежнему предпочитает такую жизнь?

— Чистое безумие, а не жизнь. Когда принимаешь наркотики, видишь кучу красивых картинок.

— Никогда бы про нее такого не подумал; по ней не скажешь.

— Это все твой Эдипов комплекс, Джерри. Ты не видишь в женщинах самок. Они представляются тебе чисто вымытыми и надушенными бесполоыми изваяниями из слоновой кости на пьедесталах в стиле рококо. Ты слишком обожал свою мать. К счастью, я не такой идеалист. Какое-то время Энн удавалось дурачить меня. Но однажды ночью она так разошлась, что я подумал, будто она пьяна, и вдруг чувствую: она меня целует, сует в руку маленький шприц и говорит: «Ну давай же, Роб, пожалуйста. Тебе понравится». А шприц был до отказа накачан морфием, как и сама Энн.

— Вот оно как, значит, — произносит Джерри на другом конце провода.

— Да, так-то вот, — говоришь ты. — Я звонил в полицию и в Федеральное бюро по наркотикам, но у них там какая-то неразбериха, и вообще они боятся шагу ступить. А может, их про-

сто здорово подмазывают. Я подозреваю, и то, и другое. В любой системе есть какой-нибудь затор в сливной трубе. В полиции всегда найдет-ся тип, который потихоньку берет на стороне и порочит доброе имя всего департамента. Это факт. От него никуда не денешься. Люди есть люди. Я тоже человек. И если я не могу прочистить этот затор одним способом, сделаю это другим. Для того и роман пишу, сам понимаешь.

— Смотри, как бы тебя не засосало в эту трубу, Роб. Ты что, и впрямь думаешь, твой роман пристыдит наркобюрократов и заставит их что-нибудь сделать?

— В этом-то вся идея.

— Не боишься, что на тебя подадут в суд?

— Об этом я позаботился. Я подписываю с издателями документ, освобождающий их от всякой ответственности, где говорится, что все персонажи этого романа вымышленные. Таким образом, если я солгал издателям, они за это не отвечают. Если же в суд подадут на меня, то гонорара за роман как раз хватит на защиту. Кроме того, у меня куча вещественных доказательств. И, кстати говоря, это будет отличный роман.

— А если серьезно, Роб. Это правда, что кто-то прислал тебе бритву в коробке?

— Да, и в этом для меня самая большая опасность. Весьма будоражит. В открытую они не

посмеют меня убить. Но если я умру по собственной неосторожности и по причине моего наследственного строения крови, кто сможет их обвинить? Они не станут перерезать мне глотку. Это было бы слишком очевидно. А вот бритва, или гвоздь, или лезвия перочинных ножей, вделанные в руль моей машины... все это так мелодраматично. А как продвигается твой роман, Джерри?

— Потихоньку. Может, пообедаем сегодня вместе?

— Отлично. В «Коричневом котелке»?

— Ты точно нарываешься на неприятности. Ты же прекрасно знаешь, что Энн каждый день обедает там с Майком!

— Это возбуждает у меня аппетит, старина Джеральд. До встречи.

Ты вешаешь трубку. Рука уже в полном порядке. Насвистывая, ты перевязываешь ее в ванной комнате. Затем еще раз внимательно осматриваешь штуковину с бритвой. Примитивная вещица. Шанс, что она вообще сработает, был пятьдесят на пятьдесят, не больше.

Воодушевленный утренними событиями, ты садишься за машинку, чтобы набросать еще три тысячи слов.

Ночью ручка на дверце твоей машины была обработана напильником и заточена, как бритва. Истекая кровью, ты возвращаешься в дом

за новыми бинтами. Глотаешь таблетки. Кровотечение прекращается.

Положив две новые главы книги в банковский абонентный ящик, ты едешь в «Коричневый котелок» на встречу с Джерри Уолтерсом. Он — все тот же маленький и подвижный человечек, с небритым подбородком и вылупленными за толстыми стеклами очков глазами.

— Энн уже здесь, — усмехаясь, говорит он тебе. — Майк с ней. И зачем, спрашивается, мы пришли обедать именно сюда? — Усмешка тает на его лице, он смотрит на тебя, на твою руку. — Тебе надо выпить! Идем. Вон там, за тем столиком, Энн. Кивни ей.

— Я киваю.

Ты смотришь на Энн, которая сидит за столиком в углу, в платье спортивного покроя из грубой монашеской холстины, прошитой золотой и серебряной нитью, в ацтекском ожерелье из бронзовых подвесок на загорелой шее. Волосы с тем же бронзовым отливом. Подле нее с сигарой, окутанная облаком дыма, возвышается худощавая фигура Майкла Хорна, его вид полностью соответствует его натуре: завязитого игрока, профессионального наркомана, типичного сластолюбца, любовника женщин, предводителя мужчин, любителя бриллиантовых украшений и шелковых трусов. Вряд ли у тебя возникнет желание пожать ему руку. Эти ухоженные ноготки, похоже, хорошо заточены.

Ты садишься и принимаешься за салат. Пока ты расправляешься с салатом, Энн и Майк, уже покончившие со своими закусками, подходят к твоему столику.

— Привет, остряк, — обращаешься ты к Майклу Хорну, слегка упирая на последнее слово.

За спиной Хорна стоит его телохранитель, молодой двадцатидвухлетний детина из Чикаго по фамилии Бернц, с красной гвоздикой в петличке черного пиджака, с напыженными черными волосами и приспущенными от напыла мышц уголками глаз, что придает ему грустный вид.

— Привет, Роб, дорогуша, — говорит Энн. — Как твоя книга?

— Отлично, отлично. Я только что написал про тебя изумительную главку, Энн.

— Спасибо, дорогой.

— Ну, и когда же ты собираешься бросить этого долговязого, тупорылого лепрекона? — спрашиваешь ты ее, не глядя на Майка.

— Не раньше, чем убью его, — отвечает Энн. Майк хохочет:

— Сто очков. А теперь пойдем, детка. Я устал от этого ничтожного сопляка.

Ты вскакиваешь, роняя ножи и вилки. Падают и разбиваются тарелки. Ты едва не врезал Майку. Но Бернц, Анна и Джерри наваливаются на тебя все разом: ты садишься на место, кровь

стучит у тебя в ушах, кто-то поднимает столовые приборы и возвращает тебе.

— Прощай,— говорит Майкл.

Энн, как маятник, раскачивая бедрами, направляется к выходу, ты смотришь на часы. Майк и Бернц идут вслед за ней.

Ты бросаешь взгляд на свой салат. Достоешь вилку. Поддеваешь еду.

И отправляешь полную вилку в рот.

Джерри с изумлением смотрит на тебя.

— Господи, Роб, в чем дело?

Ты не можешь говорить. Лишь вынимаешь вилку изо рта.

— В чем дело, Роб? Выплюнь это!

Ты сплевываешь.

Джерри тихо выругивается.

Кровь.

Вы с Джерри выходите из Тафт-билдинг, но теперь ты разговариваешь только жестами. Твой рот набит пропитанной лекарством ватой. От тебя несет антисептиком.

— Но я не понимаю, как,— говорит Джерри. Ты жестикулируешь.

— Да, я понял, драка в «Котелке». Вилка падает на пол.

Ты снова жестикулируешь. Джерри сопровождает твою пантомиму пояснениями:

— Майк, или Бернц, поднимает ее, отдает тебе, но вместо твоей вилки подсовывает другую, заточенную, острую.

Ты радостно, с жаром киваешь головой.

— А может быть, это сделала Энн? — высказывает предположение Джерри.

Нет! Ты отрицательно трясешь головой. И жестами пытаешься объяснить, что если бы Энн об этом узнала, она бы немедленно дала Майку отставку. Но Джерри не понимает твоей пантомимы и таращится на тебя сквозь толстые окуляры очков. У тебя даже пот выступил.

Язык не самое удачное место для пореза. Ты знал одного парня, который однажды порезал себе язык, и рана так никогда и не зажила, хотя и перестала кровоточить. А представьте, что будет с гемофиликом!

Садясь в машину, ты с вымученной улыбкой что-то объясняешь жестами. Джерри прищуривается, напрягает мозги и наконец до него доходит.

— А, — смеется он. — Ты хочешь сказать, что теперь осталось только нож всадить тебе в спину?

Ты киваешь, пожимаешь ему на прощание руку и отъезжаешь.

Внезапно жизнь перестала казаться забавной. Она реальна. Жизнь — это такая штука, которая готова вытечь из твоих жил при малейшем предлоге. Рука бессознательно то и дело ощупывает карман пиджака, где спрятаны таблетки. Дорогие мои таблеточки.

В этот момент замечаешь, что за тобой следят.

На следующем перекрестке сворачиваешь налево, мысли лихорадочно проносятся в твоей голове. Авария. Один удар, и ты истечешь кровью. Лежа без сознания, ты не сможешь принять дозу этих драгоценных таблеточек, которые носишь в кармане.

Выжимаешь педаль газа. Машина с ревом мчится вперед, ты оглядываешься: другая машина по-прежнему едет сзади и догоняет. Удар головой или еще одна, последняя, рана, и с тобой покончено.

Сворачиваешь направо, на Уилкоккс, потом снова налево, на Мелроуз: они все еще у тебя на хвосте. Остается только одно.

Ты останавливаешь машину у тротуара, забираешь ключи, спокойно выходишь, идешь и садишься на лужайку перед чьим-то домом.

Когда мимо проезжает машина преследователей, ты с улыбкой машешь им рукой.

Тебе даже кажется, что из удаляющейся машины слышны проклятия.

Остальную часть пути до дома ты идешь пешком. По пути звонишь в гараж и просишь забрать твою машину.

Никогда раньше ты не чувствовал себя таким живым, как сейчас, — ты будешь жить вечно. Ты умнее их всех, вместе взятых. Ты настороже.

Вряд ли им удастся сделать что-либо незаметно для тебя, чтобы ты не мог обвести их вокруг пальца. Ты чувствуешь огромную веру в себя. Ты бессмертен. Умирают другие, только не ты. Ты безгранично веришь в свой жизненный потенциал. Нет на земле того, кто мог бы перехитрить тебя и убить.

Ты можешь глотать огонь, ловить руками пушечные ядра, целовать женщин с горящими факелами вместо губ, раскидывать гангстеров ударами в челюсть. Твоя особенность, необычная кровь, текущая в твоих жилах, сделала тебя... игроком? Авантюристом? Должно же быть какое-то объяснение твоей нездоровой тяге к опасности и риску. Что ж, объясним это так: каждый раз, когда тебе удастся невредимым выйти из непростой ситуации, твое «я» получает мощный заряд. Признайся, ты — самодовольный, самоуверенный тип, одержимый патологической идеей саморазрушения. Разумеется, она владеет тобой подспудно. Никто открыто не признается в том, что хочет умереть, но это желание сидит где-то внутри. Самосохранение и стремление к смерти разрывают тебя на части. Желание смерти толкает тебя в пучину невзгод, инстинкт самосохранения вытаскивает назад. Ты ненавидишь этих людишек и хохочешь, глядя, как они морщатся и корчатся от злости, когда ты выходишь сухим из воды. Ты смотришь на них свы-

сока, ты чувствуешь, что подобен Богу, ты бес-
смертен. А они — внизу, трусливые, заурядные.
И тебя несколько задевает, если не сказать боль-
ше, мысль о том, что Энн предпочла тебе свои
наркотики. Игла возбуждает ее больше. Ну ее к
черту, эту Энн! И все же... она ведь тебя тоже
возбуждает... и пугает. Но ты готов с ней рис-
кнуть в любое время, да, как в старые добрые
времена...

Снова четыре утра. Пишущая машинка по-
стукивает под твоими пальцами, и тут раздает-
ся звонок в дверь. Ты поднимаешься и в полной
тишине предрассветного часа идешь открывать.

Издалека, на другом конце Вселенной раз-
дается ее голос:

— Привет, Роб. Энн. Только что встал?

— Да. За последние несколько дней ты пер-
вый раз пришла ко мне, Энн.

Ты открываешь дверь, и Энн, благоухая, про-
ходит вслед за тобой.

— Я устала от Майка. Он мне надоел. Мне
нужна хорошая доза Роберта Дугласа. Я в самом
деле устала, Роб.

— Похоже на то. Сочувствую.

— Роб...

Пауза.

— Что?

Пауза.

— Роб... может, уедем с тобой завтра? То есть... сегодня... сегодня после полудня. Куда-нибудь к морю, будем лежать на солнце и просто загорать. Мне это необходимо, Роб, крайне необходимо.

— Что ж, понимаю. Конечно. Да. Да, черт возьми!

— Роб, я люблю тебя. Мне бы только не хотелось, чтобы ты писал этот проклятый роман.

— Если б ты рассталась с этой бандой, я бы бросил роман,— говоришь ты.— Но мне не нравится, что они с тобой сделали. Майк рассказывал тебе, что он со мной вытворяет?

— А что он с тобой вытворяет, дорогой?

— Он пытается пустить мне кровь. Я имею в виду *буквально*. Ты же знаешь, что такое Майк, Энн. Малодушный и трусливый тип. Бернц тоже, коли на то пошло. Я таких навидался: грубость у них прикрывает трусливые потроха. Майк не хочет меня убивать. Он боится убивать. Он думает, что сможет меня запугать. Но я иду напролом, потому что считаю: у него кишка тонка, чтобы довести дело до конца. Он скорее согласится, чтобы его обвинили за наркотики, чем отважится на убийство. Я знаю Майка.

— А меня ты знаешь, дорогой?

— Думаю, да.

— Хорошо меня знаешь?

— Неплохо.

— Я могла бы убить тебя?
— Не посмеешь. Ты любишь меня.
— Себя я тоже люблю,— промурлыкала она.
— Ты всегда была странной. Никогда не понимал, да и сейчас не могу понять, что тобой движет.

— Инстинкт самосохранения.
Ты предлагаешь ей сигарету. Энн так близко от тебя. Ты с удивлением качаешь головой:

— Однажды я видел, как ты отрываешь мухе крылышки.

— Это было интересно.

— А ты в школе не препарировала котят в бутылке?

— С большим удовольствием.

— А ты знаешь, что с тобой делают наркотики?

— Они доставляют мне огромное удовольствие.

— А как насчет этого?

Вы так близко друг к другу, что стоит тебе сделать одно лишь движение — и ваши лица встретятся. Ее губы все так же хороши. Теплые, подвижные и мягкие.

Энн слегка отстраняется от тебя.

— Это тоже доставляет мне удовольствие,— говорит она.

Ты прижимаешься к ней, ее губы вновь прилипают к тебе, и ты закрываешь глаза...

— Черт! — вскрикиваешь ты, отпрянув.

Ее ноготь впился тебе в шею.

— Прости, дорогой. Я сделала тебе больно? — спрашивает она.

— Всем хочется поучаствовать в этом спектакле, — говоришь ты. Достоешь свой любимый флакончик и встряхиваешь пару пилюль. — Боже мой, леди, какая хватка. Будьте со мной поласковей. Я хрупок.

— Прости, я забылась, — говорит она.

— Я польщен. Но если такое происходит от одного поцелуя, ты превратишь меня в кровавое месиво, если я пойду дальше. Подожди.

Еще пластырь на затылок. И снова целоваться.

— Тише едешь, дальше будешь, детка. Мы поедем на пляж, и я прочту тебе лекцию о вреде общения с Майклом Хорном.

— Что бы я ни говорила, ты все равно продолжишь писать свой роман, Роб?

— Все уже решено. Так на чем мы остановились? Ах да.

Снова губы.

Чуть за полдень ты останавливаешь машину на вершине залитого солнцем обрыва. Энн бежит впереди, спускаясь по дощатой лестнице: двести ступенек вниз, под обрыв. Ветер развеивает ее отливающие бронзой волосы, она такая хорошенькая в этом голубом купальнике. Ты задумчиво спускаешься вслед за ней. Вы остались

одни, вдали от всего. Города исчезли из вида, на шоссе ни души. пляж внизу в складках набегавшего на него волнами моря широк и пустынен, прибой накатывает и омывает огромные гранитные плиты. Слышатся крики морских птиц. Ты смотришь на Энн, идущую впереди. «Маленькая глупая девочка», — думаешь ты о ней.

Вы медленно прогуливаетесь, взявшись за руки, пропитываясь солнцем. Тебе кажется, что на какое-то время все стало чистым и добрым. Вся жизнь обрела чистоту и свежесть, даже жизнь Энн. Тебе хочется говорить, но твой голос звучит странно в этой соленой тишине, да и язык все еще побаливает после укола острой вилки.

Вы подходите к кромке воды, и Энн что-то поднимает с земли.

— Ракушка, — говорит она. — Помнишь, как в старые добрые времена ты нырял в резиновой маске и с трезубцем?

— Старые добрые времена.

Ты вспоминаешь ушедшие времена, Энн, себя и как у вас все хорошо получалось вместе. Как вы ездили на море. Ловили рыбу. Ныряли. Но даже тогда она была странным созданием. Ей совсем не жаль было убивать лобстеров. Она с удовольствием их потрошила.

— Ты всегда был таким безрассудным, Роб. По правде, ты и сейчас такой. Нырял за морски-

ми ушками, хотя эти раковины могли поранить тебя — и серьезно. Они же острые, как бритвы.

— Знаю,— отвечаешь ты.

Энн отшвыривает ногой ракушку. Та шлепается возле сброшенных тобой ботинок. Возвращаясь, ты обходишь ее, чтобы не наступить.

— Мы могли бы быть счастливы,— говорит она.

— Приятно думать, что это так, да?

— Мне бы хотелось, чтобы ты поменял свое решение,— продолжает она.

— Слишком поздно,— отвечаешь ты.

Она вздыхает.

На берег накатывает волна.

Тебе не страшно находиться здесь с Энн. Она ничего не может тебе сделать. Уж с ней-то ты справишься. В этом ты уверен. Нет, это будет приятный, ленивый денек, без приключений. Ведь ты начеку, готов к непредвиденному.

Лежишь на солнышке, оно прогревает тебя до самых костей, и ты расслабляешься, таешь, принимая форму углубления в песке. Энн лежит рядом, и солнце золотит ее вздернутый носик и сверкает в выступивших на мгновение каплях пота на лбу. Она весело и непринужденно о чем-то щебечет, и ты очарован ею; как она, такая красивая, может быть такой подкольной гадюкой, лежащей на твоём пути, и в то же время

такой смущенной и слабой в глубине души, там, куда тебе и не докопаться?

Ты лежишь на животе. Теплый песок. Теплое солнце.

— Ты же обгоришь,— наконец, со смехом говорит она.

— Не исключено,— соглашаешься ты. Ты чувствуешь себя таким остроумным, таким бес-
смертным.

— Погоди, дай помажу тебе спину,— говорит Энн, открывая оригинальную кожаную дамскую сумочку, похожую на китайскую головоломку. Она показывает тебе бутылочку чистого желтого масла.— Это защитит тебя от солнца,— говорит она.— Идет?

— Идет,— соглашаешься ты. Ты чувствуешь себя так хорошо, даже превосходно.

Энн поливает тебя маслом, как окорок на вертеле. Держа бутылочку на весу, она льет, и желтая, сверкающая, прохладная жидкость тонкой струйкой заполняет мельчайшие впадинки твоей спины. Рука Энн размазывает масло и, массируя, втирает в спину. Ты лежишь с закрытыми глазами, что-то мурлыча себе под нос, наблюдая, как под зажмуренными веками пляшут голубые и желтые пузырьки, а она все льет и льет масло и смеется, массируя твою спину.

— Мне уже прохладнее,— говоришь ты.

Еще минуточку-другую она продолжает массировать твою спину, затем останавливается и молча сидит рядом. Проходит много времени, а ты все лежишь, не двигаясь, поджариваясь в песчаной печи. Внезапно солнце перестало быть таким горячим.

— Ты боишься щекотки? — спрашивает Энн за твоей спиной.

— Нет, — говоришь ты, и уголки твоего рта изгибаются в улыбке.

— У тебя красивая спина, — продолжает Энн, — мне бы так хотелось ее пощекотать.

— Давай щекочи, — говоришь ты.

— Здесь щекотно? — спрашивает она.

Ты чувствуешь слабое, едва уловимое прикосновение к спине.

— Нет, — отвечаешь ты.

— А здесь? — спрашивает она.

Ты ничего не чувствуешь.

— Ты до меня даже не дотронулась, — говоришь ты.

— Я читала одну книгу, — продолжает она. — В ней говорилось, что чувствительные участки спины настолько плохо развиты, что большинство людей не могут с уверенностью сказать, дотрагиваются до них или нет.

— Глупости, — возражаешь ты. — Дотронься до меня. Давай. А я скажу.

Ты чувствуешь, как она трижды медленно проводит рукой по твоей спине.

— Ну как? — спрашивает она.

— Ты провела пальцем вниз дюймов на пять под одной лопаткой. То же под другой лопаткой. А потом вдоль хребта. Вот так.

— Молодец. Сдаюсь. Ты меня обставил. Мне нужна сигарета. Черт, все кончились. Не возражаешь, если я сбегая к машине, возьму сигареты?

— Давай я схожу, — предлагаешь ты.

— Ничего, лежи.

Она уже уходит по песчаному пляжу. В ленивой полудреме, сквозь пелену раскаленного марева ты смотришь, как она убегает. Тебе кажется немного странным, что она прихватила с собой сумку и флакон с жидкостью. Женщины. И все равно ты не можешь не отметить про себя, как она красива, когда бежит. Она поднимается по дощатым ступеням, оборачивается, машет тебе рукой и улыбается. Ты улыбаешься ей в ответ и машешь рукой в каком-то незавершенном, ленивом приветствии.

— Жарко? — кричит она.

— Вспотел насквозь, — слабо кричишь ты в ответ.

Пот заливает тело. Зной уже внутри тебя, и ты плаваешь в нем, как в ванне. Где-то вдалеке едва ощутимые струи пота стекают по твоей спи-

не, словно бегающие муравьи. «Пропотей,— думаешь ты.— Пропотей как следует». Ручейки пота стекают по ребрам, щекочат живот. Ты смеешься. Надо же так потеть. В жизни никогда так не потел. В теплом воздухе стоит сладкий запах масла, которым тебя смазывала Энн. И усыпляет, усыпляет.

Ты вздрагиваешь. Резко вскидываешь голову.

На вершине обрыва заурчал мотор, машина завелась, и ты видишь, как Энн, махнув тебе рукой, разворачивает сверкающий на солнце автомобиль и уносится в сторону шоссе.

Вот так-то.

— Ах ты ведьма! — в гневе кричишь ты. Хочешь подняться.

И не можешь. Совсем ослабел от солнца. Голова кружится. Черт. Ты потел.

Потел.

В раскаленном воздухе появился новый запах. Такой же знакомый и вечный, как соленый запах моря. Теплый, сладковатый, тошнотворный душок. Самый ужасный на свете запах для тебя и тебе подобных. Крик вырывается из твоей груди, и ты встаешь, шатаясь.

Ты словно завернут в пурпурный плащ. Он льнет к твоим бедрам, ты смотришь, как он обволакивает поясницу, стекая и струясь по ногам и лодыжкам. Красный. Самый красный цвет из всей цветовой палитры. Чистейший, прекрас-

нейший и ужаснейший цвет, который тебе когда-либо доводилось видеть, разливается, растекается и покрывает все тело.

Ты хватаешься за спину. Бормочешь бессмысленные слова. Руки нащупывают три длинные открытые раны, взрезающие плоть пониже лопаток!

Пот! Ты думал, что потеешь. А это была кровь! Ты лежал, думая, что это пот выходит из тебя, посмеивался, наслаждался!

Ты ничего не чувствуешь. Негнущимися, слабыми пальцами скребешь по спине. Спина ничего не чувствует. Никаких ощущений.

«Погоди, дай помажу тебе спину,— раздается голос Энн откуда-то из кошмарной пелены твоей памяти.— Ты же обгоришь».

Волна разбивается о берег. В памяти всплывает длинная струйка желтой жидкости, льющаяся на твою спину из флакона, который Энн держит своими красивыми пальчиками. Ты чувствуешь, как она втирает ее тебе в спину.

Наркотический раствор. Желтый раствор новокаина, кокаина или чего-то еще впитался в твою спину и сделал нечувствительным каждый нерв. Ведь Энн знает все о наркотиках.

Милая, милая, прекрасная Энн.

«Ты боишься щекотки?» — снова звучит у тебя в голове ее вопрос.

Тебя рвет. В окровавленном мозгу эхом раздается твой ответ: *«Нет. Давай щекочи. Давай щекочи. Давай щекочи... Давай щекочи, красотка Энн Дж. Энтони. Давай щекочи».*

Прекрасной, острой ракушкой.

Нырял вдали от берега за морскими ушками и поцарапал спину о скалы: острые, как бритва, края ракушек оставили на ней неровные полосы. Да, точно. Нырял. Несчастный случай. Неплохо придумано.

Милая, прекрасная Энн.

«Или ты наточила ногти о точильный камень, дорогая?»

Солнце стучит в твоем мозгу. Песок начинает плавиться под ногами. Ты пытаешься отыскать пуговицы, чтобы расстегнуть, сорвать с себя этот красный покров. Ничего не чувствуя, вслепую, на ощупь ты ищешь застёжку. Ее нет. Ты по-прежнему укутан в красный плащ. Как глупо, думаешь ты, как глупо. «Как глупо, что тебя найдут в этих длинных красных шерстяных кальсонах. Как глупо».

Где-то должна быть молния. Три длинных разреза, их можно крепко застегнуть на молнию, и тогда эта скользкая красная жидкость перестанет вытекать из тебя. Ты ведь бессмертен.

Раны не глубоки. Надо только добраться до доктора. Надо только принять таблетки.

Таблетки!

Ты бросаешься к пиджаку, шарь в одном кармане, в другом, в третьем, выворачиваешь его наизнанку, разрываешь подкладку, кричишь и плачешь, и четыре волны с грохотом разбиваются о берег за твоей спиной, ревя, как проносщиеся мимо поезда. И ты снова проверяешь каждый карман в надежде, что какой-то из них был пропущен. Но там лишь кусочек ваты, коробок спичек и два корешка театральных билетов. Ты бросаешь пиджак.

— Энн, вернись! — кричишь ты. — Вернись! Отсюда до города, до ближайшего доктора тридцать миль. Я не смогу пройти их пешком. У меня нет времени.

Добравшись до подножия обрыва, ты поднимаешь глаза. Сто четырнадцать ступеней. Отвесный склон, кажется, пылает на солнце.

Ничего не остается, как только карабкаться по ступеням.

«Тридцать миль до города, — думаешь ты. — Экая мелочь, тридцать миль».

Чудесный денек для прогулки!

КОШКИНА ПИЖАМА

2003

Не каждую ночь, когда едешь вдоль Миллпасс по Девятому шоссе в Калифорнии, ожидаешь заметить посреди дороги кота.

Коли на то пошло, не каждый вечер такой кот вообще выходит на пустынное шоссе, тем более если этот кот, по всей вероятности, брошенный котенок.

Тем не менее это маленькое существо сидело на дороге, деловито умываясь, в тот момент, когда случилось два события.

Машина, на большой скорости ехавшая на восток, внезапно затормозила и остановилась.

Одновременно у кабриолета, мчавшегося с еще большей скоростью на запад, чуть не лопнули шины, когда он затормозил и встал как вкопанный.

Дверцы обеих машин одновременно шумно распахнулись.

Котенок сидел, не обращая никакого внимания на то, что с одной стороны застучали высокие каблочки, а с другой — грубые ботинки для гольфа.

Чуть не столкнувшись над умывающимся котенком, одновременно наклонились и протянули к нему руки красивый молодой человек и более чем привлекательная молодая женщина.

Обе руки одновременно прикоснулись к котенку.

Это был теплый, круглый, черный как ночь усатый комочек, из которого смотрели два огромных желтых глаза и высовывался розовый язычок.

Котенок изобразил на мордочке запоздалое удивление, когда оба путешественника с изумлением посмотрели на то место на теле котенка, которого коснулись их руки.

— О, как вы смеее! — вскричала молодая женщина.

— Смею что? — вскричал молодой мужчина.

— Отпустите моего котенка!

— С каких это пор он ваш?

— Я первая к нему подошла.

— Мы подошли одновременно, ничья.

— А вот и нет.

— А вот и да.

Он потянул котенка за заднюю часть, она за переднюю, и вдруг котенок *мякнул*.

Оба выпустили его из рук.

В тот же миг они снова схватили прелестное существо, на сей раз женщина взялась за заднюю часть, а молодой человек за переднюю.

Довольно долго они мерили друг друга взглядом, пытаясь решить, что сказать.

— Я люблю кошек, — наконец заявила она, не выдержав его упорного взгляда.

— Я тоже! — вскричал он.

— Не кричите.

— Никто же не слышит.

Они поглядели в одну сторону дороги, потом в другую. Ни одной машины.

Женщина с удивлением перевела взгляд на котенка, как будто ища в нем какого-то откровения.

— Мой кот умер.

— Мой тоже, — парировал он.

Это несколько ослабило их хватку на теле котенка.

— Когда? — спросила она.

— В понедельник, — ответил он.

— Мой — в прошлую среду, — сказала она.

Они поменяли положение рук на спине крохотного комочка и уже скорее не держали его, а лишь касались.

Повисла неловкая пауза.

— Что поделаешь, — наконец произнес он.

— Да, что поделаешь,— сказала она.

— Простите,— неловко извинился он.

— И вы тоже,— сказала она.

— Так что будем делать? Не можем же мы вечно здесь торчать.

— Похоже,— заметила она,— он обоим нам нужен.

Непонятно к чему, он вдруг сказал:

— Я как-то написал статью для журнала «Кэт Фэнси».

Она посмотрела на него более пристально.

— А я вела кошачье шоу в Кеноше,— сообщила она.

Они снова застыли в мучительном молчании.

Мимо с ревом пронесся автомобиль. Оба отскочили, а когда машина проехала, увидели, что по-прежнему держат в руках прекрасное существо, которое они уберегли от опасности.

Молодой человек посмотрел вдаль на дорогу.

— Там есть закусочная, я вижу огни. Может, выпьем по чашке кофе и обсудим наше будущее?

— Для меня нет будущего без моего котенка,— сказала она.

— Для меня тоже. Давайте. Поезжайте за мной.

Он взял котенка у нее из рук.

Она закричала и потянулась за ним.

— Все в порядке,— сказал он.— Поезжайте за мной.

Она вернулась, села в свою машину и поехала по дороге вслед за ним.

Они зашли в пустой кафетерий, сели в кабинку и посадили котенка между собой на стол.

Официантка бросила на них и котенка беглый взгляд, куда-то отошла, а затем вернулась с полным блюдом сливок и, широко улыбаясь, поставила на стол. Они сразу поняли, что имеют дело еще с одной любительницей кошек.

Котенок принялся лакать сливки, а тем временем официантка принесла кофе.

— Ну вот,— произнес молодой человек.— Как думаете, это надолго? Разговор на всю ночь?

Официантка все еще стояла рядом с ними.

— Боюсь, мы скоро закрываемся,— сказала она.

Неожиданно молодой человек предложил:

— Взгляните на нас.

Официантка посмотрела.

— Если бы вы хотели отдать этого котенка одному из нас,— продолжал он,— кому бы вы отдали?

Официантка испытующе оглядела молодых людей и сказала:

— Слава Господу, я не царь Соломон.

Она выписала счет и положила на стол.

— Знаете, есть еще люди, которые читают Библию.

— Здесь есть другое место, куда мы могли бы пойти поговорить? — спросил молодой человек.

Официантка кивнула в сторону окна.

— Дальше по дороге есть гостиница. Можно с животными.

При этих словах молодые люди так и подпрыгнули на месте.

Через десять минут они входили в гостиницу.

Оглядевшись, они увидели, что в баре уже темно.

— Глупо, — сказала она, — что я согласилась прийти сюда ради того, чтобы доказать право на моего же котенка.

— Он еще не твой, — заметил он.

— Но скоро будет, — ответила она и бросила взгляд в сторону конторки портье.

— Не волнуйся, — он показал ей котенка. — Этот котенок будет тебя защищать. Он будет находиться между мной и тобой.

Он отнес котенка к гостиничной конторке, человек за стойкой бросил на них один-единственный взгляд, выложил на журнал постояльцев ключ и протянул авторучку.

Через пять минут они уже наблюдали, как котенок весело носится по ванной в их номере.

— Ты когда-нибудь в лифте, вместо того чтобы говорить о погоде, пробовала рассказать о своем любимом коте? — задумчиво спросил он. — К верхнему этажу попутчики галдят, как безумные.

В этот момент котенок прибежал обратно в комнату.

Он вскочил на кровать и устроился в самой середине подушки. Увидев это, молодой человек заметил:

— Именно это я и хотел предложить. Если во время разговора нам понадобится отдохнуть, пусть котенок лежит посередине, а мы будем лежать в одежде по обе стороны от него и обсуждать наши проблемы. К кому первому котенок придвинется, выбрав тем самым своего хозяина, тот его и получит. Договорились?

— Ты заготовил какой-то трюк? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — К кому котенок пойдет, тот и станет хозяином.

Котенок на подушке почти уснул.

Молодой человек придумывал, что бы еще сказать, потому что огромная кровать так и стояла незанятая, если не считать задремавшего на ней зверька. Внезапно его осенило, и он задал вопрос молодой женщине по ту сторону кровати:

— Как тебя зовут?

— Что?

— Ну, если мы собираемся до утра спорить о моем котенке...

— До утра — чушь! До полуночи, может быть. Ты имел в виду, о моем котенке. Кэтрин.

— Что-что?

— Глупо, но меня зовут Кэтрин.

— Уменьшительное можешь не говорить, — чуть не смеясь, сказал он.

— Не стану. А тебя?

— Ты не поверишь. Том. — Он встряхнул головой.

— Я знала дюжину котов с таким именем.

— Я на этом не зарабатываю.

Он попробовал кровать, словно это была горячая ванна, выжидая.

— Можешь стоять, если хочешь, а я, пожалуй...

Он улегся на кровать.

Котенок по-прежнему дремал.

Прикрыв глаза, молодой человек продолжал:

— Ну?

Она сперва села, а затем прилегла на самый краешек, рискуя свалиться.

— Так-то лучше. Ну, на чем мы остановились?

— Мы спорили, кто из нас заслуживает увезти домой Электру.

— Ты уже дала котенку имя?

— Имя неопределенное, основанное на личных качествах, а не на принадлежности к полу.

— Так ты даже не посмотрела?

— И не стану. Электра. Продолжай.

— Что я могу сказать в свою пользу? Ну что ж...

Его глаза из-под прикрытых век внимательно осматривали комнату.

С минуту он задумчиво глядел в потолок, а затем сказал:

— Знаешь, с котами все так странно получается. Когда я был маленьким, бабушка с дедушкой велили мне и моим братьям утопить приплод котят. Мы все пошли, и братья сделали это, а я не выдержал и убежал.

Воцарилось долгое молчание.

Она посмотрела на потолок и сказала:

— Ну слава богу.

Снова повисла пауза, потом он сказал:

— А несколько лет назад произошло нечто еще более примечательное и не такое печальное. В Санта-Монике я зашел в зоомагазин в поисках котенка. Там было, наверное, штук двадцать или тридцать котят всех мастей. У меня глаза разбежались, а продавщица указала на одного из них и сказала: «А вот этому действительно нужна помощь».

Я посмотрел на кота: он выглядел так, будто его постирали в стиральной машине и отжали

в центрифуге. Я спросил: «Что с ним случилось?» А она сказала: «Этот котенок принадлежал человеку, который его бил, поэтому он всех боится».

Я заглянул котенку в глаза и сказал: «Его-то я и возьму».

Я поднял кота — он страшно испугался — и отнес его к себе домой, дома выпустил, и он сразу бросился вниз по лестнице, спрятался в подвал и ни за что не хотел выходить.

Больше месяца я носил в подвал еду и молоко, пока наконец постепенно не выманил его оттуда. После этого мы стали друзья не разлей вода.

Совсем разные истории, правда?

— Да уж,— сказала она.

В комнате уже было совсем темно и очень тихо. Маленький котенок лежал между ними на подушке, и оба приподнялись, чтобы взглянуть, как он там.

Он спал глубоким сном.

Они лежали, глядя в потолок.

— Мне надо рассказать тебе кое-что,— помолчав, сказала она,— о чем я все не решалась сказать, потому что это звучит как особое обстоятельство в мою пользу.

— Особое обстоятельство? — переспросил он.

— Так вот,— продолжала она,— сейчас у меня дома лежит вещь, которую я скроила и сши-

ла специально для моего котеночка, который умер неделю назад.

— И что это за вещь? — поинтересовался он.

— Это... — сказала она, — пижама для кошки.

— О боже! — воскликнул он. — Ты победила. Этот зверек твой.

— Нет, что ты! — закричала она. — Это нечестно.

— Человек, который сшил пижаму для кота, достоин победы в этом состязании, — заявил он. — Этот человек — ты.

— Я не могу так поступить, — возразила она.

— Я настаиваю, — ответил он.

Долгое время они лежали молча. Наконец она произнесла:

— Знаешь, а ты не такой плохой.

— Не такой плохой, как что?

— Как я подумала про тебя вначале.

— Что такое я слышу? — спросил он.

— Наверное, я плачу, — ответила она.

— Давай-ка поспим немного, — предложил он наконец.

Луна осветила потолок.

Взошло солнце.

Он лежал на своей стороне кровати и улыбался.

Она лежала на своей стороне кровати и улыбалась.

Маленький котенок лежал на подушке между ними.

Наконец, глядя на залитое солнцем окно, она спросила:

— За ночь котенок придвинулся к тебе или ко мне, он указал, кому хочет принадлежать?

— Нет,— ответил с улыбкой Том.— Котенок не придвинулся. А ты — *ga!*

ТРЕУГОЛЬНИК

1951

Она перемерила три платья, и ни одно не было ей впору. Сейчас они словно принадлежали кому-то другому. От волнения она так покраснела, что к ней не шла никакая одежда. От жара ее стройное тело расплнело, так что все платья, казалось, стягивали его корсетами. А тут еще пудра рассыпалась по полу, как снег, а губы неровно покрасились, и она взглянула на себя в зеркало с изумлением, будто увидела там привидение.

— Бог мой, Лидия! — показалась в дверях Хелен. — Он всего лишь мужчина.

— Он Джон Ларсен, — возразила Лидия.

— Это еще хуже. Волосы дыбом, руки ниже колен, тонкогубый, глазки бегают, и вот он здесь — здрасьте пожалста!

Лидия расплакалась. Она сидела и смотрела в зеркало на свои слезы.

— Прости,— сказала Хелен.— Но он такой дурак.

— Хелен!

— Ты моя родная сестренка, вот и все.

— А для меня он бог.

— Не надо больше плакать. Раз он для тебя бог, пусть будет бог. Теперь, когда наши родители померли, я тебе как мать, я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. У меня было достаточно мужчин, чтобы сказать: они все придурки и лгуны, все до единого. Цирк уехал, а эти остались: макаки, клоуны и свистуны.

Лидия пребывала словно во сне.

— Для меня он добрый, красивый, порядочный. На улице с нами раскланивается. Он ведь никогда не был у нас в доме, а? Ни разу слова плохого не сказал. И тут вдруг сегодня звонит мне по телефону и говорит, что хотел бы заскочить на часок со мной повидаться. Я весь день плакала, так счастлива была. Я же годами не решалась ему позвонить. Я видела его перед табачным магазином «Юнайтед сигар» с тех самых пор, когда мне минуло шестнадцать, это было двадцать лет назад, и мне всегда хотелось остановиться и сказать ему: «Я люблю тебя, Джон, увези меня отсюда, будь моим». Но всегда проходила мимо. И, знаешь, иногда в последние годы, когда мы с тобой проходили мимо, мне казалось, в его глазах было что-то такое, будто он

тоже меня узнал. Но он всегда только улыбался и небрежно приподнимал шляпу.

— Таким штукам мужчины набираются друг от друга. С фасада просто дворец, а посмотришь с тыла — нужник нужником. Так что подправь макияж и надень к своему красному румянцу что-нибудь зеленое.

— Я не хотела плакать так, чтобы лицо раскраснелось.— Она посмотрела на расплывшиеся губы на скомканном платке.— Хелен, Хелен, и с тобой было то же самое десять лет назад, когда ты любила Джейми Джозефса?

— Каждое утро мои простыни были горячие, хоть водой заливай.

— О Хелен!

— Но потом я узнала, что он играл со мной в наперстки, знаешь, как в цирке. Он потребовал, чтобы я все поставила на кон. Я была молода. И послушалась. Я была уверена, что если и растрачусь вся в пух и прах, то в нужный час буду знать, где его найти. Но час настал, я подняла один из трех наперстков, а Джейми и след простыл. Покатил со своим цирковым номером: по улице, по улице, а потом из города по «железке» — только его и видели. Интересно мне знать, хоть *одной* из женщин удалось найти Джейми?

— Ох, не надо так, пусть сегодня у нас будет счастливый день!

— Будь счастлива тем, что ты счастлива. А я буду счастлива тем, что я цинична, и посмотрим, кто из нас в конце концов будет счастливее.

Лидия нарисовала себе новые губы и растянула их в улыбке.

Стоял теплый сентябрьский вечер, и первые дымки костров поднимались среди кленов вокруг старого, дряхлеющего дома. Лидия, словно привидение, ходила по темной, как пещера, гостиной; все огни были потушены, кроме ее пылающего розового румянца, так что она издалека заметила его движущуюся, как в мелодраме, фигуру еще прежде, чем он повернул к дому и решительно зашагал по дорожке, шурша опавшей листвой. Она слышала, как он на ходу насвистывает какую-то осеннюю мелодию. Она наспех стала придумывать, что говорить, но слова приходили на ум и на язык в виде скомканного, бессвязного набора букв, в котором тонул и кружился ее разум. Она снова расплакалась, и напыщенные слова смылись и растворились в потоке этих слез, а руки и ноги едва не потеряли навек все заученное изящество движений. Она прервала этот процесс, хорошенько шлепнув себя по щеке. Вот он уже поднимается по ступеням безмолвного дома, вот он звонит в серебряный колокольчик, снимает соломенную шляпу, которую он надел слегка не по сезону,

трижды прокашливается, словно посетитель, старающийся привлечь внимание нерадивого служащего. Он что-то бормотал про себя, как будто в панике повторяя роль.

— Добрый вечер!

Джон Ларсен отпрянул от двери, словно ему выстрелили прямо в лицо из пистолета. Пораженная звуком собственного голоса, внезапно вырвавшегося из ее груди, Лидия лишь стояла, покачиваясь, в дверях, пока наконец лицо пришедшего с улицы мужчины не обрело прежнюю улыбку, которая вновь оказалась кстати. Затем, сама не зная как, Лидия открыла дверь и вышла на веранду.

— Какой замечательный вечер,— сказала она.— Давайте сядем здесь, на качелях.

— Отлично,— произнес Джон Ларсен, когда они уселись в затканной виноградом тени укромных садовых качелей, скрытых от посторонних глаз.

Он помог ей сесть, поддерживая за локоть, и место, которого он коснулся, загорелось огнем и заняло, словно ожог, след от которого останется на всю жизнь. Голова ее закружилась, она села на скамью, и все вокруг закачалось вверх-вниз; она подумала, что ей дурно, но потом поняла, что это качели раскачивают ее вверх-вниз, а рядом все так же молча сидит мужчина, который неловко вертит в руках свою шляпу, прищу-

рившись, разглядывает ярлычок с обозначением размера, марки производителя и цены. В его руках эта шляпа выглядела словно плетеная мебель. Он то и дело запускал в нее руку, будто ища там слова, чтобы завязать разговор, затем смущенно вскидывался, словно собираясь подняться и удрать из гостей. Должно быть, он потерял все слова где-то между верандой и дорожкой, ведущей к дому.

Лидия была сама не своя, ее лицо пылало, как факел, кожа горела, обожженная приливом крови, кости ныли от жара, и тут она почувствовала, как ее распухшие губы произнесли:

— Приятно видеть вас, мистер Ларсен.

— О, зовите меня Джон,— ответил он и качнул скамейку, оттолкнувшись ботинками, которые теперь почему-то ужасно скрипели на разные голоса при каждом движении.

— Мы очень надеялись, что однажды вы к нам заглянете,— сказала Лидия и тут же поняла, что сболтнула лишнее.

— Правда, это правда? — Он повернулся к ней и смотрел на Лидию с детским восторгом, так что ее слова оказались кстати.

— Да, мы часто говорили, что хорошо бы вам заглянуть к нам.

— Я так рад,— сказал он, сидя на краешке качелей.— Знаете, я пришел сегодня поговорить об одном очень важном деле.

— Я понимаю.

— Правда? Вы догадались?

— Думаю, да.

— Я так много лет знаю вас и вашу сестру, мимоходом обмениваясь несколькими словами,— продолжал он.— Я так много раз видел, как вы идете мимо. И у меня никогда не доставало смелости...

— Спросить разрешения зайти к нам.

— Именно так. До сегодняшнего вечера. И вот сегодня я набрался храбрости. А знаете почему? Сегодня мой тридцать четвертый день рождения. И я сказал себе: Джон Ларсен, ты стареешь. Ты слишком долго бродил по свету, слишком много скитался. Веселая жизнь для тебя закончилась. Пора осесть. А где лучше осесть, чем в твоём родном городе, Гринтауне, и в нём, конечно же, найдётся девушка, по-настоящему красивая девушка, которая, может быть, даже ни разу не взглянула на тебя...

— Ещё как взглянула...— уклончиво сказала Лидия.

Он опешил от счастья.

— Я даже мечтать не мог!

Он снова откинулся на спинку качелей, улыбаясь.

— В любом случае, сказал я себе, ты должен зайти к ней домой. Заявить о себе. Высказать

все. Но я не решался. Видите ли, бывают иногда женщины такие прекрасные и далекие, неосызаемые, такими и должны быть женщины. А я трус. Правда, правда, я трус, когда дело касается женщин. Правильных женщин. Как вы посоветуете мне поступить? Я решил сперва прийти к вам, поговорить с вами, все спланировать — а вдруг вы мне поможете.

— Сперва? — переспросила Лидия. — Помочь вам? Спланировать.

— О, ваша сестра, она такая красавица, — продолжал Джон Ларсен. — Высокая, белолицая. Я сравниваю ее с белой лилией. Особый вид, на длинном стебле. Такая величественная, важная и прекрасная. Я много лет смотрел, как она проходит мимо меня, и был влюблен в нее, ну вот, я и сказал эти слова. Десять лет я смотрел, как она проходит мимо, но боялся что-либо сказать.

— Что? — Жаркий факел замерцал на ее лице и погас.

— Так вы говорите, я тоже ей нравлюсь? Подумать только, сколько лет прошло даром. Я должен был прийти раньше. Вы поможете мне? Вы ей скажете, вы разобьете этот лед? Вы устроите так, чтобы я смог повидаться с ней вскоре?

— Вы любите мою сестру. — Это была констатация факта.

— Всем сердцем.

Она чувствовала себя как печь зимним утром, когда все угли погасли, а все поленья остыли и заиндевели.

— Что такое? — спросил он.

Она сидела, а вокруг все качалось, но на сей раз ей было действительно плохо. Мир провалился в бездну.

— Скажите же что-нибудь, — умолял он ее.

— Вы любите мою сестру, — произнесла она.

— Как вы это говорите.

— А я люблю вас, — сказала она.

— Что?

— Я люблю вас, — повторила она.

— Постойте, постойте, — пробормотал он.

— Вы что, не слышали? — спросила она.

— Я не понимаю.

— Я тоже, — сказала она, сидя прямая как стрела. Теперь дрожь прекратилась, и холод полился из глаз.

— Вы плачете, — сказал он.

— Как глупо, — продолжала она. — Вы думаете обо мне так же, как *она* думает о вас.

— О нет, — запротестовал он.

— Да, да, — сказала она, не вытирая слез рукой.

— Этого не может быть, — чуть не кричал он.

— Это так.

— Но я люблю ее, — возразил он.

— А я люблю вас, — ответила она.

— Вам не кажется, что и в ней есть маленькая искорка любви ко мне? — поинтересовался он, высываясь на свет веранды.

— А вам не кажется, что и в вас могла бы быть маленькая искорка любви ко мне? — спросила она.

— Возможно, я смогу что-то с этим поделать.

— Никто из нас ничего не может с этим поделать. Все любят не тех, кого надо, все ненавидят не тех, кого надо.

Она расхохоталась.

— Не смейтесь.

— Я не смеюсь.

Ее голова запрокинулась назад.

— Прекратите!

— Сейчас,— прокричала она сквозь хохот, глаза ее были мокры от слез, и он тряс ее за плечо.

— Перестаньте! — прокричал он ей прямо в лицо, уже стоя.— Пойдите и попросите вашу сестру выйти, скажите, что я хочу поговорить с ней!

— Скажите ей сами, пойдите и скажите ей сами.

Она продолжала хохотать.

Он надел шляпу и стоял в замешательстве, глядя, как она хохочет, раскачиваясь на качелях, бесчувственный, как кусок холодного железа, и смотрел на дом.

— Прекратите! — закричал он.

Он снова принялся трясти Лидию, но тут чей-то голос вмешался:

— А ну перестаньте!

Он обернулся: за сетчатой дверью в прохладном сумраке, как бледное, расплывчатое меловое очертание, стояла Хелен.

— Отойдите от нее, оставьте ее в покое. Уберите от нее свои руки, мистер Ларсен.

— Но Хелен!.. — запротестовал он, подбегая к двери.

Дверь была закрыта на крючок, и Хелен хлопнула по сетке, словно выбивая из нее застрявших мух, задержавшихся до позднего лета.

— Уйдите, пожалуйста, с веранды, — сказала Хелен.

— Хелен, позвольте мне войти!

«Джон, вернись!» — думала Лидия.

— Забирайте свою шляпу и уматывайте, считая до десяти.

Он стоял на темной веранде между двух холодных женщин. Минули и лето, и осень. Невидимый снег падал на его плечи, и ветер повеял из глубины дома.

— Как это все случилось?

Он медленно обвел взглядом все вокруг. От чего-то Хелен почудилось, будто он стоит на берегу, а корабль, то есть дом, уносит ее в даль осеннего моря, и никто не машет рукой на про-

щанье, но все расстаются друг с другом навсегда. Она не могла точно сказать, каким он ей кажется: мужественным или нелепым. Море трубило в свой огромный рог, и корабль плыл все быстрее и быстрее, а он, покинутый, стоял на зеленом берегу, держа в руках шляпу и глядя в нее, будто надеясь увидеть там всю свою жизнь, и размер на ярлычке был очень мал, и цена весьма невысока. Руки у него дрожали. Он был словно пьяный от постигшего его удара. Его шатало. Веки дрожали на бледном лице.

— Доброй ночи, мистер Ларсен,— сказала Хелен откуда-то из темноты.

Лидия молча, без сил, покачивалась на качелях. Она не смеялась, не плакала, а просто смотрела, как погруженный во тьму мир скачет меж звезд в одну сторону, а белая луна — в другую, это было просто бесчувственное тело, раскачивающееся вверх-вниз, с опавшими руками, и слезы высыхали на ветру, всколыхнувшись от ее мерного движения.

— Прощайте.

Дойдя до середины лужайки, мистер Ларсен споткнулся и упал. Он посидел так с минуту, словно утопающий, воздев к небу руки. Затем встал и побежал по улице прочь.

Когда он ушел, Хелен открыла дверь, тихонько вышла и села на качели.

Так они молча качались минут десять. Потом Хелен сказала:

— Ты ведь не сможешь перестать любить его, да?

Они качались в темноте.

— Да.

Еще минуту спустя Лидия спросила:

— А ты, *ты* ведь не сможешь полюбить его, верно?

Хелен отрицательно покачала головой.

Следующая мысль пришла к ним в голову одновременно. Одна начала говорить, а другая закончила:

— А он, он ведь не сможет...

— ...перестать любить тебя, Хелен.

— ...и полюбить вместо меня тебя, Лидия?

Оттолкнувшись, они пустили качели в виноградно-тенистую ночь и, лишь четырежды качнувшись туда-обратно, сказали:

— Нет.

— Я представляю нас с тобой,— произнесла Хелен.— Боже, я так и вижу нас двадцать, тридцать лет спустя. Ты и я выходим вечером прогуляться по городу. Идем по Главной улице, разговариваем, одни. Подходим к табачной лавке. А он там. Джон Ларсен, один-единешенек, сидит под лампой, разворачивает сигару. И мы вроде замедляем шаг, а он, завидев нас, бросает раскуривать свою сигару. И я смотрю на него тем

же взглядом, что и теперь. И ты смотришь на него тем же взглядом, что и теперь. И он смотрит на тебя тем взглядом, которым он только и может смотреть на тебя. А на меня — тем же дурацким взглядом, каким он смотрел на меня сегодня. И вот мы останавливаемся перед ним и киваем. А он приподнимает шляпу. Он лыс. А мы с тобой седые. А потом мы идем дальше. Под ручку. Ходим по магазинам и весь вечер гуляем по городу. А когда два часа спустя мы идем обратно домой, он все еще стоит там, один, глядя в пустоту.

Тихий ангел пролетел между ними.

Так они и сидели, неподвижно, думая о предстоящих тридцати годах.

МАФИОЗНАЯ БЕТОНОМЕШАЛКА

2003

Бёрнем Вуд — его настоящего имени я никогда не знал — провел меня в свой потрясающий гараж, который он превратил в мастерскую-библиотеку.

На полках стояло полное собрание сочинений Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, в переплетах из дорогой кожи, с золотыми эполетами.

Руки у меня так и чесались, когда я разглядывал эту невероятную коллекцию, бывшую частью задуманного им литературного эксперимента.

Бёрнем Вуд повернулся спиной к своей изумительной библиотеке, подмигнул мне и указал на дальний угол своего огромного гаража.

— Вон там! — произнес он. — Это моя ироничная машина с престранным названием. Что скажешь?

— Выглядит, как одна из тех дур, что каждые десять секунд вращаются вокруг своей оси, перемешивая жидкий цемент, пока его везут к месту заливки новой дороги,— без особого восторга заметил я.

— Прямо в точку! — ответил Бёрнем Вуд.— Это моя Мафиозная Бетономешалка. Оглянись вокруг. Между ней и этой библиотекой есть некая связь.

Я взглянул на книги, но никакой связи не обнаружил. Бёрнем Вуд похлопал по боку своей машины, которая стояла, урча, как большой серый слон. Мафиозная машина вздрогнула и замерла.

— Эта мысль осенила меня,— продолжал Бёрнем Вуд,— однажды ночью, когда по безлюдной улице мимо меня на большой скорости пронеслась бетономешалка. Я подумал: а что, если она торопится замешать бетонные башмаки для обреченных на смерть итальянских гангстеров. Я посмеялся, но мыслишка засела во мне и много месяцев спустя разбудила среди ночи. Мне пришлось соединить свою библиотеку в одно целое с этим гигантским монстром, и я нашел, как мне кажется, способ отправить этого бетонного мастодонта в прошлое.

Я обошел кругом это огромное серое чудовище, ворочавшееся и вздыхавшее, поворачивающееся и готовое отправиться в путь.

— Мафиозная Бетономешалка? — переспросил я. — Как это, объясни.

Бёрнем Вуд пробежал рукой по томам Скотта Фицджеральда на полке и дал мне один из них.

Я открыл книгу.

— «Последний магнат» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Его последний роман. Он не успел закончить его.

— Теперь смотри сюда, — Бёрнем Вуд погладил бока своей гигантской машины. — Сказать тебе, что внутри? Все секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы и годы времени, минувшего пятьдесят лет назад. Сейчас мы запустим эти часы и дни, чтобы дать Скотти еще немного времени для завершения его романа. Он должен был стать его лучшей книгой, но тут завелась эта старая заезженная пластинка, которая играла темными ночами, когда мы перепивались вусмерть.

— Ну и, — допытывался я, — как ты собираешься это сделать?

Бёрнем Вуд вытащил список.

— Читай. Вот пункты, через которые проследует моя машина, чтобы выполнить свою работу.

Я изумленно посмотрел на список и начал читать.

— Б. П. Шульберг — «Парамаунт», верно?

— Верно.

— Ирвинг Тальберг — «Метро-Голдвин-Майер»? Дэррил Занук — «Фокс»?

— Именно так.

— Ты что, собираешься посетить всех этих людей?

— Да.

— У тебя тут директора различных студий, продюсеры, шлюхи, с которыми он один раз переспал, бармены со всех концов света. Что ты собираешься с ними делать?

— Попробую их расшевелить, дам взятку, а если необходимо, отлуплю хорошенько.

— А как насчет Ирвинга Тальберга? Он ведь умер в тридцать шестом.

— А если б протянул подольше, он мог бы оказать положительное влияние на Скотти.

— И что же ты собираешься делать с мертвецом?

— Когда Тальберг умер, на свете еще не существовало сульфаниламида. Я хочу пробраться к нему в больничную палату за неделю до его смерти и дать ему лекарства, которые, возможно, вылечат его и позволят ему вернуться на следующий год в «MGM». Он наверняка предложит Скотти что-нибудь получше, чем та работа, которую они ему давали.

— Ничего себе списочек, — сказал я. — Ты говоришь так, будто собираешься двигать этими людьми, как пешками.

Бёрнем Вуд показал мне пачку стодолларовых бумажек.

— Я намерен раздать эту пачечку. Возможно, некоторые из этих тузов окажутся сговорчивыми. Встань поближе. Слушай.

Я подошел вплотную к огромной рокочущей машине. Изнутри до меня доносились далекие крики и звуки выстрелов.

— Похоже на революцию,— сказал я.

— Взятие Бастилии,— отозвался Бёрнем Вуд.

— Как она там оказалась?

— Фильм «Мария-Антуанетта», студия «MGM». Фицджеральд работал над ним.

— Господи, ну конечно. И зачем ему понадобилось писать такое?

— Он обожал кино, но еще больше он обожал деньги. Слушай дальше.

На сей раз выстрелы были громче, и когда обстрел прекратился, я сказал:

— «Три товарища». Германия, «MGM», тридцать шестой год.

Бёрнем Вуд кивнул.

Потом послышался залиvistый, многоголосьй женский смех. Когда он затих, я сказал:

— «Женщины» с Нормой Ширер и Розалиндой Рассел, «MGM», тридцать девятый год.

Бёрнем Вуд снова кивнул.

Затем опять послышались раскаты хохота и громкая музыка. Я по памяти называл имена, которые помнил по старым киножурналам.

— «Одержимость» с Джоан Кроуфорд. «Мадам Кюри» с Грир Гарсон, сценарий Хаксли и Скотта Фицджеральда. Боже мой,— продолжал я.— Зачем он возился со всем этим и как все эти звуки оказались в утробе твоей машины?

— Я их рву на части, я рву сценарии. И все это кучей перемешано внутри. «Алмаз величиной с отель "Риц"», «По эту сторону рая», «Ночь нежна». Всё там. Если перемешать весь хлам с действительно хорошими вещами, у тебя появляется шанс проложить новую дорогу в прошлом, чтобы создать новое будущее.

Я перечел список.

— Тут имена продюсеров, режиссеров и соавторов-сценаристов за несколько лет; некоторые из «MGM», другие из «Парамаунт», но больше из Нью-Йорка лета тридцать девятого. Что в итоге?

Я взглянул на Бёрнема Вуда и увидел, что тот прямо-таки дрожит от предвкушения, глядя на свою машину.

— Я собираюсь отправиться в прошлое со своей метафорической бетономешалкой, залить в цементные ботфорты всех этих идиотов, переправить их к какому-нибудь океану вечности и бросить их всех туда. Я расчищу дорогу для Скотти, подарю ему драгоценное Время, чтобы в конце концов — молю тебя, Господи,— «Последний магнат» был дописан, завершен и опубликован.

— Никто не сможет этого сделать!

— Я смогу — или погибну. Я буду выуживать каждого из них, по одному, в определенные дни в течение всех этих лет. Я буду похищать их из привычного круга и переносить в другие города и в другие годы, где им придется пробиваться заново, на ощупь, забыв про то, откуда они взялись, и про то дурацкое ярмо, которое они повесили на Скотти.

Я задумался, закрыв глаза.

— Боже правый, это напоминает мне фильм Джорджа Арлисса, который я видел в детстве: «Человек, который играл в Бога».

Бёрнем Вуд тихонько засмеялся:

— Джордж Арлисс, пожалуй. Я действительно ощущаю себя немножко Создателем. Я замахнулся на роль Спасителя нашего дорогого, пьяного, непутевого, ребячливого Фицджеральда.

Он снова погладил машину, и та задрожала и вздохнула в ответ. Я почти мог уловить завывания кружащегося внутри вихря лет.

— Пора,— сказал Бёрнем Вуд.— Сейчас я заберусь внутрь, поверну реостаты и осуществлю собственное исчезновение. Через час зайди в ближайший книжный магазин или проверь книги у меня на полке и посмотри, изменилось ли что-нибудь. Вернусь я или нет, не знаю, я могу застрять в каком-нибудь далеком году в прошлом. А могу потеряться во времени, как те люди, которых я собираюсь похитить.

— Надеюсь, ты не примешь мои слова близко к сердцу, — сказал я, — но не думаю, что ты сможешь вмешаться в течение времени, как бы страстно тебе ни хотелось стать соиздателем последней книги Фицджеральда.

Бёрнем Вуд отрицательно покачал головой.

— Я много ночей лежал в кровати и с трепетом думал о том, как умерли многие из моих любимых писателей. Бедолага Мелвилл, доходяга По, Хемингуэй, который должен был погибнуть в том самолете, разбившемся над Африкой, но в нем всего лишь погиб отличный писатель. С ними я ничего не могу поделать, но здесь, на расстоянии пушечного выстрела от Голливуда, я должен попробовать. Вот так.

Бёрнем Вуд размял пальцы, протянул руку и пожал мою.

— Пожелай мне удачи.

— Удачи, — сказал я. — Я могу как-то остановить тебя?

— Не надо, — ответил он. — Вот этот большой американский слон будет переваривать в своих кишках не цемент, а время: часы, дни и годы — хитроумный агрегат.

Он залез в свою Мафиозную Бетономешалку, что-то настучал на компьютерной клавиатуре, затем повернулся и испытующе посмотрел на меня.

— Что ты должен сделать через час? — спросил он.

— Купить новый экземпляр «Последнего магната»,— ответил я.

— Молодец! — прокричал Бёрнем Вуд.— А теперь отойди. Берегись, сейчас будет трясти!

— Это из «Облика грядущего», верно?

— Герберт Уэлс,— Бёрнем Вуд рассмеялся.— Берегись, сейчас будет трясти!

Крышка люка плотно защелкнулась. Огромная Мафиозная Бетономешалка заурчала, поворачивая вспять годы, и внезапно гараж опустел.

Я долго ждал, надеясь, что новый толчок заставит гигантского серого зверя вынырнуть из ниоткуда, но в гараже было по-прежнему пусто.

Через час в книжном магазине я спросил нужную книгу.

Продавец дал мне томик «Последнего магната».

Я открыл его и пролистнул страницы.

Громкий крик сорвался с моих изумленных уст.

— Он сделал это! — кричал я.— Он сделал это! Здесь на пятьдесят страниц больше, и конец совсем не тот, что я читал, когда книга вышла много лет назад. Он сделал это, о боже, он сделал это!

Слезы брызнули у меня из глаз.

— С вас двадцать четыре доллара и пятьдесят центов,— произнес продавец.— Что с вами?

— Вам не понять,— ответил я.— А вот я понимаю и благословляю Бёрнема Вуда.

— Кто это?

— Человек, который играл в Бога,— ответил я.

Жгучие слезы снова навернулись на глаза, я прижал книгу к своему сердцу и вышел из магазина, бормоча: «О да, человек, который играл в Бога».

ПРИЗРАКИ

1950—1952

По ночам призраки проплывали, словно стайки млечных стеблей, над седыми лутами. Вдали можно было разглядеть их красные, как фонари, сверкающие глаза и неровные огненные вспышки, когда они сталкивались друг с другом, будто кто-то вытряхнул угли из жаровни и пылающие головешки рассыпались в разные стороны ярким дождем. Они приходили под наши окна — я это хорошо запомнила — каждую ночь в течение трех недель в середине лета, из года в год. И каждый год папа наглухо закрывал выходящие на юг окна и сгонял нас, детей, как маленьких щенков, в другую, северную комнату, где мы проводили ночи в надежде, что призраки сменят маршрут и развлекут нас, появившись на склоне с нашей новой стороны. Но нет. Их склон был южный.

— Должно быть, они из Мабсбери,— сказал отец, и его голос пронесся вверх по лестнице, туда, где мы трое лежали в своих постелях.— Но стоит мне выбежать с ружьем, черт побери, их и след простыл!

Мы услышали голос мамы, который ответил:

— Ладно, оставь в покое свое ружье. Все равно ты не сможешь их застрелить.

Отец сам рассказал нам, девочкам, что это были именно *призраки*. Он сурово покачал головой и посмотрел нам в глаза. «Призраки — существа *непристойные*»,— сказал он. Потому что они смеялись и оставляли отпечатки своих тел на траве. Можно было заметить место, где они лежали прошлой ночью: один мужчина и одна женщина. И всегда тихонько смеялись. А мы, детишки, не спали и высовывались из окон, подставляя ветру наши легкие, как пух, волосы, и прислушивались.

Каждый год мы пытались скрыть от отца с матерью возвращение призраков. Иногда нам удавалось скрывать это целую неделю. Однако где-то восьмого июля отец начинал нервничать. Он испытующе глядел на нас, следил за нами, подглядывал через занавески и все спрашивал:

— Лаура, Энн, Генриетта... вы... то есть ночью... за последнюю неделю... вы ничего *такого* не замечали?

— Какого *такого*, папа?

- Я имею в виду призраков.
- *Призраков*, папа?
- Ну, вы знаете, как прошлым и позапрошлым летом?
- Я ничего не видела, а ты, Генриетта?
- Я тоже, а ты, Энн?
- Нет, а ты, Лаура?
- Перестаньте, *перестаньте!* — громко кричал отец. — Ответьте мне на простой вопрос. Вы что-нибудь слышали?
- Я слышала, как кролик шуршал.
- Я видела собаку.
- Кошка пробегала...
- Так, вы должны сказать мне, если призраки вернутся, — настоятельно твердил он и, покраснев, неловко ретировался.
- Почему он не хочет, чтобы мы видели призраков? — прошептала Генриетта. — В конце концов, папа сам нам сказал, что они *призраки*.
- А мне *нравятся* призраки, — заявила Энн. — Они *другие*, не такие, как все.

И это было правдой. Для трех маленьких девочек призраки были необыкновенными и удивительными. Каждый день к нам на дом приезжали учителя и держали нас в крепкой узде. Иногда случались дни рождения, но в основном наша жизнь была пресной, как тюремный сухарь. Нам так хотелось приключений. Призраки спасали нас от скуки: мурашек по телу хватало до конца лета и даже до следующего года.

— Интересно, что привлекает сюда этих призраков? — спросила Генриетта.

Мы не знали.

А отец, похоже, знал. Однажды ночью мы снова услышали его голос, доносившийся снизу.

— Мягкий мох,— говорил он маме.

— Ты придаешь этому слишком большое значение,— сказала она.

— Я думаю, они уже вернулись.

— Девочки не говорили.

— Девочки немного лукавят. Думаю, нам лучше перевести их сегодня в другую комнату.

— Дорогой,— вздохнула мама,— давай подождем, пока не убедимся. Ты же знаешь, что бывает с девочками, когда им приходится менять комнату. Они неделю не могут спать нормально и весь день в плохом настроении. Подумай обо мне, Эдвард.

— Ладно,— сказал отец, но по голосу чувствовалось, что он что-то задумал.

На следующее утро мы, трое девчонок, играя в пятнашки, галопом спустились к завтраку.

— Ты водишь! — крикнули мы, остановились и в изумлении посмотрели на папу.

— Папа, что с тобой?

Потому что руки у папы были распухшими, все в желтых мазях и белых бинтах. Шея и лицо покраснели и воспалились.

— Ничего,— ответил он, уставившись в тарелку с кашей и угрюмо ее помешивая.

— Но что произошло? — обступили мы его.

— Отойдите, дети,— сказала мать, пытаясь сдержать улыбку.— Папа отравился ядовитым плющом.

— Ядовитым плющом?

— Как это случилось, папа?

— Сядьте, дети,— предостерегающе сказала мама, ибо отец уже потихоньку скрипел зубами.

— Как он умудрился отравиться? — спросила я.

Топнув ногой, папа вылетел из комнаты. Больше мы не сказали ни слова.

На следующую ночь призраки исчезли.

— О черт,— произнесла Энн.

Мы лежали в кроватях тихо, как мышки, в ожидании полуночи.

— Ты что-нибудь слышишь? — прошептала я.

Я видела у окна кукольные глаза Генриетты, выглядывавшей наружу.

— Нет,— сказала она.

— Который час? — шепнула я, немного подождав.

— Два часа.

— Кажется, они не придут,— печально сказала я.

— Нам тоже так кажется,— отозвались сестры.

Мы слушали свое тихое дыхание, наполнявшее комнату. Вся ночь до рассвета была безмолвна.

«Чай вдвоем...» — напевал отец, наливая себе утренний напиток. Он посмеивался и похлопывал себя по спине.

— Ха-ха-ха,— произнес он.

— Папа счастлив,— сказала Энн матери.

— Да, дорогая.

— Даже несмотря на ядовитый плющ.

— Вопреки ему,— вставил папа, смеясь.— Я волшебник. Я экзорцист!

— Кто?

— Э-к-з-о-р-ц-и-с-т,— по буквам произнес он.— Тебе чаю, мама?

Мы с Генриеттой помчались в нашу библиотеку, в то время как Энн играла во дворе.

— Эк-зор-цист,— прочла я.— Вот, нашла! — И подчеркнула слово.— «Тот, кто истребляет духов».

— Истребляет их по ниточкам? — удивленно переспросила Генриетта.

— Да нет же, глупенькая, *истреблять*. То есть «прогонять, избавляться от них».

— Убивать? — жалобно спросила Генриетта.

Пораженные догадкой, мы обе уставились в книгу.

— Значит, папа убил наших призраков? — спросила Генриетта, и глаза ее наполнились слезами.

— Не может быть, чтобы он совершил *такую* подлость.

Полчаса мы сидели в оцепенении, ощущая прилив холода и пустоты. Наконец в дом вошла Энн, почесывая руки.

— Я нашла место, где папа раздобыл ядовитый плющ, — объявила она. — Хотите узнать, где?

— Где? — спросили мы, помолчав.

— На склоне под нашим окном, — сказала Энн. — Там полно всяких ядовитых плющей, которых раньше там никогда не было!

Я медленно закрыла книгу.

— Пойдем, посмотрим.

Мы стояли на склоне, и повсюду валялись стебли ядовитого плюща, все сорванные, все без корней. Кто-то нарвал их в лесу и притащил сюда, на склон — огромные корзины плюща, — и разбросал повсюду.

— Ох, — вздохнула Генриетта.

Мы все разом вспомнили раздувшееся лицо и руки отца.

— Но призраки, — прошептала я. — Разве может *ядовитый плющ* изгонять призраков?

— Видела, что он сделал с папой?

Мы все закивали.

— Тс-с-с,— сказала я, прижав палец к губам.— Всем раздобыть перчатки. Когда стемнеет, мы все здесь уберем. Изгоним экзорциста.

— Ура! — сказали все.

Погасли огни, и летняя ночь была тиха и пронизана сладким запахом цветов. Мы ждали, лежа в кроватях, и наши глаза сверкали, как лисьи зрачки в темном подвале.

— Девять часов,— прошептала Энн.

— Девять тридцать,— через некоторое время произнесла она.

— Надеюсь, они придут,— сказала Генриетта.— После всего того, что мы сделали.

— Тссс, слушай!

Мы сели на кроватях.

Оттуда, с залитых лунным светом лугов, донесся какой-то шепот и шорох, словно летний ветер ворошил все травы и звезды на небе. Послышался треск и негромкий смех; мягкими, неслышными шагами мы побежали к окнам, чтобы, сгрудившись вместе, застыть в ожидании ужаса, и в это время на травяной склон обрушился ливень дьявольских искр и две неясные тени проникли сквозь плотный заслон кустарника.

— О,— закричали мы, бросаясь друг другу в объятия и дрожа.— Они вернулись, они вернулись!

— Если бы папа знал!

— Но он же не знает! Тс-с-с!

Ночь шептала и хохотала, металась трава. Мы долго стояли так, а потом Энн сказала:

— Я иду туда.

— Что?

— Я хочу узнать.

Энн собралась уходить.

— Но они могут убить тебя!

— Я иду.

— Но там призраки, Энн!

Мы слышали шаги ее ног, слетающих по ступеням, слышали, как она потихоньку открыла дверь дома. Мы приникли к окну. Энн в своей ночной рубашке, как бархатный мотылек, порхнула через двор. «Боже, храни ее», — молилась я. Ибо она, прокрававшись во тьме, была уже совсем рядом с призраками.

— Ах! — вскрикнула Энн.

Потом послышалось еще несколько криков. Мы с Генриеттой ахнули. Энн бегом пронеслась по двору, но дверью не хлопнула. Призраки умчались, словно подхваченные ветром, за холм и в мгновение скрылись из вида.

— Ну вот, посмотри, что ты наделала! — закричала Генриетта, когда Энн вошла в комнату.

— Ни слова! — огрызнулась Энн. — О, это ужасно!

Она решительно подошла к окну и хотела рывком опустить раму. Я ее остановила.

— Что с тобой? — спросила я.

— Призраки,— всхлипнула она то ли сердито, то ли грустно.— Они ушли навсегда. Папа распугал их. А сегодня знаете, кто там был? Знаете?

— Кто?

— Двое *людей*,— прокричала Энн, и слезы катились по ее щекам.— Непристойная парочка, мужчина и женщина!

— О,— простонали мы.

— Призраков больше не будет,— сказала Энн.— О, я *ненавижу* папу!

И весь остаток того лета, лунными вечерами, когда дул ветер и белые фигуры двигались в сумраке лугов, мы, три девчонки, делали именно то, что сделали в тот последний вечер. Мы вставали с постели, тихо проходили через комнату и с грохотом захлопывали окно, чтобы не слышать этих непристойных людей, а потом возвращались в свои кровати, закрывали глаза и грезили о тех днях, когда над лугами носились призраки, о тех счастливых временах, когда папа еще ничего не разрушил.

В ПАРИЖ, СКОРЕЙ В ПАРИЖ!*

2003

— Скажи, Альма, когда мы в последний раз были в Париже? — спросил он.

— Господи, Карл, — удивилась Альма, — ты что, не помнишь? Всего два года назад.

— Ах, да, — сказал Карл и записал в блокноте. — В две тысячи втором. — Он снова поднял глаза. — А перед этим, Альма?

— В две тысячи первом, разумеется.

— Да, да, в две тысячи первом. А до этого был двухтысячный.

— Как можно забыть Миллениум?

— На самом деле это был еще не Миллениум.

* Оригинальное название рассказа — «Where's My Hat, What's My Hurry?» — представляет собой перефразированную цитату из фильма Фрэнка Капры «Эта замечательная жизнь» («It's a Wonderful Life», 1946)

— Люди не могут ждать. Они отпраздновали годом раньше.

— Ах, этот праздник годом раньше, ах, этот Париж. В двухтысячном.

Он снова записал.

Она бегло взглянула в его блокнот и наклонилась вперед.

— Что это ты делаешь?

— Вспоминаю, воскрешаю в памяти Париж. Сколько раз мы там были.

— Как мило.

Она с улыбкой откинулась в кресле.

— Не обязательно. Где мы были в девяносто девятом? Кажется, я припоминаю...

— Свадьба Джейн. Выпускной у Сэма. Тот год мы пропустили.

— Пропустили Париж в девяносто девятом. Надо же.

Он вычеркнул строку против этой даты.

— Мы были там в девяносто восьмом, девяносто седьмом, девяносто шестом.

Она трижды кивнула.

Он продолжал перечислять годы, пока не дошел до восемьдесят третьего.

Она продолжала кивать.

Он записал даты, затем долгое время глядел на свои записи.

Затем внес какие-то уточнения и приписал несколько замечаний против некоторых дат, после чего какое-то время сидел в задумчивости.

В конце концов он взял телефонную трубку и набрал номер. Услышав ответ на том конце провода, он произнес:

— «Арагон трэвел»? Мне нужно два билета, один на мое имя, другой без имени, на сегодня, пятичасовой рейс в Париж компании «Юнайтед». Был бы очень признателен, если бы вы перезвонили мне как можно скорее.

Он назвал свое имя и номер кредитной карты. И положил трубку.

— В Париж? — удивленно спросила жена. — Ты не предупреждал меня. У меня нет времени.

— Просто я принял это решение несколько минут назад.

— Вот так просто? Однако...

— Ты что, не слышала? Один билет на мое имя. И один без имени. Имя еще надо вписать.

— Но...

— Ты не едешь.

— Но ты заказал два билета...

— Имя и желающий поехать найдутся.

— Желающий?

— Я позвоню нескольким людям.

— Но если бы ты только подождал двадцать четыре часа...

— Я не могу ждать. Я ждал двадцать лет.

— Двадцать лет?

Он снова застучал по кнопкам телефона. Далеко-далеко, на том конце, зазвонил телефон, слышался тонкий мелодичный голос.

— Эстель? — проговорил он. — Это Карл. Знаю, все это весьма неожиданно и глупо, но скажи, у тебя есть непросроченный паспорт? Есть. Хорошо... — Он засмеялся. — Как ты смотришь на то, чтобы полететь сегодня пятичасовым вечерним рейсом в Париж? — Он замолчал и слушал. — Без шуток. Я серьезно. Париж, десять ночей. Тот же номер. Та же кровать. Ты и я. Десять ночей, все расходы беру на себя. — Он снова стал слушать, кивая и закрыв глаза. — Да. Да. Да, понимаю. Ладно, ничего. Я понимаю. Попытка не пытка. Может, в следующий раз. Ладно, я понимаю. Я вполне принимаю твой отказ. Конечно. Пока.

Он повесил трубку и долго смотрел на телефон.

— Это была Эстель.

— Я слышала.

— Она не может. Ничего личного.

— А похоже, как раз наоборот.

— Ничего, подожди.

— Я жду.

Он снова набрал номер. Ответил другой, еще более высокий голос.

— Анджела? Это Карл. Это, конечно, безумие, но ты не могла бы встретиться со мной в самолете «Юнайтед эрлайнз» сегодня в пять? Небольшая прогулка налегке, конечная точка — Париж, десять ночей, шампанское и постельные беседы. Снимем номер на двоих. Ты и я.

Голос в трубке что-то прошептал.

— Я понимаю это как «да». Отлично!

Он повесил трубку и едва не рассмеялся.

— Это была Анджела, — с сияющей улыбкой возвестил он.

— Я догадалась.

— Не спорь.

— Счастливый турист. А теперь, может, все-таки...

— Подожди.

Он вышел из комнаты и через несколько минут вернулся с очень маленьким чемоданом в руке, засовывая бумажник и паспорт во внутренний карман своего пиджака.

Он стоял, покачиваясь и смеясь, перед своей женой.

— А теперь, — проговорила она. — Ты объяснишь?

— Да.

Он протянул ей список, сделанный им десять минут назад.

— С тысяча девятьсот восьмидесятого по две тысячи второй, — сказал он. — Все наши поездки в Париж, верно?

Она взглянула на список.

— Верно. И что же?

— Каждый раз мы были во Франции вместе, так?

— Да, все время вместе.— Она снова пробежала глазами список.— Но я не понимаю...

— И никогда не понимала. Скажи, ты помнишь, сколько раз за все наши поездки в Париж мы с тобой занимались там любовью?

— Станный вопрос.

— Ничуть не странный. Так сколько?

Она пристально изучила список, словно там был ответ.

— Не думаешь же ты, что я назову тебе точные даты.

— Нет,— сказал он,— потому что ты и не сможешь их назвать.

— Не смогу?..

— Даже если очень постараться.

— Наверняка...

— Нет, не «наверняка», потому что ни разу за все ночи в Париже, городе любви, ни единого раза мы не занимались любовью!

— Наверняка что-то было...

— Нет, ни разу. Ты забыла. А я помню. Я вспомнил все. Ни разу, ни единого раза ты не позвала меня к себе в постель.

Наступило долгое молчание, она разглядывала список и в конце концов выронила его из рук. Она даже не взглянула на мужа.

— Ну что, теперь ты вспомнила? — поинтересовался он.

Она молча кивнула.

— Разве это не грустно? — спросил он.

Она снова кивнула, не произнося ни слова.

— Помнишь тот прекрасный фильм, который мы смотрели давным-давно, где Грета Гарбо и Мелвин Дуглас в Париже взглянули на часы, было почти двенадцать, и он говорит: «О, Ниночка, Ниночка, большая и маленькая стрелки почти соединились. Почти соединились, и через мгновение одна половина Парижа будет заниматься любовью с другой половиной. Ниночка, Ниночка».*

Жена кивнула, и на ее глазах показались слезы.

Он подошел к двери, открыл ее и сказал:

— Ты понимаешь теперь, почему я должен ехать? Потому что через год я, возможно, буду уже слишком стар, а может, меня вообще уже не будет.

— Никогда не поздно... — начала она.

— Для нас — слишком поздно. Двадцать лет в Париже — слишком поздно. Двадцать недель и двадцать возможных ночей четырнадцатого июля, Дней взятия Бастилии и тому подобное — слишком поздно. Боже, как грустно. Я готов был разрыдаться. Но вот в этом году я это сделал. Прощай.

* Из фильма Эрнста Любича «Ниночка» (1939).

— Прощай,— прошептала она.

Он открыл дверь и остановился на пороге, глядя в будущее.

— О, Ниночка, Ниночка,— прошептал он и вышел, осторожно и без стука прикрыв за собой дверь.

Словно отброшенная этим звуком, жена рухнула в кресло.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

1948—1949

Прежде чем Стив успел встать со своего кресла, они ворвались в комнату, схватили его, зажали рукой рот и потащили, обмякшего от ужаса, вон из его маленькой солнечной квартирki. Он видел проплывающий над ним потолок с растрескавшейся штукатуркой. Отчаянно мотая головой, он освободил рот и на мгновение, когда они силой вытаскивали его из квартиры, увидел стены своего тихого жилища, увешанные фотографиями сильных мужчин из журнала «Сила и здоровье», а на полу расшвырянные в ходе короткой схватки номера детективных комиксов, которые он читал, когда за дверью слышались их шаги.

Теперь он, как мертвый, висел между четырьмя парнями. Долгое время ему было настолько не по себе от страха, что он не мог даже поше-

велиться и висел мертвым грузом, пока они вытаскивали его на ночной воздух. И Стив думал: «Все это неправда, это же Юг, я белый, они белые, но они пришли ко мне и схватили меня. Такого не может быть. Так не бывает. Что случилось с этим миром, если такое может произойти?»

Потная ладонь зажала его рот, и они, встряхивая его, как пьяного, потащили через лужайку. Он услышал, как чей-то голос, легкомысленно усмехнувшись, сказал: «Добрый вечер, мисс Ландрисс. Это наш друг Стив Нолан. Опять напился, мэм. Да, мэм!» И все засмеялись своим притворным смехом.

Его бросили на заднее сиденье машины, туда же с обеих сторон нырнули двое мужчин и зажали его между собой, словно заложив что-то между страницами книги в жаркий летний вечер. Машина, переваливаясь, отъехала от тротуара, и тогда голоса начали говорить, а рука убралась со рта Стива Нолана, так что он смог облизнуть губы и посмотреть на своих похитителей безумно моргающими, остекленевшими глазами.

— Ч-что вы собираетесь со мной сделать? — выдавил он, отчаянно упираясь ногами в пол, будто пытаясь таким образом остановить машину.

— Стиви, Стиви, — медленно покачал головой один из этих людей.

— Что вы хотите со мной сделать? — закричал Стив.

— Ты знаешь, чего мы хотим, парень.

— Выпустите меня отсюда!

— Держите его крепко!

Они мчались в темноте по проселочной дороге. По обеим сторонам стрекотали сверчки, луны не было, светились лишь бесчисленные звезды в теплом и черном небе.

— Я ничего не сделал. Я вас знаю. Вы чертовы проклятые либералы, чертовы коммунисты! Вы собираетесь убить меня!

— Мы и не думали убивать тебя, — сказал один из людей, участливо и до ужаса нежно похлопывая Стива по щеке.

— Вот я, — сказал другой. — Я республиканец. А ты, Джо?

— Я? Я тоже республиканец.

И оба по-кошачьи улыбнулись Стиву. Он так и похолодел.

— Если это из-за той негритянки, Лавинии Уолтерс...

— Кто-нибудь что-нибудь говорил о Лавинии Уолтерс?

Все переглянулись в полном удивлении.

— Ты что-нибудь знаешь о Лавинии Уолтерс, Мак?

— Нет, а ты?

— Ну, я слышал, что вроде недавно у нее родился ребенок. Ты про эту Лавинию?

— Постойте, постойте, послушайте, ребята, послушайте, остановите машину, и я все вам расскажу про эту Лавинию Уолтерс...— Язык Стива дрожал, облизывая губы. Расширенные глаза застыли от ужаса. Лицо у него было цвета обглоданной кости. Он был похож на труп, зажатый между потными, навалившимися на него парнями, нелепый, несуразный, вытянувшийся от страха.

— Посмотрите, вы только посмотрите! — кричал он, визгливо смеясь.— Мы же южане, все мы, а мы, южане, должны держаться вместе, ведь так? Я говорю, верно ведь, а?

— Вот мы и держимся вместе,— похитители переглянулись между собой.— Разве не так, парни?

— Подождите-ка,— Стив, прищурившись, посмотрел на них.— Я вас знаю. Вы Мак Браун, вы водите грузовик на ярмарку, что у залива. А вы, вы Сэм Нэш, вы тоже работаете на ярмарке. Вы все с этой ярмарки, вы все местные ребята, вам не следовало так поступать. Душная ночь и все такое. Ладно, остановитесь у следующего перекрестка, выпустите меня, и, клянусь Богом, я никому ничего об этом не расскажу.— Он улыбнулся им широкой, великодушной улыбкой.— Я-то *знаю*. Кровь горячая кипит и все та-

кое. Но мы же все земляки, а кто это там на переднем сиденье рядом с Маком?

В тусклом свете огонька сигареты он разглядел повернувшееся к нему лицо.

— Что, да это же...

— Билл Колум. Привет, Стив.

— Билл, мы же вместе с тобой в школу ходили!

Лицо Колума в мигающем от ветра свете стало жестким.

— Я никогда не делал того, что делал ты, Стив. И ты мне противен.

— Если все из-за Лавинии Уолтерс, чертовой негритоски, то это глупо. Я ничего ей не сделал.

— Ты ничего не сделал и дюжине остальных, которые перебивали у тебя за несколько лет.

Мак Браун глядел вперед, не отпуская руль, его сигарета свесилась, прилипнув к губе.

— Я ничего не знаю, я забыл. А насчет этой Лавинии расскажи-ка мне, очень хочется еще раз послушать.

— Она была нахальной черной бабенкой,— сказал Сэм, сидевший на заднем сиденье, подпирая Стива.— Да, ей даже хватило наглости прогуляться вчера по Главной улице с маленьким ребенком на руках. И знаешь, Мак, что она говорила громко и вслух, чтобы каждый белый

ее услышал? Она говорила: «Это ребенок Стива Нолана!»

— Ну разве не *дрянь*, а?

Они уже свернули на проселочную дорогу и ехали теперь в сторону ярмарочной площади, переваливаясь через ухабы.

— Это еще не все. Она заходила в каждый магазин, куда годами не ступала нога ни одного нигтера, она стояла среди людей и говорила: «Гляньте-ка сюда, это ребенок Стива Нолана. Стива Нолана».

Пот струился по лицу Стива. Он попытался было вырваться. Но Сэм просто посильнее сдвинул ему горло, и Стив затих.

— Продолжай,— проговорил Мак на переднем сиденье.

— Вот как все это случилось: однажды под вечер Стив катался на своем «форде» по проселочной дороге и тут увидел симпатичнейшую из цветных женщин, Лавинию Уолтерс, которая шла по обочине. Он остановил машину и сказал ей, что, если она не сядет к нему в автомобиль, он сообщит в полицию, что она украла у него бумажник. Она испугалась и позволила ему на целый час увезти себя далеко в болота.

— *Так* все было? — Мак Браун ехал мимо ярмарочных палаток. Это была ночь понедельника, и на ярмарочной площади было безлюдно и темно, лишь палатки тихо хлопали на теп-

лом ветру. Кое-где тускло горели синие фонари, бросая призрачный свет на огромные придорожные вывески.

Рука Сэма Нэша мелькала перед носом Стива, похлопывая его по щекам, щипая и проверяя его подбородок, осторожно, одобрительно щипая кожу на его руках. И тут впервые в свете голубых фонарей Стив заметил татуировки на руках Сэма, и он знал, что татуировки у Сэма наколоты по всему телу, потому что он был ярмарочным Татуированным Человеком. И пока они сидели вот так, в машине с заглушенным двигателем, в конечном пункте своего пути, истекая потом в ожидании, Сэм заканчивал свой рассказ:

— Так вот, наш Стив заставил Лавинию дважды в неделю встречаться с ним на болотах, иначе, как он сказал, он ее сдаст. Она знала, что раз она цветная, у нее мало шансов противостоять слову белого человека. И вот вчера она проявила несравненную смелость и вышла на главную улицу города, говоря всем и каждому, *всем и каждому*, заметьте: «Это ребенок Стива Нолана!»

— Этой женщине оставалось только повеситься,— Мак Браун обернулся и посмотрел на людей, сидящих сзади.

— Она и повесилась, Мак,— заверил его Сэм.— Но мы несколько забегаем вперед. После того, как она прошла через весь город, расска-

зывая эту печальную новость всем и каждому, она остановилась перед бакалейной лавкой Симпсона, прямо у веранды, где все сидят, и там стояла дождевая бочка. И она взяла своего ребенка и опустила его с головой в воду и смотрела, как поднимаются пузырьки. А потом сказала, в последний раз: «Это ребенок Стива Нолана». Затем она повернулась и ушла, ушла с пустыми руками.

Вот такой рассказ.

Стив Нолан ждал, что его застрелят. Сигаретный дым лениво витал по салону машины.

— Я... я тут ни при чем, она сама повесилась вчера ночью,— сказал Стив.

— А она все же *повесилась*? — спросил Мак.

Сэм пожал плечами:

— Сегодня утром ее нашли в ее халупе у реки. Некоторые говорят, что она покончила с собой. Но другие утверждают, что кто-то к ней приходил и повесил ее, чтобы это было похоже на самоубийство. Итак, Стив...— Сэм слегка хлопнул его по груди.— *По-твоему*, какая из этих историй правда?

— Она сама повесилась! — закричал Стив.

— Тс-с-с. Не так громко. Мы слышим тебя, Стив,— раздался негромкий голос.

— А вот как мы думаем, Стив,— сказал Билл Колум.— Ты пришел в дикую ярость, когда она посмела назвать твое имя и утопила твоего ре-

бенка прямо на Главной улице. И тогда ты расправился с ней навсегда и думал, что никто никогда тебя не потревожит.

— Вам должно быть стыдно,— Стив вдруг заговорил с напускной храбростью.— Ты не настоящий южанин, Сэм Нэш. Отпусти меня, черт возьми.

— Стив, позволь мне кое-что тебе сказать...— И одним движением руки Сэм сорвал с белой рубашки Стива все пуговицы.— Мы очень странные южане. И нам не нравятся такие, как ты. Мы давно уже наблюдаем за тобой, Стив, и думаем, что с тобой делать, но с сегодняшней ночи мы больше не в силах думать о тебе.— Он сорвал со Стива остатки рубашки.

— Вы собираетесь высечь меня кнутом? — спросил Стив, глядя на свою обнаженную грудь.

— Нет. Мы приготовили кое-что получше,— Сэм сделал резкий жест головой.— Ведите его в палатку.

— Нет!

Но его уже выдернули из машины и потащили в темную палатку, над которой висел фонарь. Во все стороны заплясали тени. Похитители ремнями привязали Стива к столу и встали вокруг, загадочно улыбаясь про себя. Над головой Стив увидел вывеску: «ТАТУИРОВКИ! ЛЮБОЙ РИСУНОК, ЛЮБОЙ ЦВЕТ!» Он почувствовал подступающую тошноту.

— *Угадай*, что я с тобой сделаю, Стив? — Сэм закатал рукава, обнажая волосатые руки с наколотыми на них длинными красными змеями. Послышалось звяканье инструментов и бульканье перемешиваемой жидкости. Лица похитителей склонились над Стивом с неподдельным интересом. Стив недоуменно заморгал глазами, и вывеска «ТАТУИРОВКИ» поплыла и растворилась в воздухе нагретой палатки. Стив глядел на эту вывеску и не мог отвести взгляда. «ТАТУИРОВКИ. Любой цвет. ТАТУИРОВКИ. Любой цвет».

— Нет! — вскричал он. — Нет!

Но они уже отпустили ремни на его ногах и ножницами срезали брюки. Он лежал совершенно голый.

— Да, да, Стив, *ga!*

— Вы не можете этого сделать!

Он уже понял, что они собираются сделать. И начал визжать.

Едва Стив успел крикнуть: «На помощь!» — Сэм спокойно и осторожно залепил губы Стива клейкой лентой.

В руках у Сэма Стив разглядел блестящую серебряную иглу для татуировки.

Сэм склонился к нему, близко-близко. Он говорил настойчиво и спокойно, словно рассказывая что-то по секрету маленькому ребенку.

— Вот что я собираюсь сделать с тобой, Стив. Сначала я раскрасшу твои руки до плеч в черный

цвет. Потом я раскрашу твоё тело в чёрный цвет. А потом я выкрашу твои ноги в чёрный цвет. И наконец, мой друг Стив, я вытатуирую тебе лицо. В чёрный цвет. Самый чёрный, какой только бывает в природе, Стив. Чёрный, как чернила. Чёрный, как ночь.

— М-м-м-м-м-м,— завыл Стив с заклеенным ртом.

Крик выходил через ноздри, придушенный крик. Его легкие разрывались от крика, его сердце разрывалось от крика.

— А когда мы закончим,— продолжал Сэм,— ты сможешь спокойно вернуться домой, собрать вещи и убраться из своей квартиры. Никто не захочет, чтобы в ней жил черномазый. И не важно, как ты таким стал, Стив. Ну, ну, не дрейфь, это почти не больно. Я так и вижу, как ты, Стив, возможно, переедешь жить в негритянский район. Будешь жить там один. Твой домовладелец не станет держать тебя у себя: новые постояльцы могут подумать, что ты ниггер, который врет, что у него была белая кожа. Домовладелец не может позволить себе рисковать клиентами, так что ты окажешься на улице. Возможно, ты пойдешь на Север. Устроишься на работу. Не такую работу, как сейчас — агент по продаже железнодорожных билетов,— нет. Это будет работа носильщика или чистильщика обуви, а, Стив?

Снова крик. Рвота двумя фонтанами брызнула из ноздрей Стива.

— Сорвите ленту! — приказал Сэм, — иначе он захлебнется.

Сорванная лента обожгла губы.

Когда Стива перестало рвать, похитители снова заклеили ему рот.

— Уже поздно. — Сэм посмотрел на часы. — Пора приступать, если мы хотим покончить с этим делом.

Влажные лица склонились над столом. Понималось негромкое жужжание электрической иглы.

— А будет забавно, — сказал Сэм откуда-то с высоты, вонзая иглу в обнаженную грудь Стива и прошивая ее черными чернилами, — если Стива однажды застрелят за изнасилование. — Он помахал Стиву рукой. — Прощай, Стив. До встречи на задней площадке трамвая!

Голоса стали постепенно затихать. Стив закрыл глаза, где-то глубоко внутри его не прекращался жалобный вой. Он слышал шелест голосов в летней ночи, видел Лавинию Уолтерс где-то в прошлом, идущую по улице с ребенком на руках, видел поднимающиеся из воды пузырьки и что-то, свисающее со стропил, и чувствовал, как игла вгрызается и вгрызается в его кожу, навсегда, навсегда. Он плотно зажмурился, чтобы

побороть панику, и вдруг в голове его остались лишь две совершенно отчетливые мысли: завтра он купит пару новых белых перчаток, чтобы прикрыть руки. А потом? Потом разобьет все зеркала в своей квартире.

Он лежал на столе и ревел всю ночь напролет.

ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ

2003

Я расскажу вам одну историю: хотя вы мне и не поверите, я все-таки ее расскажу. Можно сказать, что это история о таинственном убийстве. С другой стороны, может быть, это история о путешествии во времени, а еще, может статься, это история о мести и, может, о паре-тройке привидений. Вот она.

Я служу мотоциклетным патрульным в полиции Оклахомы на том шоссе, которое обычно именуют Дорога 66, где-то между Канзасом и Оклахома-Сити. За последний месяц на этой дороге, ведущей из Канзас-Сити в Оклахому, были сделаны весьма странные находки.

В начале октября я обнаружил в полях вдоль этой дороги тела мужчины, женщины, молодого человека и двоих детей. Эти тела были разбросаны на участке радиусом более сотни миль,

однако то, как они были одеты, указало мне, что все они были некоторым образом связаны между собой. Каждый из них, по-видимому, был задавлен, но окончательно это так и не было установлено. На телах не было никаких отметин, но все указывало на то, что эти люди были убиты и оставлены недалеко от дороги.

Одежда, которая была на них, не соответствовала той, что мы носим сегодня, в нынешнем месяце, в нынешнем году. Да, да, эта одежда была совсем не похожа на то, что можно купить в магазинах сейчас.

Мужчина, по-видимому фермер, был одет в рабочую одежду: джинсы, поношенную рубашку и потертую шляпу.

Женщина была похожа на обветшавшее пугало, измученное жизнью.

Молодой человек тоже был одет как фермер, только вещи на нем выглядели так, словно он проехал пять сотен миль во время пыльной бури.

Двое детей, мальчик и девочка лет двенадцати, тоже как будто долго бродили по дорогам под проливными дождями и палящим солнцем и погибли во время этих странствий.

Когда я слышу название «Даст Боул» (район пыльных бурь), в памяти всплывают воспоминания, которые мне не принадлежат. Мои отец и мать родились в начале двадцатых годов и застали Великую депрессию, о которой я много

наслышался за всю свою жизнь. Мы, жители центральной части Америки, все с болью пережили этот кошмар, виденный нами в кино: огромные тучи пыли, вздымающиеся и несущиеся над землей, сметая на своем пути постройки и уничтожая посевы.

Я столько слышал об этом и так часто видел это на экране, что мне кажется, будто я жил в то время. Вот одна из причин, почему мне показалось столь странным, что я обнаружил тела этих людей.

Несколько дней назад я проснулся среди ночи, часа в три, и осознал, что только что плакал неизвестно отчего. Я сел в кровати и понял, что мне снились эти тела, найденные недалеко от дороги, ведущей из Канзас-Сити в сторону границы штата Оклахома.

Тогда я встал и пролистал несколько старых книг, оставшихся мне от родителей, и нашел фотографии «оуки» — оклахомцев, которые подались на запад, тех самых, кого запечатлел Стейнбек в «Гроздьях гнева». Чем дольше я смотрел на эти фотографии, тем больше мне хотелось плакать. Мне пришлось отложить книги и вернуться в постель, но еще долго я лежал без сна, и слезы текли по моему лицу, и я заснул лишь на рассвете.

Я так долго вам об этом рассказывал, потому что это больно ранило мою душу.

Тело старшего мужчины я обнаружил на пустом кукурузном поле, лежащим в канаве; его одежда выгорела на солнце и сморщилась, как в засушливую страдную пору. Я вызвал окружного coronera и продолжил поиски; у меня было тревожное предчувствие, что будут найдены и другие тела. Почему я так решил, по сей день остается для меня великой загадкой.

Женщину я обнаружил в тридцати милях отсюда, под канализационной трубой, и на ней тоже не было никаких следов насилия, казалось, она умерла от внезапно поразившего ее в ночи невидимого удара молнии.

Еще пятьюдесятью милями дальше лежали тела детей и молодого человека.

Когда всех их собрали вместе, словно мозаику-головоломку, в комнате окружного coronera, мы осматривали их с чувством какой-то страшной утраты, хотя эти люди были нам не знакомы. Но отчего-то нам казалось, будто мы видели их раньше и даже очень хорошо их знали, поэтому мы так скорбели об их смерти.

Все это дело, наверное, так и осталось бы навсегда страшной загадкой. Однажды после полудня, много недель спустя, я сидел и ждал своей очереди в парикмахерской, листая пачку журналов. Открыв старый номер одного журнала, я наткнулся на страницу с фотографиями, взглянув на которые я подскочил на месте и швыр-

нул журнал об стену, но потом поднял его, ругаясь про себя: «Черт! О боже! Черт возьми!»

Зажав в руке журнал, я пулей выскочил на улицу.

Ибо фотографии «оуки» в этом журнале были — о господи! — это были фотографии тех самых людей, тела которых я нашел у дороги!

Однако, вчитавшись, я понял, что эти фото были сделаны всего несколько недель назад в Нью-Йорке и на них были изображены люди, одетые в стиле «оуки».

Одежда на них была новой, но нарочно сделана так, чтобы выглядеть пыльной и поношенной, и любой желающий может прийти в универмаг и купить эти старые вещи по новым ценам и мысленно перенестись на шестьдесят лет назад.

Не знаю, что произошло со мной потом. Я словно ослеп: жар бросился мне в голову, глаза налились кровью. Я услышал чей-то неистовый крик, это был мой крик:

— Черт! О боже!

Скомкав журнал, я пристально поглядел на свой мотоцикл.

Ночь была холодная, но я почему-то был уверен, что мне необходимо ехать куда-то на своем мотоцикле. Я долго гнал его сквозь осеннюю непогоду, изредка останавливаясь. Я не знал, где я, мне было все равно.

А теперь я расскажу вам еще кое-что, чему вы не поверите, хотя, когда я расскажу до конца, может, и поверите.

Вы когда-нибудь попадали в действительно большую бурю? Таковую, какие проносились над Канзасом и Оклахомой в тридцатые. Глядя на фотографии или слыша это название, вряд ли вы можете представить себе, каково это, когда люди, застигнутые диким ветром, не видят перед собой горизонта, не знают даже, который час. Ветер дул с такой силой, что сметал с лица земли фермы, срывал крыши домов, опрокидывал мельницы. Буря уничтожила множество проселочных дорог, которые обращались в месиво рыжей грязи.

Во всяком случае, посреди такой бури, когда пыль режет глаза и забивает уши, вы теряете ориентацию и забываете, какой сейчас день или год, и гадаете, не случится ли с вами что-нибудь страшное, а может, оно не так уж и страшно, но оно случается, оно уже происходит с вами.

Вот такая огромная буря ревела вокруг, и, когда она налетела, я ехал по дороге на своем мотоцикле. Мне пришлось остановиться, поскольку я решительно ничего не видел. Я стоял вот так, и солнце садилось в тучи пыли под завывание ветра, и мне впервые было страшно. Я даже не знал, отчего мне было страшно, но я долго стоял и ждал рядом со своим мотоциклом, и наконец, когда ветер вдруг как-то разом улегся, на

восточном горизонте показался какой-то старый драндулет, который медленно-медленно тащился по Дороге 66; это был открытый автомобиль, заднее сиденье которого было завалено тюками, сбоку примостился пузырь с водой, из радиатора валил дым, а ветровое стекло было покрыто таким слоем пыли, что человеку за рулем приходилось вести машину почти стоя, чтобы видеть поверх стекла дорогу.

Еле переваливаясь, машина поравнялась со мной, и тут у нее как будто кончился бензин. Человек за рулем посмотрел на меня, а я на него. Он был, даже сидя, высокого роста, лицо худое и руки на руле худые. На голове у него была мятая шляпа, а на лице трехдневная щетина. Глаза его смотрели так, словно он вечно скитался среди ночной бури.

Он ждал, что я заговорю первым.

Я подошел и, не найдя ничего другого, спросил:

— Вы заблудились?

Он посмотрел на меня своими спокойными серыми глазами. Его лицо не шевельнулось, двигались лишь губы:

— Нет, пока нет. Это «Даст Боул»?

От неожиданности я отступил назад и произнес:

— Я не слышал этого названия с тех пор, как был еще мальчишкой. Да, это «Пыльная Буря».

— А это Дорога шестьдесят шесть?

Я кивнул.

— Я так и предполагал,— сказал он.— Значит, если я поеду дальше, то приеду туда, куда мне нужно?

— А куда вам нужно?

Он взглянул на мою полицейскую форму и как-то сразу ссутулился.

— Думаю, мне нужно в полицейский участок.

— Зачем? — спросил я.

— Потому что,— продолжал он,— кажется, мне нужно сдать властям.

— Ну что ж, может быть, вы сдадитесь мне. Но зачем вы хотите это сделать?

— Потому что,— сказал он,— кажется, я убил несколько человек.

Я оглянулся назад и посмотрел на дорогу, над которой оседала пыль.

— Вон там? — спросил я.

Медленно-медленно он оглянулся и покачал головой.

— Точно, там.

Вдруг снова поднялся ветер, сгустив тучи пыли.

— Давно? — спросил я.

Он закрыл глаза.

— Где-то несколько недель назад.

— Что за люди? — спрашивал я.— Вы убили их? Сколько их было?

Он открыл глаза, его ресницы дрожали.

— Четверо, нет, пятеро. Да, пятеро, все мертвы. Отмучились. Вы принимаете мою явку с повинной?

Я колебался: что-то тут было не так.

— Это было бы слишком просто. Вы должны рассказать подробнее.

— Ну что ж,— заговорил он.— Не знаю, как вам рассказать, но я очень долго ехал по этой дороге. Наверное, много лет.

«Много лет,— подумал я.— Мне тоже так показалось, что он много лет ехал по дороге».

— И что было потом? — спросил я.

— Эти люди вдруг оказались на моем пути. Один из них выглядел как мой отец, женщина была похожа на мою мать, когда та была еще совсем молодой, а третий человек выглядел как мой брат, только он давно умер. Тогда у меня были еще брат и сестра, и они тоже были здесь. Черт, все это было так странно.

— Пятеро? — переспросил я. И вспомнил, что произошло недавно и эти пять трупов, найденных мной на дороге между Канзас-Сити и Оклахомой.— Пятеро?

Он кивнул.

— Именно так.

— Ну и,— продолжал я,— что они такого сделали? Почему вы решили убить их?

— Они просто шли по дороге,— сказал он.— Не знаю, как они туда попали, но их одежда и

внешний облик... я сразу понял: что-то тут не так, — я должен был остановиться и прикончить каждого из них, покончить с ними раз и навсегда. Я просто обязан был это сделать.

Он посмотрел на свои руки, крепко сжимавшие рулевое колесо.

— Автостопперы? — спросил я.

— Не совсем, — ответил он. — Хуже. Автостопперы люди нормальные, они просто куда-нибудь едут. Но эти, мне кажется, они браконьеры. Захватчики собственности, преступники, грабители или что-то в этом роде. Мне трудно объяснить.

Он снова оглянулся и посмотрел на дорогу, над которой едва заметно опять начинала кружиться пыль.

— С вами было такое, что в воскресный день вы выходите из церкви, чувствуя очищение, словно у вас появился еще один шанс, и вот вы стоите рядом со своими близкими — заново родившийся, возликовавший, как говорит проповедник, — и вдруг среди бела дня с другого конца города приезжают какие-то люди в черных костюмах и гасят вас, я имею в виду, гасят вашу радость своими сатанинскими улыбками, и вот вы стоите рядом со своими близкими и чувствуете, как радость ваша тает, будто весенний снег, а те, увидев, что ваша радость погасла, уезжают прочь — беспардонно, как будто так оно и надо, что они погасили вашу радость?

Водитель замолчал, закрыв глаза и подытоживая что-то в уме, и наконец выпалил:

— Ну разве это, не знаю, разве это не... — и тут он нашел верное слово, — ...богохульство?

Я помолчал, подумал, а затем согласился:

— Пожалуй, так.

— Мы ничего не сделали, просто стояли, только что заново рожденные, а они мимоходом нас погасили.

— Богохульство, — повторил я.

— Мне было всего десять лет, но впервые в жизни мне тогда захотелось схватить мотыгу и соскрести улыбки с их лиц. И вот ты стоишь, словно донага раздетый. Они украли лучший момент твоего воскресенья. Вам не кажется, что я имел право сказать типа: возвращайте мое кровное, отдавайте, я забираю у вас пиджак, снимаю с вас эти штаны и шляпу тоже, да, и шляпу?

— Пятеро, — произнес я. — Пожилой мужчина, женщина, молодой человек и двое детей. Знаю.

— Тогда вы знаете, о чем я говорю. Они были одеты в такую одежду... Странно, они были одеты так, будто прошагали через всю «Даст Боул», пробыли там долгое время, может даже жили под открытым небом и ночью спали на ветру, и пыль пропитывала их одежду, а лица их казались исхудавшими, и тогда я посмотрел на старика и сказал: «Ты не мой отец». И старик ни-

чего не ответил. Я посмотрел на женщину и сказал: «Ты не моя мать», и она тоже ничего не ответила. Я посмотрел на своего младшего брата и сестренку и сказал: «Я никого из вас не знаю. С виду вы такие же, но внутри совсем не то. Что вы делаете на этой дороге?» Вот, и они ничего не ответили. Им было как будто, не знаю, стыдно что ли, но они не ушли с дороги. Так и стояли перед моей машиной, и я понял: если я что-нибудь не сделаю, они не позволят мне ехать дальше, в Оклахома-Сити. Стало быть, вы знаете, что я сделал?

— Прикончил их,— ответил я.

— *Прикончил* — хорошее слово. «Надо сорвать с них одежду,— думал я про себя.— Они не достойны ее носить. Содрать с них кожу,— думал я,— потому что они не достойны выглядеть, как мои мать, отец, братья и сестра». Тогда я чуть нажал на газ, и машина тронулась, но они не сдвинулись с места и не могли вымолвить ни слова от стыда, и тут налетел ветер, и я пустил машину вперед. Я поехал, и они попадали под колеса, и я проехался прямо по ним, а потом оглянулся, надеясь, что днищем машины с них сорвало одежду, но нет, на них по-прежнему была одежда, которой они не достойны, и они лежали там, на дороге: я не знал, мертвы они или нет, но надеялся, что мертвы. Я вылез из машины, вернулся, подобрал их одного за другим и

покидал на заднее сиденье, а потом поехал дальше по дороге, над которой поднимались тучи пыли, вытаскивал и клал одного там, другого здесь и так далее, но к тому времени они уже совсем перестали быть похожими на моих родных. Странная история, правда?

— Странная,— сказал я.

— Ну вот,— произнес он,— это все. Я все рассказал. Вы меня арестуете?

Я посмотрел ему в лицо, потом на дорогу и подумал о трупах, которые все еще лежат в кабинете коронера в Топеке.

— Я подумаю,— сказал я.

— Что это значит? — спросил он.— Я же все рассказал. Я виновен. Я убил их.

Я молчал. Ветер все поднимался, взметая облака пыли.

— Нет,— наконец произнес я.— Странно, но мне не кажется, что вы виновны. Не знаю почему, но я так не считаю.

— Ладно, уже поздно,— сказал он.— Хотите проверить мое удостоверение личности?

— Если вы хотите мне его показать,— согласился я.

Он вытащил из кармана потертый бумажник и протянул мне. В нем не было водительского удостоверения, только старая карточка с фамилией, которую я не совсем разобрал, но она показалась мне знакомой, что-то из газет, печатав-

шихся задолго до моего рождения. По моей спине пробежала нешуточная дрожь, и я спросил:

— И куда вы теперь, после этого, направляетесь?

— Не знаю,— сказал он.— Но теперь я чувствую себя намного лучше, чем в начале пути. А что там впереди?

— То же, что и всегда,— ответил я.— Калифорния, открытки, апельсины, лимоны, может быть, государственные резиденции, мотели-бунгало.— Я вернул ему карточку и бумажник.— Впереди, в десяти милях отсюда, есть полицейский участок. Если к тому времени, когда вы до него доберетесь, у вас еще будет желание сдать-ся властям, сделайте это там, а меня увольте.

— Почему? — спросил он, глядя на меня своими спокойными, серыми, немигающими глазами.

— Я знаю только, что иногда некоторые люди не достойны носить одежду, которую они носят, и иметь лица, которые они имеют. Некоторые люди,— помолчав, добавил я,— встают у вас на пути.

— Но я действительно медленно ехал,— произнес он.

— А они не посторонились.

— Верно,— сказал он.— Я просто переехал их и все, и мне стало от этого легче. Ладно, кажется, мне пора ехать дальше.

Я посторонился и пропустил машину. Она поехала по дороге, я видел склонившегося над рулем водителя, его руки на баранке и пыль, клубящуюся вслед за автомобилем, который удалялся в сумерках.

Минут пять я стоял и глядел ему вслед, пока он не скрылся из виду. К этому времени поднялся ветер, и глаза забились пылью. Я не знал, где я, не знал, плачу ли я. Я вернулся к своему мотоциклу, сел, нажал на газ, развернулся и помчался в другую сторону.

ДЕЛО ВКУСА

1952

Я почти летел по небу, когда серебристый корабль начал спускаться на нас. Меня несло сквозь большие деревья на огромной утренней паутине, а рядом со мной были друзья. Наши дни протекали всегда одинаково и приятно, и мы были счастливы. Но не менее счастливы мы были, увидев, как из космоса на нас падает серебристая ракета. Ибо это означало новый, хотя и вполне обдуманный поворот нити в нашем тканом узоре, и мы чувствовали, что сумеем приспособиться к этому рисунку, как миллионы лет приспособлялись к любым виткам и завиткам.

Мы — старая и мудрая раса. Одно время мы рассматривали возможность космических путешествий, но отказались от этой идеи, поскольку тогда совершенство, к которому каждый из нас стремится, оказалось бы разорванным в клочья,

словно паутина в жестокую бурю, и стотысячелетняя философия прервалась бы как раз в тот момент, когда она принесла самый спелый и прекраснейший из своих плодов. Мы решили остаться здесь, в нашем мире дождей и джунглей, и жить себе мирно и свободно.

Но теперь... этот серебристый корабль, спустившийся с небес, заставлял нас волноваться в предчувствии тихого приключения. Ибо сюда прибыли путешественники с какой-то другой планеты, которые избрали путь диаметрально противоположный нашему. Ночь, говорят, может многому научить день, а солнце, продолжают, может зажечь луну. И вот я и мои друзья счастливо и плавно, как в сказочном сне, стали спускаться на поляну среди джунглей, где лежала серебристая капсула.

Не могу не описать этот день: огромные паутинные города сверкали от прохладных дождевых капель, деревья стояли, омытые свежими струями падающей воды, и ярко светило солнце. Я только что разделил с другими сочную трапезу, отведал прекрасного вина жужжащей лесной пчелы, и теплая истома умеряла мое волнение, делая его еще более сладостным.

Однако... странное дело: в то время как все мы, числом около тысячи, собрались вокруг корабля, всячески выказывая свое дружеское и доброжелательное отношение, корабль оставал-

ся неподвижным и наглухо запечатанным. Двери его не открылись. В какой-то момент мне показалось, будто в небольшом отверстии наверху мелькнуло какое-то существо, но, возможно, я ошибся.

— По какой-то причине,— сказал я своим друзьям,— обитатели прекрасного корабля не осмеливаются выйти наружу.

Мы стали это обсуждать. И решили, что, возможно,— а природа суждений существ из других миров вполне может отличаться от нашей,— что, возможно, они почувствовали себя в подавляющем меньшинстве по сравнению с нашей гостеприимной делегацией. Это казалось маловероятным, но тем не менее я передал всем остальным это чувство относительно нас, и менее чем через секунду джунгли всколыхнулись, гигантские золотые сети паутины задрожали, и я остался один возле корабля.

После этого я одним махом приблизился к отверстию и громко вслух произнес:

— Мы приветствуем вас в наших городах и на наших землях!

Вскоре я с радостью заметил, что внутри корабля работают какие-то механизмы. Минуту спустя вход открылся.

Но оттуда никто не вышел.

Я дружелюбно позвал.

Не обращая на меня внимания, существа внутри корабля вели какой-то оживленный разговор. Разумеется, я ничего не понял из сказанного, поскольку он велся на незнакомом языке. Но сутью его были замешательство, некоторое раздражение и огромный, непонятный для меня страх.

У меня прекрасная память. Я помню этот разговор, который ничего не значил и до сих пор ничего не значит для меня. В моем мозгу хранятся слова. Мне стоит лишь вытащить их оттуда и передать вам:

— Ты пойдешь наружу, Фриман!

— Нет, *ты*!

Потом следует нерешительное бормотание вперемешку с опасениями. Я уже готов был повторить свое дружеское приглашение, но тут одно из существ осторожно высунулось из корабля и замерло, глядя на меня снизу вверх.

Чудно. Это существо тряслось от смертельного страха.

Это мгновенно обеспокоило и заинтриговало меня. Я не мог понять этой бессмысленной паники. Я, без сомнения, спокойный и благородный индивид. Этому гостю я не причинил никакого вреда; на самом деле, последнее вредоносное орудие прогремело над нашим миром давным-давно. И вот теперь это существо наста-

вило на меня то, что, как я понял, было металлическим оружием, и при этом дрожало.

Я немедленно успокоил его.

— Я твой друг,— сказал я и повторил, передав в качестве мысли эмоции. Я вложил в свой мысленный послыл теплоту, любовь, обещание долгой и счастливой жизни и послал все это гостю.

Что ж, пусть он не откликнулся на произнесенное мной слово, зато явно отозвался на мой телепатический послыл. Он... расслабился.

— Хорошо,— услышал я его ответ.

Именно это слово он произнес. Я точно помню. Ничего не значащее слово, но за этим символом мысли существа потеплели.

Прошу прощения, но здесь я хочу описать моего гостя.

Он был довольно мал ростом. На мой взгляд, не более шести футов, голова держалась на коротком стебельке, у него было всего четыре конечности, две из которых он, похоже, использовал исключительно для ходьбы, остальные же две не использовались для передвижения вовсе, а всего лишь для того, чтобы *держат* предметы и жестикулировать! С невероятным изумлением я заметил отсутствие еще одной пары конечностей, столь необходимых для нас и столь полезных. Однако это существо, похоже, совершенно комфортно чувствовало себя в своем те-

ле, так что я принял его как есть, в том виде, в каком оно принимало самого себя.

Это бледное, почти безволосое творение было наделено необычайными по своей эстетике чертами, в особенности рот, а глаза были впалыми и на удивление выразительными, как полу-денное море. В общем, это было странное существо, столь же занятное, как новое, захватывающее приключение. Оно бросало вызов моему пониманию вкуса и моей философии.

Я мгновенно внес поправки.

Вот какие мысли я передал своему новому другу:

— Мы все твои отцы и твои дети. Мы с радостью приглашаем тебя в наши великие древесные города, посвящаем в нашу соборную жизнь, в наши тихие обычаи и в наши мысли. Ты будешь спокойно ходить среди нас. Не надо бояться.

Я услышал, как он воскликнул вслух:

— Господи! Это чудовищно! Семифутовый паук!

После этого с ним случился какой-то приступ, припадок. Из рта хлынула жидкость, ужасная дрожь сотрясла его тело.

Я почувствовал сострадание, жалость и грусть. Это бедное существо отчего-то почувствовало себя плохо. Оно упало, его лицо, и без того бе-

лое, сделалось теперь совсем белым. Существо задыхалось и дрожало.

Я двинулся к нему, чтобы помочь. Но скорость, с какой я совершил это движение, почему-то встревожила тех, кто был внутри корабля, ибо как только я поднял упавшее существо, чтобы оказать ему помощь, внутренняя дверь корабля распахнулась. Оттуда выскочили другие существа, подобные моему другу, они кричали, в смятении и страхе размахивая серебряными орудиями.

— Он напал на Фримана!

— Не стреляй! Идиот, ты попадешь в Фримана!

— Осторожней!

— Боже!

Таковы были их слова. Для меня они бессмысленны даже теперь, но я их помню. Однако в них я чувствовал страх. От него накалялся воздух. Он обжигал мой разум.

Мой мозг очень быстро соображает. В мгновение ока я бросился вперед, положил существо туда, где оно лежало, в досягаемости остальных, и беззвучно удалился из их жизненного пространства, совершая мысленный посыл: «Он ваш. Он мой друг. Вы все мои друзья. Все хорошо. Я помогу ему и вам, если смогу. Он болен. Позаботьтесь о нем как следует».

Они стояли, пораженные. В их мыслях царило изумление, смешанное с чем-то вроде шока. Они спрятали своего друга внутрь корабля и выглядывали наружу, таращась на меня снизу вверх. Я послал им свою дружбу, словно теплый морской ветерок. И улыбнулся.

Затем я вернулся в город алмазных паутин, в наш прекрасный город, раскинувшийся меж высоких деревьев, под солнцем, в прохладных небесах. Начинал накрапывать новый дождь. Когда я добрался до дома, где жили мои дети и дети моих детей, откуда-то снизу, издалека, до меня донеслись слова, и я увидел, что существа стоят в дверях своего корабля и смотрят на меня. Слова их были такие:

— Надо же, они дружелюбные. Дружелюбные пауки.

— Как это может быть?

В отличном расположении духа я принялся ткать этот ковер и этот рассказ, вплетая в него плоды диких лимонных слив, персиков и апельсинов, развешанных на золотых нитях паутины. Получился неплохой узор.

Прошла ночь. Прохладные капли дождя падали, омывая наши города и повисая на их нитях светлыми бриллиантами. Я сказал своим друзьям: пусть корабль лежит там сам по себе, пусть существа, которые в нем, привыкнут к нашему

миру, в конце концов они осмелятся выйти наружу, и мы подружимся, их страх рассеется без следа, как рассеиваются любые страхи, когда вокруг любовь и дружеское тепло. Нашим двум культурам будет чему поучиться друг у друга. Им, молодым и бесстрашно отправляющимся в глубь космоса в металлических зернышках, и нам, старым, спокойным, висящим в ночи на нитях своих городов, благодушно позволяя дождю капать на нас. Мы научим их философии ветра и звезд, поведаем, как растет трава и каково бывает полуденное небо — синее и теплое. Они, без сомнения, захотят об этом узнать. А они, в свою очередь, освежат наши представления рассказами о своей далекой планете, а быть может, о своих войнах и конфликтах, чтобы напомнить нам о нашем собственном прошлом, которое мы, по общему согласию, выкинули в море, как злую игрушку. Оставьте их в покое, друзья, терпение. Через несколько дней все будет в порядке.

Это, несомненно, любопытно. Я говорю о той атмосфере смятения и ужаса, которая неделю не рассеивалась над кораблем. Глядя из наших уютных древесных жилищ в небесах, мы снова и снова наблюдали, как эти существа тарашатся на нас. Я перенесся разумом внутрь их корабля и услышал их разговоры, и хотя я не мог угадать их смысл, тем не менее мог уловить эмоциональное содержание:

— Пауки! Боже мой!

— Здоровенные! Твоя очередь идти наружу, Негли!

— Нет, только не я!

Это случилось после полудня на седьмой день: одно из существ отважилось выйти наружу в одиночку, без оружия и позвало, чтобы я спустился. Я откликнулся и, с теплым чувством и с добрым намерением, послал ему дружеское приветствие. Спустя мгновение огромный усыпанный жемчужинами город уже подрагивал, переливаясь на солнце, у меня за спиной. Я стоял перед гостем.

Я должен был это предвидеть. Он бросился бежать.

Я резко остановился, не переставая посылать ему свои самые лучшие и добрые мысли. Он успокоился и вернулся. Я почувствовал, что между ними был какой-то спор, кому идти. И выбрали его.

— Не пугайся,— подумал я.

— Я не пугаюсь,— подумал он на моем языке.

Тут пришла моя очередь удивляться, хотя удивление было приятным.

— Я выучил твой язык,— сказал он вслух, медленно, а глаза его безумно вращались, и губы дрожали.— С помощью машин. За неделю. Ты мне *друт*, правда?

— Конечно.

Я немного присел, так что мы оказались на одном уровне, глядя глаза в глаза. Нас разделяло около шести футов. Он продолжал осторожно отступать назад. Я улыбнулся.

— Чего ты боишься? Надеюсь, не меня?

— О нет, нет,— поспешно ответил он.

Я слышал, как воздух пульсирует от биения его сердца, как стук барабана, словно горячий шепот — торопливый и глубокий.

В своем мозгу, не зная, что я могу прочитать эти мысли, он думал на нашем языке: «Что ж, если меня убьют, команда не досчитается всего одного человека. Лучше потерять одного, чем всех».

— Убьют! — вскричал я в недоумении и изумлении, пораженный этой мыслью.— Зачем, в нашем мире уже сто тысяч лет никто не умирал от насилия. Прошу тебя, выкинь эту мысль из головы. Мы будем друзьями.

Существо мне поверило.

— Мы изучали тебя с помощью инструментов. Телепатических машин. Различных измерительных приборов,— сказало оно.— У вас здесь существует цивилизация?

— Как видишь,— ответил я.

— Твой коэффициент интеллекта,— продолжало оно,— нас поразил. Насколько мы можем видеть и слышать, он превышает двести баллов.

Высказывание было не совсем ясным, однако в нем я снова уловил тонкий юмор и в ответ мысленно послал ему радость и удовольствие.

— Да,— сказал я.

— Я помощник капитана,— сказало существо, по-своему изображая, как я понял, улыбку. Разница только в том, что оно улыбалось горизонтально, вместо того чтобы растягивать рот вертикально, как делаем мы, жители древесного города.

— А где капитан? — спросил я.

— Он болен,— ответил помощник капитана.— Болен со дня нашего прибытия.

— Мне бы хотелось повидаться с ним,— сказал я.

— Боюсь, это невозможно.

— Мне жаль это слышать,— сказал я.

Я мысленно перенесся внутрь корабля и увидел капитана: он лежал на чем-то вроде кровати и бормотал. Он и впрямь был очень болен. Время от времени он вскрикивал. Закрывал глаза и отмахивался от каких-то бредовых видений. «Боже, боже»,— повторял он на своем языке.

— Ваш капитан чем-то напуган? — вежливо осведомился я.

— Нет, нет, нет,— нервно произнес помощник.— Просто неважно себя чувствует. Нам пришлось выбрать нового капитана, который потом

выйдет.— Он боязливо попятился.— Что ж, до встречи.

— Позволь мне показать тебе завтра наш город,— предложил я.— Я всех приглашаю.

Но пока он стоял передо мной, все то время, пока он стоял и разговаривал со мной, внутри его была ужасная дрожь. Дрожь, дрожь, дрожь, дрожь.

— Ты тоже болен? — спросил я.

— Нет, нет,— ответил он, повернулся и побежал внутрь корабля.

Внутри корабля, я почувствовал, ему стало очень плохо.

В горьком недоумении я вернулся в наш небесный город, повисший среди деревьев.

— Какие странные,— думал я,— какие нервные эти пришельцы.

В сумерки, когда я продолжил работу над своим сливово-апельсиновым ковром, снизу до меня долетело одно слово:

— Паук!

Но я сразу забыл о нем, потому что настала пора подняться на вершину города и ждать первого дуновения нового ветра с моря, сидеть там ночь напролет, среди моих друзей, в тишине и покое, наслаждаясь ароматом и прелестью этого ветерка.

Среди ночи я спросил у родительницы моих прекрасных детей:

— В чем же дело? Почему они боятся? Чего им бояться? Разве я не являюсь существом, наделенным добротой, тонким умом и дружелюбным характером?

Ответ был утвердительный.

— Тогда откуда эта дрожь, это болезненное отращивание, эти жестокие приступы?

— Быть может, это как-то связано с их натурностью,— сказала жена.— Я нахожу их необычными.

— Согласен.

— И странными.

— Да, конечно.

— И немного пугающими с виду. Глядя на них, я чувствую себя как-то неловко. Они так отличаются от нас.

— Подумай об этом хорошенько, рассмотри с точки зрения разума, и тогда подобные мысли исчезнут,— сказал я.— Это вопрос эстетики. Просто мы привыкли к самим себе. У нас восемь ног, у них всего четыре, две из которых не используются как ноги вовсе. Необычные, странные, порой неприятные — да, но я сразу же внес поправки с помощью разума. Наши эстетические представления могут изменяться.

— А их, возможно, нет. Может быть, им не нравится, как мы выглядим.

Я рассмеялся, услышав такое предположение.

— Что, пугаться всего лишь внешней видимости? Ерунда!

— Конечно, ты прав. Наверное, тут что-то другое.

— Хотелось бы мне знать,— сказал я.— Хотелось бы знать. Мне хотелось бы как-то их успокоить.

— Не думай об этом,— сказала жена.— Поднимается новый ветер. Слушай. *Слушай*.

На следующий день я взял нового капитана на прогулку по нашему городу. Мы разговаривали часами. Наши умы соприкоснулись. Он был врачевателем душ. Разумным существом. Менее разумным, чем мы, правда. Но не стоит судить об этом предвзято. Я и в самом деле нашел его существом, обладающим острым умом, хорошим чувством юмора, немалыми познаниями и почти без предрассудков. Однако на протяжении всего дня, пока мы гуляли по нашему качающемуся у небесной пристани городу, я чувствовал его внутреннюю дрожь, дрожь.

Но из вежливости я не стал снова поднимать эту тему.

Время от времени новый капитан глотал горсть таблеток.

— Что это за таблетки? — спросил я.

— От нервов,— быстро ответил он.— Всего-навсего.

Я носил его повсюду и, как мог часто, опускал его отдохнуть на какой-нибудь ветке дерева. Затем приходила пора отправляться дальше, и в первый раз, когда я прикоснулся к нему, он испуганно вздрогнул, а лицо его по-своему страшно исказилось.

— Мы ведь друзья, верно? — спросил я его участливо.

— Да, друзья. А что? — Он как будто впервые слышал меня.— Конечно. Друзья. Вы прекрасная раса. Это замечательный город.

Мы разговаривали об искусстве, о красоте, о времени, о дожде и о городе. Он не открывал глаз. Пока он не открывал глаз, мы прекрасно с ним ладили. Наш разговор привел его в волнение, он смеялся и был счастлив, восхищался моим умом и остроумием. Странно, теперь я вспоминаю, что и я лучше чувствовал себя с ним, когда смотрел на небо, а не на него. Любопытное замечание. Он, с закрытыми глазами рассуждающий о разуме, об истории, о прошедших войнах и о проблемах, и я, живо ему отвечающий.

Лишь когда он открыл глаза, в нем снова почти мгновенно появилась отчужденность. От этого мне стало грустно. По-видимому, ему тоже. Потому что он сразу закрыл глаза и продолжил

разговор, и через минуту наши прежние отношения восстановились. Его дрожь прошла.

— Да,— произнес он, не открывая глаз,— мы и впрямь отличные друзья.

— Счастливи́ это слышать,— ответил я.

Я отнес его обратно к кораблю. Мы пожелали друг другу доброй ночи, только он опять дрожал и, вернувшись в корабль, не смог съесть свой ужин. Я знал это, поскольку разум мой был там. Я возвратился к своей семье, чувствуя воодушевление от проведенного с пользой для ума дня, которое, однако, было окрашено доселе неведомой мне печалью.

Мой рассказ подходит к концу. Корабль пробыл с нами еще неделю. Я виделся с капитаном каждый день. Мы провели изумительные часы, беседуя, при этом он всегда отворачивал лицо или закрывал глаза. «Наши миры могли бы неплохо поладить»,— сказал он. Я согласился. Для великого духа дружбы нет преград. Я показывал город разным членам команды, но некоторых из них отчего-то настолько поражало увиденное, что я с извинениями возвращал их в шоковом состоянии обратно к космическому кораблю. Все они казались более худыми, чем когда приземлились. И всех их по ночам мучили кошмары. Поздно ночью, во тьме эти кошмары доносились до меня удушливым облаком.

Сейчас я опишу разговор между членами команды, который я услышал, мысленно присутствуя на корабле в последнюю ночь. Я запомнил его слово в слово, благодаря моей невероятной памяти, и теперь пишу эти слова, которые не имеют для меня никакого смысла, но, возможно, когда-нибудь будут что-то значить для моих потомков. Быть может, я немного нездоров. По какой-то причине я чувствую себя сегодня не совсем счастливо. Ибо этот корабль внизу по-прежнему наполнен мыслями о смерти и ужасом. Не знаю, что принесет с собой завтрашний день, но я, разумеется, не верю, что эти существа имеют намерение причинить нам вред. Несмотря на их мысли, столь мучительные и путанные. Тем не менее я запечатлею этот разговор в узорах ковра, на случай, если произойдет что-нибудь невероятное. Я спрячу этот ковер в лесу, в глубокой могиле, чтобы сохранить его для потомков. Итак, вот каким был этот разговор:

- Как мы поступим, капитан?
- С ними? С этими?
- С пауками, с пауками. Как мы *поступим*?
- Не знаю. Господи, я уже много думал об этом. Они настроены дружелюбно. Они обладают *совершенным* разумом. Они *добрые*. У них нет никакого злого умысла. Уверен, если мы за-

хотим переселиться сюда, использовать их ископаемые, плавать по их морям, летать в их небе, они примут нас с любовью и милосердием.

— Мы все согласны, капитан.

— Но когда я *думаю* о том, чтобы привезти сюда жену и детей...

По его телу пробежала дрожь.

— Этого никогда не будет.

— Никогда.

Дрожь побежала по телам.

— Я не могу представить, что завтра мне снова придется выйти наружу. Еще один день в обществе этих тварей я не выдержу.

— Помнится, когда я был мальчишкой, этих пауков в сарае...

— Господи!

— Но мы же мужчины, а? Здоровые мужики. Нам что, слабо? Мы что, *струсил*?

— Не в этом дело. Это же инстинкт, эстетические представления, зови как хочешь. Вот *ты* лично пойдешь завтра говорить с этим Большим, с этим волосатым гигантом с восемью ногами, с этой машиной?

— Нет!

— Капитан все еще не может оправиться от шока. Никто из нас не притрагивается к еде. Что же будет с нашими детьми, с нашими женами, если даже *мы* такие слабаки?

— Но эти пауки *хорошие*. Они *добрые*. Они великодушные, они обладают всем, чего нам *никогда* не достичь. Они любят всех и каждого, и они любят нас. Они предлагают нам помощь. Они разрешают нам войти в их мир.

— И мы должны войти в него, по многим веским причинам, коммерческим и всем остальным.

— Они наши *друзья!*

— О боже, да.

И снова дрожь, дрожь, дрожь.

— Но у нас с ними никогда ничего не выйдет. Просто они не *люди*.

И вот я здесь, в ночном небе, передо мной почти законченный ковер. Я с нетерпением жду завтрашнего дня, когда капитан снова придет ко мне, и мы будем разговаривать с ним. Я с нетерпением жду, когда придут все эти добрые существа, которые находятся сейчас в таком смятении и непонятной тревоге, но со временем научатся любить и быть любимыми, научатся жить с нами и быть нам добрыми друзьями. Завтра мы с капитаном, я надеюсь, будем говорить о дожде, о небе, о цветах и о том, как это здорово, когда два существа понимают друг друга. Мой ковер готов. Я заканчиваю его последней цитатой на их языке, произнесенной голосами людей в корабле, голосами, которые доносит до меня ветер синей ночи. Голоса эти звучали уже спокойнее, словно смирившись с обстоятельством.

вами, в них больше не было страха. Вот конец моей истории:

— Так вы решили, капитан?

— Нам остается только *одно* решение, сэр.

— Да. Только одно возможное решение.

— *Он не ядовитый!* — сказала жена.

— *Все равно!*

Муж вскочил с места, занес ногу и, весь грожа, трижды топнул по ковру.

Он стоял и смотрел на мокрое пятно на полу.

Его грожь прошла.

**МНЕ ГРУСТНО,
КОГДА ИДЕТ ДОЖДЬ
(ВОСПОМИНАНИЕ)**

1980

В жизни каждого бывает один вечер, как-то связанный со временем, с памятью и песней. Однажды он обязательно должен настать — он придет спонтанно, а закончившись, угаснет и никогда больше не повторится точь-в-точь. Все попытки повторить его обречены на неудачу. Но когда такой вечер приходит, он настолько прекрасен, что запоминаешь его на всю оставшуюся жизнь.

Такой вечер был у меня и нескольких моих друзей-писателей, и произошло это, ох, тридцать пять или сорок лет назад. Все началось с песни под названием «I Get the Blues When It Rains»*. Слышали? Еще бы, если вы принадлежите стар-

* «Мне грустно, когда идет дождь» (англ.), песня Джерри Ли Льюиса.

шему поколению. Молодежь может ДАЛЬШЕ НЕ ЧИТАТЬ. Большинство из того, о чем я буду рассказывать дальше, относится к тем временам, когда вы еще не родились, и связано со всем этим хламом, который мы складываем на чердак нашей памяти и не вытаскиваем до тех пор, пока не настанет тот самый особенный вечер, когда, порывшись в пыльных сундуках и открыв ржавые засовы, память достанет на свет все эти старые, затертые, но отчего-то милые слова, или дешевые, но внезапно ставшие столь драгоценными, мелодии.

Мы собрались в доме моего друга Дольфа Шарпа на Голливудских холмах, чтобы перед ужином почитать вслух свои рассказы, стихи и романы. В тот вечер там были такие писатели, как Санора Бабб, Эстер Маккой, Джозеф Петракка, Вильма Шор, и еще полдюжины других писателей, которые опубликовали свои первые рассказы и книги в конце сороковых — начале пятидесятих годов. Каждый из них пришел с новой рукописью, специально приготовленной для чтения.

Но когда мы вошли в переднюю Дольфа Шарпа, произошла одна странная вещь.

Элиот Греннард — один из писателей старшего поколения, принадлежавших нашей группе, который когда-то был джазовым музыкантом,—

проходя мимо рояля, тронул клавиши, остановился и взял аккорд. Потом еще один. Затем отложил в сторону рукопись, левой рукой взял басы и начал наигрывать старую мелодию.

Все встрепенулись. Элиот взглянул на нас поверх рояля и подмигнул, стоя, пока песня свободно и легко лилась сама собой.

— Узнаёте? — спросил он.

— Боже мой,— воскликнул я,— сто лет не слышал этой песни!

И я начал подпевать Элиоту, а затем песню подхватила Санора, потом Джо, и мы запели: «I get the blues when it rains».

Мы улыбнулись друг другу, и слова зазвучали громче: «The blues I can't lose when it rains»*.

Мы знали все слова и допели песню до конца, а когда закончили, рассмеялись, и Элиот сел на стул и стал наигрывать «I Found a Million Dollar Baby in a Five and Ten Cent Store»**, и мы обнаружили, что все знаем слова и этой песни.

А потом мы запели «China Town, My China Town»***, а затем «Singin' in the Rain»**** — да,

* «Я не могу избавиться от грусти, когда идет дождь...» (англ.)

** «Я встретил девчонку за миллион долларов в дешевом магазине» (англ.), песня Ната Кинга Коула.

*** «Чайна-таун, мой Чайна-таун» (англ.).

**** «Поющие под дождем» (англ.).

да: «Singin' in the rain, what a glorious feelin', I'm happy fgain...»*

После этого кто-то вспомнил «In a little Spanish Town»**: «'Twas on a night like this, stars were peek-a-booin' down, 'Twas on a night like this...»***

А потом вмешался Дольф со своим: «I met her in Monterrey a long time ago, I met her in Monterrey, in old Mexico...»****

Затем Джо запел во все горло: «Yes, we have no bananas, we have no bananas today»*****, которая за пару минут решительно переменила все настроение и почти неизбежно привела к тому, что мы запели «The Beer Barrel Polka»***** и «Hey, Mama, the Butcher Boy for Me»*****.

* «...мы поем под дождем, как прекрасно, я снова счастлив...» (англ.).

** «В испанском городке» (англ.), песня в исполнении Гленна Миллера.

*** «Это было в такую же ночь, как сегодня, звезды выглядывали с небес. Это было в такую же ночь, как сегодня...» (англ.).

**** «Я встретил ее в Монтеррее, это было давным-давно, я встретил ее в Монтеррее, в старой доброй Мексике» (англ.), песня в исполнении оркестра Пола Уйатмана, позднее ее пел Фрэнк Синатра.

***** «Да, у нас нет бананов, у нас нет бананов теперь» (англ.).

***** «Полька пивной бочки» (англ.).

***** «Эй, мама, сын мясника просил моей руки» (англ.).

Никто не помнит, кто принес вина, но кто-то это сделал, однако мы не напились, нет, а выпили ровно столько, сколько надо, потому что главное для нас было петь. Мы просто балдели от этого.

Мы пропели с девяти до десяти вечера, и тут Джо Петракка сказал:

— Ну-ка, расступитесь, сейчас итальяшка будет петь «Фигаро».

Мы расступились, и он спел. Мы стояли очень тихо и слушали, потому что оказалось, у него необычайно хорошо поставленный и приятный голос. Джо исполнил арии соло из «Травиаты», немного из «Тоски», а в завершение спел *Un bel di**. Все время, пока он пел, глаза его были закрыты, и, закончив, он открыл их, удивленно огляделся и произнес:

— Черт побери, дело приобретает серьезный оборот! Кто знает «By a Waterfall» из «Gold-diggers of 1933»?**

Санора сказала, что споет за Руби Килер, а кто-то еще вызвался спеть партию Дика Пауэлла. К тому времени мы уже обшаривали комнаты в поисках бутылок, а жена Дольфа незаметно выскользнула из дома и спустилась на машине

* Ария из оперы Пуччини «Мадам Баттерфляй».

** «У водопада» из «Золотоискателей 1933 года» (англ.).

в город, чтобы купить еще выпивки, потому что ни для кого не было сомнений: будем петь и будем пить.

Затем мы плавно вернулись назад к «You were meant for me, I was meant for you... Angels patterned you and when they were done, you were all sweet things rolled up in one...»* К полуночи мы пропели все бродвейские мелодии, старые и новые, половину мюзиклов студии «XX век Фокс», несколько песен из фильмов «Уорнер Бразерс», приправляя все это различными «Yes, sir, that's my baby, no, sir, I don't mean maybe»**, а также «You're Blasè»*** и «Just a Gigolo»****, после чего резко нырнули в омут старых песен времен наших бабушек и спели чертову дюжину слащаво-елейных мелодий, которые мы, однако, исполнили с наигранной нежностью. Все плохие песни отчего-то звучали хорошо. Все хорошее звучало просто великолепно. А то, что все-

* «Ты создана для меня, я создан для тебя... Сами ангелы создали тебя, и когда их труд был окончен, ты стала воплощением всего самого прекрасного, что есть на свете...» (англ.), песня из мюзикла «Поющие под дождем».

** «Да, сэр, это моя крошка, нет, сэр, я это точно знаю» (англ.), песня Фрэнка Синатры.

*** «Ты устал от жизни» (англ.).

**** «Просто жиголо» (англ.).

гда было потрясающим, теперь казалось умопомрачительно прекрасным.

Около часа ночи мы оставили рояль и, не переставая петь, вышли в патио, где, уже а капелла, Джо исполнил на бис еще несколько арий Пуччини, а Эстер и Дольф исполнили дуэтом «Ain't She Sweet, See Her Comin' Down the Street, Now I Ask You Very Confidentially...»*

В четверть второго мы несколько приглушили голоса, так как позвонили соседи и попросили петь потише, настало время Гершвина. «I Love That Funny Face», а потом «Puttin' on the Ritz»**.

К двум мы выпили немного шампанского и внезапно вспомнили песни, которые наши родители году этак в 1928-м пели в домашних подвалах, в которых устраивались дни рождения, или напевали, сидя теплыми летними вечерами на веранде, в те времена, когда большинству из нас было лет по десять: «There's a Long, Long Trail-a-Winding into the Land of My Dreams»***.

Тут Эстер вспомнила, что ее друг Теодор Драйзер когда-то давно написал очень любимую

* «Ну не красотка ли, вон там, идет по улице, скажи мне правду, ну не красотка ли она?» (англ.)

** «Я люблю это милое личико» и «Оденься с понтом» (англ.).

*** «Долгая, извилистая дорога ведет в страну моих снов...» (англ.).

всеми песню: «O the moon is bright tonight along the Wabash, from the fields there comes the scent of new-mown hay. Through the sycamores the candlelight is gleaming — on the banks of the Wabash, far away...»*

Затем была: «Nights are long since you went away...»**

А потом: «Smile the while I bid you sad adieu, when the years roll by I'll come to you»***.

И «Jeanine, I dream of lilac time»****.

И «Gee, but I'd give the world to see that old gang of mine»*****.

И еще «Those wedding bells are breaking up that old gang of mine»*****.

* «О, ярко светит луна над берегами Уобаш, с лугов поднимается запах свежескошенной травы. Сквозь деревья мерцает тусклый свет огней — там, вдали, на берегах Уобаш...» (англ.), однако написал ее не Теодор Драйзер, а Пол Дрессер.

** «Ночи стали длинны с тех пор, как ты ушел...» (англ.), песня из мюзикла «Я увижу тебя в своих снах» («I'll See You in My Dreams»).

*** «Улыбнись, я шлю тебе прощальный поцелуй, пройдут года, и я к тебе вернусь...» (англ.), песня называется «Мы снова встретимся» («Till We Meet Again»).

**** «Дженни, мне снятся времена сирени» (англ.).

***** «Эх, я отдал бы весь мир, чтобы снова встречаться с моими старыми друзьями» (англ.).

***** «Эти свадебные колокола разлучают старых друзей» (англ.).

И наконец, конечно же: «Should auld acquaintance be forgot...»*

К тому времени все бутылки уже опустели, и мы снова вернулись к «I Get the Blues When It Rains», после этого часы пробили три, и жена Дольфа стояла у открытой двери, держа в руках наши пальто, мы подходили, одевались и выходили в ночь на улицу, шепотом продолжая напевать.

Не помню, кто отвез меня домой и вообще как мы туда добрались. Помню лишь, как слезы высыхали на моих щеках, потому что это был необыкновенный, неоценимый вечер, это было то, чего никогда не бывало прежде и что никогда точь-в-точь не повторится вновь.

Прошли годы, Джо и Элиот давно умерли, остальные же как-то перевалили за свой средний возраст; за годы нашей писательской карьеры мы любили и проигрывали, а иногда выигрывали, иногда мы по-прежнему встречаемся, читаем свои рассказы у Саноры или у Дольфа, среди нас появилось несколько новых лиц, и по крайней мере раз в год мы вспоминаем Элиота за роялем, и как он играл в тот вечер, и мы желали, чтоб это длилось без конца, — в тот вечер, исполненный любви, тепла и красоты, когда все

* «Забыть ли старую любовь?...» (англ.)

эти слащавые, бессмысленные песенки вдруг обрели огромный смысл. Это было так глупо и сладко, так ужасно и прекрасно, как когда Боги говорят: «Сыграй, Сэм», — и Сэм играет и поет: «You must remember this, a kiss is just a kiss, a sigh is just a sigh...»*

Вряд ли это может настолько тронуть. Вряд ли это может быть настолько волшебным. Вряд ли это может заставить тебя плакать от счастья, а потом от грусти, а потом снова от счастья.

Но ты плачешь. И я плачу. И все мы.

И еще одно, последнее воспоминание.

Однажды, месяца через два после того прекрасного вечера, мы собрались в том же доме, и Элиот вошел, прошел за рояль и остановился, с сомнением глядя на инструмент.

— Сыграй «I Get the Blues When It Rains», — предложил я.

Он начал играть.

Но это было не то. Тот вечер ушел навсегда. Того, что было в тот вечер, не было теперь. Были те же люди, то же место, те же воспоминания, те же мелодии в голове, но... тот вечер был особенный. Он навсегда останется таким. И мы бла-

* «Ты должен помнить: поцелуй — всего лишь поцелуй, а вздох — всего лишь вздох...» (англ.). Имеется в виду сцена с Хамфри Богартом в фильме «Каса-бланка».

горазумно оставили эту затею. Элиот сел и взял в руки свою рукопись. После долгого молчания, бросив всего один взгляд на рояль, Элиот откашлялся и прочел нам название своего нового рассказа.

Следующим читал я. Пока я читал, жена Дольфа на цыпочках прошла за нашими спинами и тихо опустила крышку фортепьяно.

ВСЕ МОИ ВРАГИ МЕРТВЫ

2003

На седьмой странице был некролог: «Тимоти Салливан. Компьютерный гений. 77 лет. Рак. Заупок. служба неофиц. Похороны в Сакраменто».

— О боже! — вскричал Уолтер Грипп. — Боже, ну вот, все кончено.

— Что кончено? — спросил я.

— Жить больше незачем. Читай, — Уолтер встряхнул газетой.

— Ну и что? — удивился я.

— Все мои враги мертвы.

— Аллилуйя! — засмеялся я. — И долго ты ждал, пока этот сукин сын...

— ...ублюдок.

— Хорошо, пока этот ублюдок откинет копыта? Так радуйся.

— Радуйся, черта с два. Теперь у меня нет причин, нет причин, чтобы жить.

— А это еще почему?

— Ты не понимаешь. Тим Салливан был настоящим сукиным сыном. Я ненавижу его всей душой, всеми потрохами, всем своим существом.

— Ну и что?

— Да ты, похоже, меня не слушаешь. С его смертью исчез огонь.

Лицо Уолтера побелело.

— Какой еще огонь, черт возьми?!

— Пламя, черт побери, в моей груди, в моей душе, сокровенный огонь. Он горел благодаря ему. Он заставлял меня идти вперед. Я ложился ночью спать счастливый от ненависти. Я просыпался по утрам, радуясь, что завтрак даст мне необходимые силы, необходимые, чтобы убивать и убивать его раз за разом, между обедом и ужином. А теперь он все испортил, он задул это пламя.

— Он *нарочно* сделал это с тобой? Нарочно умер, чтобы вывести тебя из себя?

— Можно сказать и так.

— Я так и сказал!

— Ладно, пойду в кровать, буду снова беречь свои раны.

— Не будь нюней, сядь, допей свой джин. Что это ты делаешь?

— Не видишь, стягиваю простыню. Может, это моя последняя ночь.

— Отойди от кровати, это глупо.
— Смерть — глупая штука, какой-нибудь инсульт — бах, — и меня нет.

— Значит, он сделал это нарочно?

— Не стану валить на него. Просто у меня скверный характер. Позвони в морг, какой там у них ассортимент надгробий. Мне простую плиту, без ангелов. Ты куда?

— На улицу. Воздухом подышать.

— Вернешься, а меня, может, уже и не будет!

— Потерпишь, пока я поговорю с кем-нибудь, кто в здравом уме!

— С кем же это?

— С самим собой!

Я вышел постоять на солнышке.

«Быть такого не может», — думал я.

«Не может? — возразил я себе. — Иди, полюбуйся».

«Погоди. Что делать-то?»

«Не спрашивай меня», — ответило мое второе я. — «Умрет он, умрем и мы. Нет работы — нет бабок. Поговорим о чем-нибудь другом. Это что, его записная книжка?»

«Точно».

«Полистай-ка, должен же там быть кто-то живой-здоровый».

«Ладно. Листаю. А, Б, В! Все мертвы!»

«Проверь на Г, Д, Е и Ж!»

«Мертвы!»

Я захлопнул книжку, словно дверь склепа.

Он прав: его друзья, враги... книга мертвых.

«Это же ярко, напиши об этом».

«Боже мой, ярко! *Придумай* хоть что-нибудь!»

«Погоди. Какие чувства ты испытываешь к нему сейчас? Точно! Вот и зацепка! Возвращаемся!»

Я приоткрыл дверь и просунул голову внутрь.

— Все еще умираешь?

— А ты как думал?

— Вот упрямый осел.

Я вошел в комнату и встал у него над душой.

— Хочешь, чтобы я заткнулся? — спросил Уолтер.

— Ты не осел. Конь с норовом. Подожди, мне надо собраться с мыслями, чтобы вывалить все разом.

— Жду, — произнес Уолтер. — Только давай поскорее, я уже отхожу.

— Если бы. Так вот, слушай!

— Отойди подальше, ты на меня дышишь.

— Ну это же не «рот-в-рот», просто проверка в реальных условиях: так вот, слушай внимательно!

Уолтер удивленно заморгал:

— И это говорит мой старый друг, мой закадычный дружбан?

По лицу его пробежала тень.

— Нет. Никакой я тебе не друг.

— Брось, это же ты, дружище! — широко улыбаясь, проговорил он.

— Раз уж ты собрался помирать, настала пора для исповеди.

— Так ведь это я должен исповедоваться.

— Но сначала я!

Уолтер закрыл глаза и помолчал.

— Выкладывай, — сказал он.

— Помнишь, в шестьдесят девятом была недостача наличных, ты еще тогда подумал, что Сэм Уиллис прихватил их с собой в Мексику?

— Конечно, Сэм, кто же еще.

— Нет, это был я.

— Как так?

— А так, — сказал я. — Моих рук дело. Сэм сбежал с какой-то цыпочкой. А я прикарманил бабки и свалил все на него! Это я!

— Ну, это не такой уж тяжкий грех, — произнес Уолтер. — Я тебя прощаю.

— Подожди, это еще не все.

— Жду, — улыбнувшись, спокойно сказал Уолтер.

— Насчет школьного выпускного в пятьдесят восьмом.

— Да, подпортили мне вечерок. Мне досталась Дика-Энн Фрисби. А я хотел Мэри-Джейн Карузо.

— И ты бы ее получил. Это я рассказал Мэри-Джейн про все твои приключения с бабами, перечислил ей все твои подвиги!

— Ты это *сделал*? — Уолтер вытаращил на меня глаза. — Так это за тобой она увивалась на выпускном?

— Точно.

Уолтер в упор посмотрел на меня, но потом отвел взгляд.

— Ладно, черт с ним, что было, то давно быльем поросло. У тебя все?

— Не совсем.

— О господи! Это становится интересно. Выкладывай.

Уолтер ткнул кулаком подушку и лег, приподнявшись на локте.

— Потом была Генриетта Джордан.

— Бог мой, Генриетта. Красотка. Потрясающее было лето.

— Благодаря мне оно для тебя закончилось.

— *Что?!*

— Она ведь бросила тебя, да? Сказала, что ее мать при смерти и ей надо быть подле мамочки.

— Ты что, сбежал с Генриеттой?

— Точно. Пункт следующий: помнишь, я заставил тебя продать в убыток акции «Айрон-воркс»? На следующей неделе я купил, когда они пошли на повышение.

— Ну, это не страшно,— терпеливо произнес Уолтер.

— Далее,— продолжал я,— Барселона, шестьдесят девятый, я пожаловался на мигрень, отправился спать пораньше и прихватил с собой Кристину Лопес!

— Я частенько на нее заглядывался.

— Ты повышаешь голос.

— Правда?

— Далее, твоя жена! Мы с ней наставили тебе рога.

— Рога?

— Не раз и не два, а раз сорок тебя сделали!

— Замолчи!

Уолтер в бешенстве вцепился в одеяло.

— Раскрой уши! Пока ты был в Панаме, мы с Эбби оттягивались тут по полной!

— Я бы узнал об этом.

— С каких это пор мужья узнают о таких вещах? Помнишь ее винный тур в Прованс?

— Было дело.

— А вот и нет. Она была в Париже и пила шампанское из моих ботинок для гольфа!

— Из ботинок для гольфа?!

— Париж был нашим гольф-клубом! А мы — чемпионами мира! Потом Марокко!

— Но она там никогда не была!

— Была, очень даже была! Рим! Угадай, кто был ее гидом?! Токио! Стокгольм!

— Но ее родители сами были шведами!

— Я вручал ей Нобелевскую премию. Брюссель, Москва, Шанхай, Бостон, Каир, Осло, Денвер, Дейтон!

— Замолчи, о боже, замолчи! Замолчи!

Я замолчал и, как в старых фильмах, отошел к окну и закурил сигарету.

Мне было слышно, как Уолтер плачет. Я обернулся и увидел, что он сидит, свесив ноги с кровати, и слезы капаят с его носа на пол.

— Ты сукин сын! — всхлипнул он.

— Точно.

— Ублюдок!

— В самом деле.

— Чудовище!

— Правда?

— Мой лучший друг! Я убью тебя!

— Сначала поймай!

— А потом воскрешу и снова убью!

— Что это ты делаешь?

— Вылезаю из кровати, черт возьми! А ну, иди сюда!

— Нетушки, — я открыл дверь и выглянул наружу. — Пока.

— Я убью тебя, даже если на это уйдут годы!

— Ха! Послушайте-ка его — *годы!*

— Даже если на это уйдет целая *вечность!*

— Вечность! Это круто! Тада-да-дам!

— Стой, черт возьми!

Уолтер, шатаясь, подошел ко мне.
— Сукин сын!
— Точно!
— Ублюдок!
— Аллилуйя! С Новым годом!
— Что?
— Прозит! Твое здоровье! Кем я тебе давеча был?
— Другом?
— Да, *другом!*
Я рассмеялся смехом врача-терапевта.
— Сукин сын! — прокричал Уолтер.
— Он самый, точно, это *я!*
Я выскочил за дверь и улыбнулся.
— Он самый!
Дверь с грохотом захлопнулась.

СОБИРАТЕЛЬ

2003–2004

Мы встретили собирателя — так он сам себя называл — на корабле, где-то посреди Атлантики, летом 1948 года.

Адвокат из Скенектеди, хорошо одетый, он настоял на том, чтобы угостить нас выпивкой, когда мы случайно встретились с ним перед ужином, а затем уговорил нас сидеть за обедом с ним, а не за нашим обычным столиком.

За обедом он без конца говорил, рассказывая удивительные истории, ужасно смешные анекдоты, и казался нам человеком веселым, жизнерадостным и знающим во всем толк.

Он ни разу не дал нам вставить даже слово, и мы с женой, заинтригованные, нарочно не раскрывая рта, увлеченно слушали, как этот занятный человек описывает свои путешествия по миру, с континента на континент, из страны в

страну, из города в город, собирает книги, строит библиотеки и отводит на этом душу.

Он рассказал нам, как, услышав о знаменитой коллекции книг в Праге, провел чуть ли не месяц, кося по миру на кораблях и поездах, чтобы найти, купить эту коллекцию и привезти ее в свой огромный дом в Скенектеди.

Он бывал в Париже, Риме, Лондоне и Москве и привозил домой десятки тысяч редких томов, которые ему позволяла приобрести его адвокатская практика.

Когда он говорил об этом, его глаза блестели, а лицо наливалось румянцем, который не разжечь никакими крепкими напитками.

Адвокат этот не был похож на хвастуна — он просто описывал, как картограф рисует план местности, карту тех мест, событий и времен, о которых он не мог не рассказывать.

Во время всего разговора он не заказывал таких блюд, которые могли бы отвлечь его внимание. Он почти не притрагивался к огромной тарелке салата, стоящей перед ним, что позволяло ему говорить и говорить без конца: он лишь иногда запихивал в рот полную ложку и, проглотив, снова принимался описывать города и коллекции книг, разбросанные по всему миру.

Каждый раз, когда мы с женой пытались встать между его излияниями, он махал на нас вилкой и закрывал глаза, чтобы мы замол-

чали, а с его губ уже сыпались восторги по поводу очередного чуда.

— Вам знакомы работы сэра Джона Соуна, великого английского архитектора? — спросил он.

И прежде, чем мы успели ответить, затараторил:

— В своих фантазиях и в рисунках, сделанных в соответствии с его техническими требованиями его другом-художником, мистером Гинти, он перестроил заново весь Лондон. Некоторые из его фантазий о Лондоне были действительно воплощены, другие были построены и затем разрушены, а третьи так и остались всего лишь плодом его невероятного воображения.

Я отыскал некоторые из его проектов библиотек, привлек к работе внуков тех инженеров-архитекторов, что работали с Соуном, и построил на принадлежащем мне участке, если можно так выразиться, университет в стиле стипль-чез. В многочисленных зданиях, выстроенных на этих просторных угодьях на окраине Скенектеди, я дал приют великим светилам просвещения.

Прогуливаясь по травяным лугам, а лучше — и гораздо романтичнее — скача верхом от лужайки к лужайке, вы оказываетесь в самой большой в мире библиотеке медицинских наук. Я говорю так, потому что нашел эту библиотеку в Йоркшире, купил все десять тысяч томов и мо-

рем перевез к себе, чтобы она надежно хранилась в моих руках и под моим чутким присмотром. Великие врачеватели и хирурги приезжали ко мне и жили в этой библиотеке, проводя там дни, недели или даже месяцы.

Кроме того, в других зданиях моего поместья расположены небольшие библиотеки-маяки, в которых собраны лучшие романы со всего света.

А еще есть итальянский уголок, увидев который Бернард Беренсон, выдающийся историк итальянского искусства эпохи Ренессанса, от зависти потерял бы сон.

Так что мое поместье, этот университет, представляет собой ряд зданий, разбросанных на площади более сотни акров, где можно провести всю жизнь, ни разу не выехав за пределы моих угодий.

Возьмите любой уик-энд: руководители колледжей, университетов и высших школ Праги, Флоренции, Глазго и Ванкувера собираются, чтобы отведать приготовленных моим шеф-поваром блюд и моих вин и насладиться моими книгами.

Он продолжал описывать, в какую кожу переплетены многие из его книг, расхваливать качество переплетов, бумаги и гарнитур.

Помимо этого он описал, как здорово, что можно вот так запросто посетить многочислен-

ные уголки просвещения, прогуляться по лужайкам, присесть и почитать в обстановке, столь благоприятствующей широкому познанию.

— Теперь вы уже наверняка догадываетесь: сейчас я еду в Париж, откуда поездом отправлюсь на юг, сяду на корабль и поплыву через Суэцкий канал в Индию, Гонконг и Токио. В этих далеких странах меня ожидают еще двадцать тысяч томов по истории искусства, философии и кругосветных путешествий. Я волнуюсь, как школьник, в ожидании завтрашнего дня, когда в моих руках окажется очередное сокровище.

Наконец наш друг-адвокат, похоже, закончил.

Салат съеден, десерт тоже, допиты остатки вина.

Он заглянул в наши лица, словно желая узнать, нет ли у нас вопросов.

У нас их и впрямь накопилось немало, и мы только ждали момент, чтобы заговорить.

Но прежде чем мы успели открыть рот, адвокат снова подозвал официанта и заказал три двойных бренди. Мы с женой запротестовали, но он лишь отмахнулся. Принесли бренди и поставили перед нами на стол.

Адвокат поднялся, внимательно просмотрел счет, расплатился и еще долго стоял, а румянец медленно сходил с его щек.

— Осталась лишь одна вещь, которую мне хотелось бы знать,— наконец произнес он.

На мгновение он закрыл глаза, а когда открыл, в них уже не было огня; казалось, его мысли обращены куда-то за тысячи тысяч миль отсюда.

Он взял свой стакан с бренди, подержал его в руках и наконец сказал:

— Скажите мне одну последнюю вещь.

Помолчал, а затем продолжил:

— Почему мой тридцатипятилетний сын убил свою жену, лишил жизни свою дочь и повесился?

Он выпил бренди, повернулся и, не говоря ни слова, покинул обеденный зал.

Мы с женой долго сидели, закрыв глаза, и вдруг наши руки безотчетно потянулись к еще нетронутому бренди.

Э п и л о г

«ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС» В ВЕЧНОСТЬ ДЛЯ Р. Б., Г. К. Ч. И ДЖ. Б. Ш.

1996—1997

Когда умру, умчит ли в смертный сон
Меня, Шоу, Честертон сей вагон?
Всевышний, сделай так, чтоб мы могли
Сквозь Вечность плыть все дальше от земли
И бесконечный разговор вести,
Глаз не сомкнув, на долгом том пути:
«Ночной тур Честертон», «Шоу-Экспресс» —
Английский завтрак для умов и для сердец,
И мчимся мы сквозь паровозный дым,
Моим внимая снам полночным и дневным.
Вот Шоу с печеньем в банке жестяной:
«Бери, дитя,— кричит.— За мной, за мной!»
Он, словно Божий Глас, с небес возник.
За ним вошли Г. К. и проводник.

Марк Твен и Диккенс по путям бегут:
«Постойте! Дерните стоп-кран!», — орут.
«И так стоим! — Шоу хмыкнул. — По местам!»
Вслед Заповеди Божьей, данной нам,
Помериться умами мы спешим,
Лишь Шоу сидит меж нами, недвижим,
Чуть слышно он начать Игру велит —
Один лишь чих его нас всех расшевелит.
В меха одет, явился Эдгар По,
Холодный вихрь кружит вокруг него.
Его чело — как бледная луна,
Что гаснет ночью, днем встает со сна.
Сражен Чарльз Диккенс, Твен: «О боже мой!»
Г. К. и Шоу? Как смертною тоской
Ослеплены. Лишь я один среди них
Напев Эдгара слышу, прост и тих.
Влетает Уайльд: багряный барабан
Его таит коварство и обман.
Вот входит Мелвилл, Редьярд Киплинг с ним.
Тот белый, словно Кит, другой, как Ким,
В индиго. Вот Лорд Рассел, хитрый гном —
Его цилиндр величиною с дом
Бросает вызов Шоу и Честертону,
А По сердито в глубине вагона
Умы и шляпы на свой лад кроит,
А Киплинг Уэллса за «Страну слепых» честит.
Но, чу! Здесь что ни слово, то алмаз!
Занудство? Нет! От *этого* Бог спас!
Их Музы точат слог об острый ум,
Пусть Шоу кричит, а гордый Лорд утрюм,
И я, какмышь, в углу сижусь молчком
Весь путь, держа язык свой под замком,
Я счастлив затеряться среди богов,
Что ночь пронзают силою умов.

Летят светила — мысли поезда,
Тот — «нова», этот — старая звезда
Галлея, что проносит свет идей
Сквозь тьму и мрак пред взорами людей.
Я крохи мудрости ловлю и ем их сам.
Икота Шоу? — Для меня бальзам!
Чем тише голос По, тем громче — их,
Бледно его чело и нем язык,
Но я смеюсь: пока они шумят,
Ловлю я Эдгара шуточный взгляд,
В нем — Черный Кот под трещиной стекла,
Душа — Колодец, Маятник — глава.
Пока все пьют, в его немых глазах
Ужасных Ашеро́в я прозреваю крах.
Пусть Шоу и Честертон пикируются зло.
«Амонтильядо? — предлагает По.—
Напая́лим Бочку на голову, и глухой
Безумцев окружим мы каменной стеной»...
А я смотрю из своего угла,
Как расправляют ангелы крыла,
Заоблачных вершин взметая пар,
Как горные козлы, и сладких чар
Что за музыка! Вслушайтесь в их спор!
Под стук колес гремит их разговор.
От самого вокзала слышен звон
Шестерки славной. Вдаль бежит вагон...
И я купаюсь в струях их бесед,
Вдруг Шоу отрежет: Истины здесь нет!
А Честертон горланит: я да я.
За чаем с пирогом не смолкнет болтовня.
Молчит лишь Эдгар, мнится ли ему,
Что будет мертвым найден он в снегу?
Уайльд на чужбине, беден и проклят,
Умрет, а Мелвилл — дома... критики ж все спят.

Проклятье на их души! Отчего?
Ужели мудрецы не ведали того,
Что знаем мы? Кит — какова его длина?
По знаменит, но какова ему цена?
Глумишься ты, а Уайльд смеется над тобой...
Что ж критики? — вздыхаю я порой.
Они читают, только мыслят ли?
Я пью вино, иное пьют они
Из одного со мной истока. Что ж, друзья,
Каким секретом мудрости владею я?
От книг, что я читаю, им — тоска:
Зевнут и похоронят на века.
Но что зовет друзей из их гробов?
Ночь, голос, одинокий дом, любовь,
Дом, полный шороха страниц, где я
Выхватываю книги из огня?
Эдгар, живи; и Уайльд, и Дориан,
От сна очнись, чтоб этот мальчуган
Восторг и трепет снова ощутил.
Останься, Герман, Кит, не уходи!
Тебя не стану я ни презирать, ни гнать,
Кита сомнением циничным убивать.
В багаж сдан холст, и призрак Дориан спит,
Уайльд молча пьет свой чай, а Шоу кричит.
Вдруг Уайльд бросает меткое словцо —
Гром смеха, у Оскара светится лицо.
Писатели галдят, на лицах пот,
Их словеса — как пиво, Уайльд же льёт
Вино. Прокашлявшись, Эдгар заговорил,
То голос Ашера звучит среди могил,
Стук сердца — как колес тревожный перебор,
Как ворон, дым несется: *Nevermore*.
Что ж Мелвилл? Где же Кит его? Постой...
«Не Кит — простая килька! Паруса долой!» —

То критиков слова. А Мелвилл, что же он?
В морском прибое слышит похоронный звон.
Полночный поезд изогнулся впереди,
Как белый призрак, паровоз летит:
То флаг надежды на земле и на воде,
То Моби Дик зовет меня к себе.
Мы знаем это, но толпимся у окон:
Где Белый Кит, куда влечет нас он?
Огни Святого Эльма пляшут там, вдали.
Как Бог, бушует море — мы, как корабли,
В нем тонем, в ночь несясь, и старый Моби
Нас тащит за собой, как поезд скорби.
«Всё вздор,— отрезал Шоу и сел, всех отрезвив,—
То Бунт Машин!» — сказал, глядя на рельс извив.
Что ж, хорошо — не Зверь! Садимся все за чай,
К столу — печенье, сдоба, сладкий каравай.
За чаем Киплинг вспоминает, как крепка
Была когда-то хватка царственного Каа,
Как мальчик Ким в разведку послан был,
Как грозно Маугли по-волчьи выл.
Поют сердца, летит наш поезд скорый:
Да! Киплинг, он — наш Человек, Который
Хотел Стать Королем! Но, чу! Заря.
Уж некогда заснуть, зеваем зря.
Конец пути! Уж видим мы вокзал,
Тот, где находится всех книг финал.
Писатели встают, и каждый в путь готов,
Шуршат шаги прославленных богов.
От их сияния болят глаза,
Теснится грудь и катится слеза.
Сердечный стук колес все тише, мы пришли:
Вокзал «Когда-то Где-то На Краю Земли».
Как тихо. Раньше жизнь вдыхали в нас слова —
Здесь птичьим гомоном наполнена трава.

Шоу спрыгнул на перрон, и Честертон вниз,
И Киплинг смахивает с моих глаз слезу.
Вот шагом скорбным выступает По,
С ним Мелвилл в белом, и его лицо бело.
Без слов «Прощай» иль «Nevermore» он в ночь,
Пожав мне руку, ускользает прочь.
Лишь Оскар Уайльд еще сидит со мной
И мудрости багаж перебирает свой.
«Это особый миг,— он говорит,— давай
И впрямь простим друг друга. Ну, прощай!»
А Твен меня, как теплый ветерок,
За щеку треплет: «Бог храни тебя, сынок!»
Они уходят по перрону в этот мир,
И Мелвилл ковыляет, одинок и сир.
Но что это? У моря книжный магазин?
Огромный! Я так рад, я не один!
Они не умерли, не потерялись, нет!
Другой мальчишка купит им билет
Однажды, может завтра, на экспресс ночной,
Что увлечет других писателей с собой,
Которым ведома вся радость бытия.
Откуда мне известно? Просто знаю я!
Мои друзья ушли, а я смотрю им вслед,
Гляжу, как тает на морском песке их след,
Вхожу в вагон, меня гнетет тоска:
Подобных им уже не будет никогда!
Но шум прибоя повторяет мне:
Отступит смерть, слова оставив на песке.
И я, отправившись в путь одинокий свой,
Их книги распахну, и вот они со мной!

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. ЖИВ, ЗДОРОВ, ПИШУ	7
КУКОЛКА	16
ОСТРОВ	34
КАК-ТО ПЕРЕД РАССВЕТОМ	51
СЛАВА ВОЖДЮ!	65
БУДЕМ САМИМИ СОБОЙ	81
OLE, ОРОСКО! СИКЕЙРОС, <i>Si!</i>	93
ДОМ	106
ТРАУРНЫЙ ПОЕЗД ИМЕНИ ДЖОНА УИЛКСА БУТА/УОРНЕР БРАЗЕРС/MGM/NBC	124
СМЕРТЬ ОСТОРОЖНОГО ЧЕЛОВЕКА	137
КОШКИНА ПИЖАМА	164
ТРЕУГОЛЬНИК	176
МАФИОЗНАЯ БЕТОНОМЕШАЛКА	190
ПРИЗРАКИ	200
В ПАРИЖ, СКОРЕЙ В ПАРИЖ!	210

ПРЕВРАЩЕНИЕ	218
ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ	231
ДЕЛО ВКУСА	246
МНЕ ГРУСТНО, КОГДА ИДЕТ ДОЖДЬ (ВОСПОМИНАНИЕ)	267
ВСЕ МОИ ВРАГИ МЕРТВЫ	278
СОБИРАТЕЛЬ	287
Эпилог. «ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС» В ВЕЧНОСТЬ ДЛЯ Р. Б., Г. К. Ч. И ДЖ. Б. Ш.	293

Литературно-художественное издание

Рэй Брэдбери КОШКИНА ПИЖАМА

Ответственный редактор А. Гузман
Художественный редактор А. Сауков
Технический редактор О. Шубик
Компьютерная верстка Н. Шабунина
Корректоры Л. Ершова, Л. Пищелева

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»
191028, Санкт-Петербург,
ул. Моховая, д. 32. Тел./факс (812) 329-55-33.
E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Подписано в печать 15.05.2006.
Формат 70х90^{1/32} Бум. тип. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,1.
Тираж 3000 экз. Заказ 8407.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Рэй Брэдбери (р. 1920) — выдающийся мастер американской прозы, которого любят и ценят миллионы читателей во всем мире, лауреат множества литературных премий, первопроходец романтическо-философской традиции, в которой позже работали такие властители дум, как Ричард Бах и Пауло Козью.

ISBN 5-699-16978-4

9 785699 169788 >